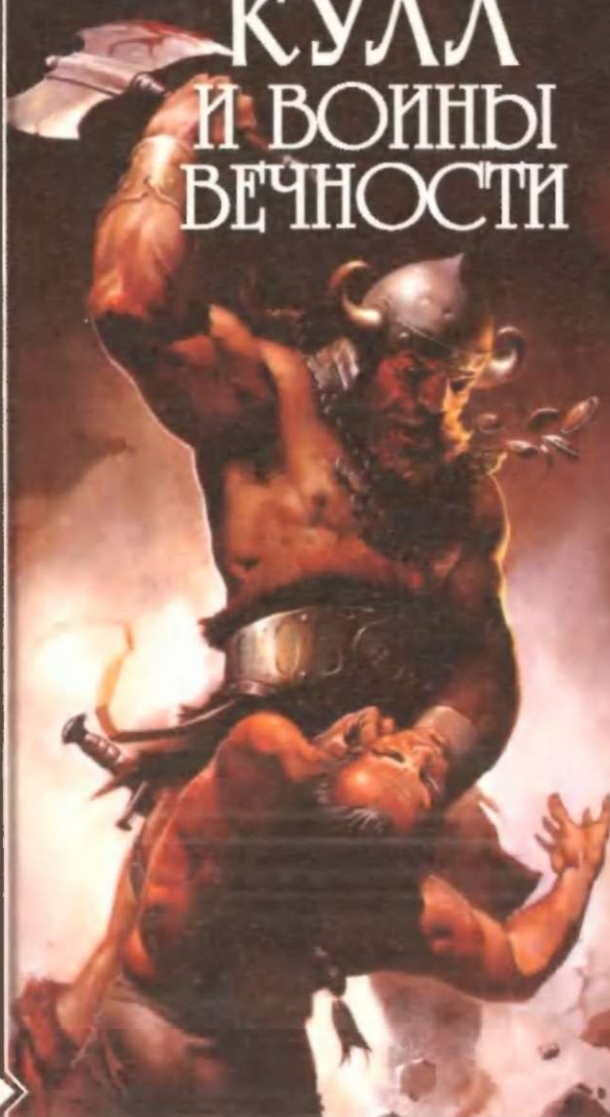

КУЛЛ И ВОИНЫ ВЕЧНОСТИ

Северо-Запад®

ЕЖАА

КУЛЛ
И
ВОЙНЫ
ВЕЧНОСТИ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 90

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

К90 Кулл и воины вечности: Повести и рассказы. — СПб.: Северо-Запад, 1999. -

ISBN 5-87365-049-7

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-87365-049-7

© Ken Kelly, обложка, 1991
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ЖУМ

ДОЛИНА
ТИГРОВ

ДОЛИНА ТИГРОВ

Кулл, восторженно прищурившись, замер на краю скального плато. Даже он, с раннего детства привыкший к удивительной красоты ландшафтам горной Атлантиды, был поражен величием открывающегося перед ним вида. Прямо под его ногами, затерянная в сердце Приморских гор, лежала бескрайняя долина.

Во все стороны, насколько было видно, раскинулось поистине бескрайнее зеленое море джунглей. И лишь на самом горизонте ястребиные глаза Кулла разглядели тонкую полоску гор, окаймлявших это волшебное место с северо-востока. То здесь, то там сквозь глянцево блестящую зелень пробивалось серебряное мерцание рек, а в одном месте несколько сверкающих жилок сливались в большое озеро, голубизной не уступавшее высокому небу.

Но больше всего Кулла поразила горная гряда, глубоко вдававшаяся в долину с запада. Она напоминала — да что там напоминала, как две капли воды походила на тигриную лапу с выпущенными когтями. Кулл даже вздрогнул,

попытавшись представить себе, какой величины в таком случае должен быть тигр. Не иначе как на таком звере разъезжал во Дни Творения Мира сам Валка — Владыка Сущего.

Приложив руку к глазам, чтобы уберечь их от слепящих лучей солнца, стоявшего почти в зените, Кулл восторженно разглядывал долину. Неужели ему посчастливилось обнаружить ту самую легендарную Долину Тигров, в существование которой он никогда не верил, высмеивая предания племени Приморских гор?

От одной только мысли, что, быть может, именно здесь ему удастся обнаружить исчезнувший народ племени ширагов, сердце Кулла забилося быстрее. Не раз он слышал, что походит на этих загадочных людей, пришедших неизвестно откуда и ушедших неведомо куда.

С сожалением он вспомнил свой разговор с Хор-Наком на эту тему — увы, один-единственный.

— Ты очень мне напоминаешь ширага, — как-то заметил Хор-Нак, когда он с Куллом и группой молодых воинов возвращались из набега на один из прибрежных лагерей лемурийских пиратов. В тот раз, помнится, им досталась обильная добыча.

— Что это еще за шираги? — удивился Кулл. — Я не знаю племени с подобным названием.

— Сейчас такого племени и нет. — Хор-Нак с усмешкой посмотрел на молодого атланта. — Но много-много лет тому назад это было самое сильное племя в Приморских горах...

— А куда они делись? — поинтересовался кто-то из воинов.

— Это никому не ведомо,— поморщился Хор-Нак.— Вообще об этом племени мало что известно. Никто не знал, чем оно занимается и где обитает, но говорили о них необычные вещи...

— Последний раз я видел живого ширага за полную луну до того, как мы подобрали тебя в джунглях,— сказал тогда Куллу Хор-Нак.— А во времена наших старейшин они еще полностью повелевали Приморскими горами. Не знаю, кем они были, и знать не желаю, куда ушли,— повторил старый воин и плюнул себе под ноги.— Может быть, они даже и людьми не являлись...

— А может, их и вообще не было...— подхватил Кулл.— Или нет, не так.— Он сделал вид, что глубоко задумался.

— Это были духи деревьев...— совершенно серьезно сказал он наконец и после небольшой паузы добавил: — Или ожившие звериные погадки...— В восторге от собственной шутки Кулл со смехом повалился на землю.

К смеху атланта присоединились почти все воины. Молодежь гоготала во всю глотку, хлопая друг друга по спинам.

Обиженный недоверием Кулла, Хор-Нак замолк, и сколько его ни просил об этом атлант, горец никогда больше не говорил о ширагах.

Тогда Кулл не придавал значения болтовне Хор-Нака. Что ему за дело до каких-то мифических ширагов? Но теперь, когда он понял, что совершенно не похож на народ Приморских гор, атлант задумался: а не был ли он и впрямь одним из них?..

Кулл ловко заскользил вниз по почти отвесному каменному склону. Его подгоняло пред-

вкушение новых приключений, и от избытка сил он совершал фантастические прыжки, перескакивая с камня на камень, балансируя над туманной пропастью, лежащей у него под ногами. Но, несмотря на недюжинные силу и ловкость, достичь дна каменного провала атлант сумел лишь к вечеру.

Тем временем полуденный жар уступил место ночной прохладе. Но Кулл, одетый лишь в набедренную повязку из леопардовой шкуры, был равнодушен, и к тому и к другому. Его дубленой шкуре позавидовал бы даже толстокожий носорог.

Напившись из ледяного ключа, дающего начало одной из речушек, Кулл быстро миновал каменистую пустошь и смело вступил под сень высоких деревьев.

Дурманивший аромат тайны манил атланта с такой силой, что Кулл решил идти всю ночь. Однако, понимая, что сытому идти легче, чем голодному, он решил сделать небольшой привал, чтобы поохотиться и перекусить.

Через полчаса прямо на берегу безымянной речушки горел небольшой костер, от которого окрест разносился аппетитный запах жареной дичи и запеченной в пряных листьях рыбы. Но азарт гнал атланта вперед, и ел он уже на бегу.

Кулл решил держать путь на горную грядку, названную им Лапой. Отсутствие звезд, скрытых густой листвой, не мешало ему выбрать правильную дорогу. Ориентируясь не хуже ночного хищника, он без усталости покрывал лигу за лигой.

Рассвет застал его неожиданно, как раз тогда, когда атлант решил сделать остановку для

отдыха. Забравшись на высоченное дерево, вознесшееся над джунглями, Кулл с удивлением обнаружил, что впервые в жизни глазомер его подвел. Несмотря на то что за ночь он проделал немалый путь, расстояние между ним и Лапой, казалось, совершенно не уменьшилось.

Судя по всему, высота и невероятно прозрачный горный воздух сыграли с ним шутку, и он неправильно оценил длину Долины Тигров. Кулл удивленно покачал головой, прикинув ее истинные размеры. Да ему потребуется не меньше седмицы, чтобы только добраться до Лапы!

Решив, что теперь торопиться куда-либо не имеет смысла, Кулл решил основательно осмотреться в Долине Тигров.

. . .

День летел за днем, Кулл наслаждался вольной жизнью. Природа была ему достойным противником — он бегал наперегонки с ветром, покорял отвесные скалы, преодолевал бурные реки, охотился на самых страшных зверей: пещерных медведей, горных кугуаров, черных леопардов. Что может быть для воина лучше, чем выходить на стремительного, опасного хищника один на один? Его ум против ума зверя, его инстинкты против звериных, его каменный кинжал против острых клыков и когтей.

Но сам Кулл понимал, что зверь и человек — понятия все-таки разные. Человек, во всяком случае мужчина, — это тот же хищник, только умеющий пользоваться оружием и думать вслух. Поэтому у Кулла вошло в привычку раз-

говаривать с самим собой у вечернего костра.

Кулл не раз вспоминал свои слова, брошенные им Хор-Наку: «Звери — это не духи и не демоны, они подобны людям, только без похоти и жадности человека». В этих благословенных безлюдных местах он лишний раз уверился в правоте своих слов: в хищниках, даже в самых ужасающих, не было человеческих подлости и коварства.

Ни одному зверю не могло прийти в голову обречь собрата на лютую смерть лишь потому, что тот жил не так, как он сам. Более того, именно животные — настоящие дети природы — жили свободно, не связанные липкими путами традиций и суеверий. Их взаимоотношения определяли лишь чувство голода да границы охотничьей территории, а что может быть честнее?

— Все зло в мире от тех, кто заставляет других людей жить по-своему,— определился для себя Кулл.— Наверное, у них в голове заводятся черви, подобные тем, что бывают в несвежем мясе, и эти несчастные решают, что именно им известно, как следует жить другим.

Кулл долго размышлял на эту тему и пришел к выводу, что некоторые с детства предрасположены к подобной болезни — а именно те, кто впоследствии становится шаманами и прочими колдунами.

— Было бы лучше убивать их еще в молодости, а не обречать на подобные мучения,— так решил Кулл.

Действительно, человека, дожившего до глубокой старости, вместо того чтобы погибнуть в бою — как положено настоящему мужчине, иначе как больным назвать было нельзя.

— А еще зло таится в том, что некоторые называют «любовью», — наставлял сам себя Кулл. — Это, конечно, не такая вредная болезнь, как черви в голове, но она поражает сердце воина. И тогда оно делается мягким и слабым, как сердце девушки. Да сохранят меня Великие Боги от этих ужасных напастей!

По своей наивности пятнадцатилетнего юноши, не умеющего ни писать, ни читать дикаря, Кулл считал, что гармонии с миром можно достичь лишь близостью к природе. Нужно отказаться от придуманных стариками морок — таких, как любовь, например, — которые делают человека слабым и уязвимым, и человек будет счастлив. Однако события последующих дней заставили его пересмотреть свои взгляды на жизнь...

. . .

Однажды Кулл после удачной рыбалки грелся на солнышке на берегу речки. Внезапно его полуденную дрему прервали страшные человеческие крики и пронзительное звериное повизгивание. Подхватив самодельную острогу, изготовленную им из ствола молодого дуба и острейшего обсидианового скола, Кулл рванулся на голос.

Вскоре он оказался на широкой поляне и от открывшегося ему отвратительного зрелища на мгновение замер.

В центре поляны вызывающе торчало низкое, узловатое, кривое и невероятно толстое дерево, испещренное множеством дупел. На нем, распятая на тошнотворно алом глянцеви́том стволе, висела истекающая кровью прекрасная молодая девушка.

Сперва Куллу показалось, что у нее нет стоп и кистей рук, но, приглядевшись, атлант понял, что ошибся. К его неопи́суюмому отвращению оказалось, что руки и ноги несчастной каким-то противоестественным образом зажаты дуплами, напоминающими мерзкие беззубые рты.

А прямо перед девушкой, довольно обли́зывая окровавленную морду, сидела гигантская белая росомаха. Время от времени она впивалась в кричащую от ужаса и боли жертву, выдирая куски плоти. Инстинктивно Кулл понял, что белая тварь не сколько утоляет голод, сколько наслаждается болью и ужасом беззащитной жертвы.

За исключением тигров, не было в джунглях зверя опаснее, чем росомаха. Однако даже природная свирепость тигров не шла ни в какое сравнение с поистине адской злобой этих тварей. Но Куллу доселе не приходилось встречать росомаху таких размеров.

С яростным боевым кличем атлант в два невероятных прыжка покрыл отделявшее его от росомахи-людоеда расстояние и обрушил на омерзительную тварь страшный удар остроги. Однако хищник, обладавший молниеносной реакцией, в последнее мгновение успел увернуться, избежав смертельной атаки.

Вместо того чтобы вонзиться росомахе под лопатку, лезвие остроги лишь глубоко распорол

левый бок зверюге, почти перерубив верхнюю лапу. Однако хрупкий обсидиан не выдержал силы удара и раскололся на множество осколков.

Завывая от бешенства и боли, росوماха, ковыляя на трех лапах, бросилась на обидчика. Кулл не успел вовремя отскочить, и острые как сталь когти, разрывая мускулы, впились ему в грудь. Он выпустил из рук бесполезное в ближнем бою древко и двумя руками ухватил гигантского зверя за горло, не давая тому впиться себе в горло.

Гигантские челюсти защелкали прямо перед лицом Кулла, из разверстой окровавленной пасти шибануло нестерпимой вонью. Не обращая внимания на страшную боль, Кулл напряг все свои силы и могучим рывком отбросил зверюгу в сторону.

Упав на землю, он перекувырнулся через плечо и ловко подхватил откатившееся в сторону дубовое древко. Движения Кулла были стремительны, как выпад атакующей кобры, но все же он чуть-чуть не опоздал. Проклятая тварь двигалась еще быстрее!

Кулл понял, что не успевает подняться на ноги, поэтому он повалился на спину, прижав к груди ноги и зажав ими древко, конец которого он держал подмышкой. Торжествующе визжащая росوماха, разинув пасть, кинулась на лежащего на земле атланта.

Должно быть, гадина уже представляла себе, как разрывает бросившему ей вызов смельчаку живот, и предвкушала сладкий вкус горячей крови, но она жестоко просчиталась. Перед ней

был не просто безрассудно смелый человек, а лучший боец племени Приморских гор.

Хладнокровно дождавшись, пока росомаха, передвигающаяся на трех лапах, окажется в воздухе, Кулл изо всех сил вогнал дубовую палку прямо в истекающую кровавой пеной оскаленную пасть. Одновременно с этим он сдвоенным ударом ног откинул зверя обратно. Не успела росомаха удариться о землю, как Кулл был уже на ногах.

Не давая кровожадному монстру опомниться и прийти в себя, атлант на торчащий из пасти зверя кол и ногами прижимал его к земле. Выдернув из-за опоясывающего его талию кожного ремня кинжал, Кулл одним стремительным движением загнал длинное кремниевое лезвие точно в левый глаз зверя.

После этого он всей своей тяжестью навалился на древко, стараясь удержать агонизирующего хищника на месте. Однако умирающая росомаха отбросила атланта далеко в сторону. Залитая своей и человеческой кровью гадина умудрилась подняться на лапы и проковылять несколько шагов по направлению к страшному дереву.

Из горла росомахи вылетело тонкое повизгивание, к ужасу Кулла невероятно напоминавшее торжествующий безумный смех. На мгновение красные глаза гигантского зверя вспыхнули адской злобой, а потом он завалился на бок, успев, однако, выбросить вперед лапу. Страшные, длинные, изогнутые когти вспороли живот девушки. Зверь несколько раз судорожно дернулся у ног своей жертвы и испустил дух...

Над поляной повисла страшная тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Кулла и еле слышными стонами девушки.

Не обращая внимания на свои кровоточащие раны, Кулл подбежал к девушке. Выдернув из глаза убитой им росوماхи кинжал, он попытался расщепить древесину у края дупла чтобы освободить несчастную. Но кора проклятого дерева, казалось, была крепче камня.

— Дерево кубурхов никогда не отпускает свои жертвы.— Голос девушки был тих и печален.— Благодарю тебя, мужественный воин, но ты уже сделал для меня все, что мог...

— Молчи и береги силы,— прошипел Кулл, в иступлении кромсая алую кору.

Но все было тщетно, и наконец, не выдержав особенно сильного удара, его верный кремниевый кинжал раскололся. Отбросив бесполезную рукоятку, Кулл обрушил на дерево удары своих тяжелых кулаков, разбивая их в кровь.

— Все, воин, все уже...— привел его в себя ласковый тихий голос.

От нежного взгляда незнакомки Кулл содрогнулся до глубины души: испытывающая страшную боль, умирающая девушка искренне жалела его, здорового воина! Каким-то невероятным образом она сумела почувствовать и понять переполюнявшие Кулла отчаяние и бессилие.

— Кто... кто... это сделал?..— скрежеща зубами, сумел выдавить из себя Кулл.— Клянусь огненным клювом птицы Ка, я уничтожу весь его род!

— Это сделали кубурхи...— тихо произнесла девушка.

— Скажи мне, где их найти, и можешь быть уверена, что они уже мертвы! — Кровавая ярость застилала глаза Куллу. — Ты будешь отомщена!

— Мне осталось немного, посиди со мной... — Голос девушки был тих и печален. — А я постараюсь ответить на все твои вопросы, человек с гор...

— Меня зовут Кулл, — опустив глаза, сказал атлант. Хотя умом он понимал, что не в силах ничего изменить, ему было стыдно смотреть на умирающую девушку, помочь которой он был не в состоянии.

— А я — Наая, — ответила та.

— Кто такие кубурхи? — Кулл взял себя в руки. Помочь несчастно он уже не мог, оставалось лишь одно — достойно отомстить ее убийцам. А для этого он был обязан выяснить о своих врагах как можно больше. — Расскажи мне о них все: где они живут, сколько их, что это за люди.

— Это не люди, — покачала головой Наая.

— Как это так? — удивился Кулл.

— Кубурхи — потомки древней расы, населявшей эту долину еще в незапамятные времена.

— А они похожи на меня? — спросил у Нааи Кулл, который с ужасом подумал, не являются ли шираги и кубурхи одним и тем же племенем.

— Нет, что ты. — Наая слегка улыбнулась. — Ты — красивый, а они — страшные. Больше всего кубурхи напоминают помесь пещерных людей и росوماх, если ты можешь представить себе плоды такого мерзостного союза. Кроме того, они поклоняются Богу-Росомахе — кровожадному Со-оху. Доподлинно известно, что Со-

ох покидает ужасающие бездны ада и является на их гнусные людоедские пиршества. За это их божество делится с ними своей дьявольской силой...— Наая на мгновение замолкла, переводя дух,— А вождя этого адского племени зовут Гунум. Это — воплощенное Зло-

Девушка от отвращения содрогнулась.

— Он действительно могучий колдун. Именно Гунум вырастил это ужасное Дерево Кубурхов.— По щеке Нааи скатилась слезинка.— Как и сами кубурхи, оно питается человеческой кровью и плотью. Каждые четыре луны кубурхи приносят ему человеческую жертву. Местоположение этого дерева — одна из величайших тайн кубурхов. Ни один из тех, кто его видел, не вернулся назад.

— Но скажи, как ты к ним попала? — воскликнул Кулл.

— Подожди, воин, дойдем и до этого.— Глаза Нааи лихорадочно блестели, по посеревшему лицу стекали капельки пота.— Ты должен знать, какое жалкое существование влачат люди в этой страшной долине...

— А мне она показалась такой красивой,— наивно удивился Кулл.— Я думал, здесь должны жить самые счастливые в этом мире люди...

— Как же ты ошибся, воин! — воскликнула Наая— Нет племени несчастнее, чем наше. Знай же, Кулл, что мы — не более чем мясной скот кубурхов!

— Ты хочешь сказать?..— побледнел Кулл.

— Да.— Глаза Нааи погасли.— Кубурхи нас разводят на убой. Каждые четыре луны они забирают из нашей деревни двух юношей и двух

девушек, одну из которых приносят в жертву своему Дереву, а остальных съедают сами.

— Но почему вы не наброситесь с оружием в руках на проклятых людоедов? — воскликнул изумленный Кулл.— Почему вы безропотны, как трусливые овцы?! Лучше смерть в бою, чем судьба покорного скота!

— Ты еще не сталкивался с жутким племенем Гунума,— горько вздохнула Наая.— Эти демоны не только умеют подчинять взглядом свирепых росомах и леопардов. Они еще каким-то непостижимым образом могут смотреть на мир глазами этих хищников. Когда во мраке ночи случайный звездный лучик отражается в налитом кровью глазе алчущего человечины зверя, мы не знаем, чей дух ведет тварь к добыче — его собственный или кубурха. Теперь ты понял, насколько мы бессильны? Клянусь, боги прокляли наше племя и отвернулись от этой юдоли страданий...— Наая замолчала.

— Раз вам не хватает мужества умереть в бою, тогда почему бы вам не покинуть эту долину? — не сдавался Кулл.— Там, за горами, лежит целый мир! Пускай мужчины, которые еще не превратились в дрожащих от страха слизняков, уйдут в джунгли, чтобы нападать на кубурхов из засады.

И пока они будут отвлекать внимание ваших врагов, остальное племя сможет отправиться к горам.— Кулл махнул рукой в сторону, откуда пришел.

— И этот путь нам заказан.— Наая уже говорила так тихо, что Куллу приходилось напрягать слух, чтобы слышать слова девушки.— Наша деревня расположена в речной долине

между неприступными горами и горой, которую мы зовем Тигриной. Называется она так не только из-за своей необычной формы, Кулл. Дело в том, что там обитает племя огромных и необычайно свирепых горных тигров. И ни один человек не в состоянии пройти через джунгли, ее окружающие, чтобы не быть растерзанным на мелкие кусочки!

Горные тигры бдительно охраняют свою территорию, и нет туда ходу ни людям, ни кубурхам, смертельным врагам тигриного племени. Даже сам Гунум не в состоянии подчинить этих свирепых кошек своей воле...— сказала Наая.— Мы ежечасно молим богов, чтобы кошмарные кубурхи и страшные тигры уничтожили друг друга, но небеса остаются глухими к нашим молитвам.

Так мы и живем в постоянном ожидании смерти.— В глазах Нааи читались звериные тоска и покорность.— Наше единственное спасение в том, что проклятые твари вскоре сожрут нас всех и примутся друг за друга. Тогда, по крайней мере, нашим детям, которых никогда не будет, не придется разделить нашу лютую судьбу.— Наая замолчала и лишь судорожно втягивала ртом воздух.

Кулл недоверчиво покачал головой. В самом кошмарном сне ему не могло присниться, что люди могут докатиться до такого состояния. Не иначе как сам Создатель Сущего направил его стопы в эту долину... Не будь он Куллом из Атлантиды, если он не разберется с этими полуллюдьми-полужверьми!

— Заклинаю тебя, воин, беги прочь из этой Долины Проклятий, пока страшные кубурхи не

пожрали твоё тело и твою душу...— Наая всхлипнула и затихла.

Когда Кулл поднял на неё взгляд, девушка была уже мертва. На её лице навеки застыла робкая улыбка. Судя по всему, смерть для Нааи была долгожданным избавлением от постылой жизни.

Кулл плюнул на убитую росوماху и угрюмо сказал:

— Да будут прокляты существа, сделавшие такое с этой женщиной! Да будут прокляты существа, лишившие целое племя мужества даже покончить с собой! Клянусь всем светлым, что было в моей жизни; всеми богами, какие были есть или будут; клянусь искрой творения, что горит в моем сердце,— я, Кулл из Атлантиды, уничтожу поганых кубурхов, чего бы мне это ни стоило! — Голос Кулла был на удивление спокоен и невыразителен — так палач выносит приговор своей жертве.

И если бы кто-нибудь из бывших соплеменников Кулла мог его сейчас слышать, то поразился бы перемене, произошедшей с голосом молодого атланта. Это был голос покрытого сединой и шрамами опытного воина, голос постигшего высшую мудрость правителя, голос зрелого мужа, а не пятнадцатилетнего юноши. Именно в это мгновение Кулл стал взрослым.

Только сейчас Кулл обратил внимание на одну странную деталь. Несмотря на то что кровь буквально хлестала из многочисленных ран Нааи, земля у основания дерева оставалась совершенно сухой.

Приглядевшись, юноша понял, в чем было дело. Вся кровь, до последней капельки, жадно

впитывалась алой корой Дерева Кубурхов, как называла его Наая. Кулл содрогнулся, представив, что за соки питают это дерево-кровососа.

Вернувшись на песчаный берег, где все так же весело журчала вода, которой не было никакого дела до человеческих радостей и печалей, Кулл промыл свои раны. Набрав полную горсть пиявок, он растолок их в большой плоской раковине вместе с корой рушины и листьями водяной багрянки.

Не обращая внимания на жгучую боль, юноша покрыл полученной кашицей глубокие раны на груди. Что ему — охотнику и воину — было за дело до страданий тела, когда его мозг сжигали страшная ненависть и желание мести, каких он в своей короткой жизни еще ни разу не испытывал.

Закончив со своими ранами, Кулл — все так же неторопливо — занялся следующим делом. Не успели тени сместиться и на ширину ладони, молодой атлант с охапкой толстых сучьев вернулся на поляну. Он четко представлял себе, что ему нужно сделать.

К этому времени Наая уже совершенно потеряла сходство с человеком. Некогда прекрасная дикарка сейчас напоминала скорей высохшую личинку бабочки. Пергаментно-серая кожа обтягивала рыхлые желтые кости, а пышные золотистые волосы съежились, превратившись в клочья белесой ломкой паутины. Так, высасывая из своих жертв жизненные соки, питалось адское порождение Гунума.

Стараясь не смотреть на девушку, Кулл старательно обкладывал дерево-вампира сухими смолистыми сучьями. Солнце уже клонилось к

закату, когда он закончил свой нелегкий труд. В центре поляны, где недавно разразилась смертельная схватка зверя и человека, скрывая жуткое дерево и его жертву, громоздился гигантский курган из веток, плавника и сухой травы.

Удовлетворенно оглядев творение своих рук, Кулл подобрал несколько кремниевых осколков, в которые превратился его кинжал. Юноша аккуратно высек искру на горсточку добытой им из разворошенного муравейника сухой трухи и раздул огонек.

Погребальный костер Нааи полыхнул ярким пламенем. В синее небо взвились жаркие языки огня, яростно пожиравшего сухую древесину. Кулл, скрестив ноги, не обращая внимание на палящий жар, сидел в нескольких шагах от костра. Он равнодушно следил за агонией живого идола кубурхов.

От нестерпимого жара дерево Гунума корчилось и вздрагивало, его короткие узловатые ветви извивались в жутковатой пародии на странный танец. Так, в понимании Кулла, могли бы двигаться мертвецы, оживленные неким безумным колдуном. Многочисленные дупла то сжимались, то разжимались, словно рот вытященной из воды рыбы.

Наконец судорожные движения Дерева Кубурхов прекратились. Его кора обуглилась, потеряв свой отвратительно алый цвет. С оглушительным треском дерево лопнуло, извергнув из своей сердцевины фонтан рдяной жидкости. К небу вознесся столб жирной копоти, и Кулла на мгновение захлестнула волна тошнотворного сладковатого запаха, в котором странным об-

разом смешались запахи крови и древесного сока.

После этого костер продолжал гореть, как и положено обыкновенному огню. Кулл не сводил замороженного взгляда с причудливо изгибающихся мятущихся языков белого пламени. Он не спал, но и не бодрствовал, балансируя на неуловимой грани между сном и явью.

Атланта вновь захватили уже знакомые ему видения. Прямо перед ним, насколько хватал глаз, расстилалось поле брани, заваленное мертвецами. Сам он, залитый собственной кровью и кровью неведомых врагов, опираясь на огромный боевой топор, сидел на золотом троне. А за его спиной, выстроившись ровными рядами, стояло неисчислимое воинство законных в алую броню могучих воинов. От их слитного крика вздрагивала земля и гудел воздух. «Славься король Кулл! Славься король Кулл! Славься король Кулл!» — раз за разом выкрикивали солдаты, и Кулл воспринимал это как должное. Ибо их королем и предводителем был именно он — Кулл из Атлантиды...

Резкий укол боли заставил юношу выйти из забытья. Он помотал головой, приходя в себя. Страхнув, словно надоедливую муху, с предплечья раскаленный уголек, Кулл одним движением оказался на ногах. На месте, где еще недавно совершались отвратительные жертвоприношения, теперь громоздилась лишь куча пышущих жаром угольев.

— Прощай, Наая,— прошептал Кулл.— Пускай с той стороны небес тебе выпадет лучшая доля.

На мгновение, прощаясь с девушкой, атлант замер, а затем добавил:

— Кровь и огонь, кубурхи, кровь и огонь... Вот ваша судьба. Я иду! — В последних лучах заходящего солнца льдистые серые глаза Кулла казались двумя бездонными горными озерами, на дне которых притаилась Смерть.

Кулл повернулся спиной к костру и, не оглядываясь, направился к лесу. Он пересек широкую поляну и растворился в упавших на затихшие джунгли сумерках.

. . .

Кулл, словно голодный леопард, мчался по следу кубурхов всю ночь. Однако он был вынужден потерять целый день на то, чтобы изготовить себе оружие. Никто бы не назвал сделанный им из можжевельника и перекрученных оленьих жил лук вершиной оружейного искусства, но тем не менее в умелых руках молодого атланта это было действительно грозное оружие. Кроме лука и двух дюжин стрел арсенал Кулла пополнился острым кинжалом, изготовленным из обсидианового скола, и простым, но от этого не менее смертоносным каменным топором.

Увы, эта задержка оказалась роковой. Разразившаяся вечером страшная буря уничтожила все следы кубурхов. Но Кулл продолжал двигаться на северо-запад, решив обогнуть Лапу с востока. Уж в чем в чем, а в том, что рано или поздно он встретится с кубурхами, юноша не сомневался. И все-таки на кубурхов он наткнулся совершенно неожиданно.

Кулл еще издали слышал хриплые, лающие голоса. Никому другому, кроме кубурхов, они явно принадлежать не могли. По треску и шуму, производимому отрядом, было ясно, что кубурхи чувствуют себя здесь полными хозяевами, не опасаясь нападения ни людей, ни зверей. Так ведет себя хищник на своей охотничьей территории.

Кулл зло усмехнулся. Отлично! Сейчас этим порождениям мрака предстоит убедиться, что в их лесах завелись создания куда более опасные, чем саблезубые тигры.

Взлетев на дерево, Кулл огляделся. Буквально в сотне локтей от него на широкой прогалине встал лагерь небольшой отряд кубурхов — их было не более двух дюжин. Твари решили переждать полуденную жару и остановиться на привал.

На поляне кипела бурная работа. Одни кубурхи разжигали костер, другие устанавливали рядом с ним подпорки для импровизированного вертела, третьи сгоняли в плотную кучу связанных одной веревкой людей. Кулл насчитал пятнадцать человек всех возрастов — среди них были и маленькие дети, и глубокие старики.

Кубурхи подгоняли своих пленников пинками и ударами древками тяжелых копий. Кулла опять поразила полнейшая безучастность людей: опущенные головы, сгорбленные спины — все выражало покорность жертв своим палачам. Однако он выделил пару молодых людей — юношу и девушку, старавшихся хоть как-то приободрить своих соплеменников. С такого

расстояния Кулл не мог рассмотреть их лица, но оценил их гордый и независимый вид.

Соскользнув на землю, атлант короткими перебежками помчался к лагерю кубурхов. Скрываясь за кустами и деревьями, никем не замеченный он подобрался к самому краю поляны. Как раз вовремя, чтобы оказаться свидетелем страшного зрелища.

Один из кубурхов — здоровенный детина, покрытый не то густым волосом, не то редким мехом, — подошел к пленникам. Он, не церемонясь ощупал несколько человек, что-то неразборчиво буркнул и выдернул из толпы смуглого юношу. Кулл машинально отметил, что вряд ли тот был старше его. Остальные кубурхи довольно загоготали, одоббив выбор соплеменника.

Прежде чем Кулл успел понять, что сейчас должно произойти, мохнатый кубурх ухватил несчастного за волосы, запрокинул ему голову и взмахом ножа перерезал горло. Юноша еще был жив, когда кубурх припал к разверстой ране, жадно глотая еще дымящуюся кровь.

В одно мгновение лютая ненависть захватила атланта. Более не таясь, Кулл одним гигантским прыжком оказался на середине поляны, на лету натягивая тетиву. Первую стрелу он выпустил, еще находясь в воздухе. Длинная, идеально прямая камышина, внутри которой был вставлен ошкуренный прут, коротко свистнула и вонзилась прямо в удивленно распахнутую пасть кубурха. Тот рухнул как подкошенный, и кровь палача смешалась с кровью его жертвы.

Прежде чем кубурхи пришли в себя, Кулл успел расстрелять половину стрел, методично вы-

пуская их одну за другой. И почти все они нашли свою цель. Тех нескольких мгновений, пока ошеломленные кубурхи бестолково метались по поляне, наталкиваясь друг на друга, хватило атланту, чтобы уничтожить большую часть отряда.

К сожалению, его колчан очень быстро опустел. Отбросив теперь бесполезный лук, Кулл, яростно завывая, обрушился на самую большую группу уродливых созданий. Впавший в неистовство атлант свирепо размахивал топором, превращая в кровавое месиво головы кубурхов.

Однако к этому времени командир отряда — морщинистый, но очень крепкий кубурх — наконец сумел прекратить панику среди своих воинов.

— Ко мне! — взревел он. — Пожиратели падали, ко мне! Клянусь Росомахой, это же человек!

Раздавая направо и налево пинки и зуботычины, он гнал в бой свое воинство:

— Вперед, дети Сооха! Принесите мне его печень!

Наконец и до остальных кубурхов дошло, что им противостоит не орда демонов, а всего лишь один, пускай и грозный, противник. Оставшиеся в живых кубурхи, а их было еще не меньше дюжины, в мгновение ока взяли Кулла в кольцо, ошестинившись копьями. Юноша обратил внимание, что наконечники копий были стальными. Судя по всему, кубурхи владели секретом изготовления стального оружия.

За мгновение до того, как проклятые твари на него набросились, Кулл швырнул свой кинжал в сторону связанных между собой пленников. Он надеялся, что кто-нибудь дотянется до

ножа и перережет веревки. Но поймал ли кто-нибудь нож или нет, посмотреть уже не успел.

Не обращая внимания на многочисленные раны, юноша прыгал, кувыркался, уворачиваясь от ножей и копий, а также уклоняясь от свирепых ударов невероятно мускулистых кубурхов. словно вихрь носился он по поляне, не давая этим дьявольски ловким тварям превратить его в утыканный копьями труп.

Понимая, что на дальней дистанции против длинных копий его топор бесполезен, атлант постарался связать кубурхов ближним боем. Пока, хвала небесам, ему это удавалось.

Превратив страшным ударом топора лицо очередного противника в кровавую кашу, забрызгавшую его с головы до ног, Кулл подхватил выпавшее из рук кубурха копьё с широким зазубренным лезвием. Пару раз взмахнув новым оружием, чтобы к нему привыкнуть, Кулл, завывая, как раненый зверь, атаковал зверолюдей с новыми силами.

Ловко отбив в сторону копьё одного из сыновей Сооха, он проскочил мимо него и мощным ударом древка разможил колено стоявшему рядом с ним кубурху. Не успел еще затихнуть вопль изуродованного воина, как Кулл уже вырвал ему кадык. Оставив бьющегося в пыли кубурха захлебываться собственной кровью, Кулл развернулся и перебросил копьё в левую руку. Резким круговым движением он распорол брюхо огромному кубурху, попытавшемуся напасть на него сзади.

Звериным чутьем юноша почувствовал, как над его головой взлетает тяжелая дубина с шипами, и попытался обернуться, уже понимая,

что не успевает ничего сделать. Но в это мгновение перед его глазами что-то промелькнуло, и точно в левый глаз замахнувшегося на него кубурха вонзился его собственный кинжал. Самодовольная улыбка людоеда, уже мнящего себя победителем, сменилась предсмертной гримасой.

— Держись, воин, мы рядом! — раздалось за спиной Кулла.

Затем атланта оглушил пронзительный вопль, мимо него пробежал кубурх, руками-лапами пытаясь вырвать из груди копье. Сделав лишь пару шагов, он повалился на спину, взрывая ногами прелую листву.

— Вот так-то, тварь! — прозвенел ликующий женский голос.

И через мгновение рядом с Куллом, прикрывая его по бокам, выросли двое людей. Почему-то Кулл не удивился, опознав в своих спасителях примеченных им раньше юношу и девушку.

— Ну что, уроды, вот пришел и ваш час.— Кровожадная ухмылка исказила лицо девушки.

— Попробуйте справиться с нами теперь,— оскалился юноша.— Что же вы не пытаетесь применить на нас свое хваленое колдовское умение?!

Кулл молчал, восстанавливая дыхание. Грудь его бурно вздымалась, гоня воздух в горящие легкие. Не успел он сказать и слова, как оставшиеся в живых кубурхи бросились на них. Завязалась битва.

С первым своим противником — вооруженным кривым длинным ножом кубурхом — Кулл справился без особых усилий. Но следующий оказался посерьезнее. Размахивая огромной

шипастой дубиной, на него неся командир кубурхов.

— Мясо! — проревел он, обращаясь к Куллу.— Сегодня вечером я буду пить вино из твоего черепа! А когда ты окажешься в царстве великого Сооха, можешь похвастаться, что твоя плоть усладила самого Догыра! — Кубурх рассмеялся зловещим лающим смехом.

— Ты, говорящее животное,— плюнул ему под ноги Кулл,— постарайся сдохнуть молча и не оскорбляй небо своей болтовней!

Глаза Догыра налились кровью. Он злобно уставился на Кулла. На миг юноша почувствовал страшную головную боль. Казалось, нечто гадкое пытается влезть ему под черепную крышку. «Должно быть, Догыр пытается подчинить меня своей воле,— промелькнуло в голове у Кулла.— Так вот что имела в виду Наая!» Кулл затряс головой, отгоняя от себя колдовской морок.

Но и этого кратковременного замешательства атланта хватило Догыру, чтобы нанести страшный удар. Кулл, невероятным образом извернувшись, принял выпад кубурха на предплечье. Ему чудом удалось избежать длинных шипов, но удар Догыра был настолько силен, что рука его сразу же онемела. Не удержавшись на ногах, юноша упал на одно колено.

Догыр злобно рассмеялся.

— Брось оружие, червь,— скомандовал он в полной уверенности, что человек попал под его влияние.— И отойди в сторону. Я потом с тобой разберусь...

— У тебя не будет никакого потом,— проревел Кулл, вскакивая на ноги.

Догыр совершенно растерялся. Что происходит?! Почему этот странный человек не выполняет его приказы?

— Брось оружие... — повторил он.

— Как бы не так, — усмехнулся атлант в лицо Догыру. — Это тебе не хорьков колдовать...

Перехватив руку кубурха с дубинкой, Кулл напряг могучие мышцы. Не выдержав чудовищной хватки, кости кубурха затрещали, ломаясь.

— Это тебе за Нааю, — прорычал Кулл, отводя правую руку далеко за спину.

Догыр успел лишь страшно вскрикнуть, когда кулак Кулла обрушился ему на голову. В следующее мгновение остроухая голова кубурха взорвалась, словно перезревшая тыква.

Кулл огляделся вокруг: девушка тоже покончила со своим противником, и теперь они вместе с юношей теснили последнего оставшегося в живых кубурха. Не успел Кулл поднять с земли копьё, как с ним было покончено.

Только сейчас атлант смог разглядеть пришедших ему на помощь людей. Черноволосый юноша был чуть постарше Кулла, хотя и не такой мускулистый и высокий. Однако длинные гладкие мышцы говорил о его ловкости и физической силе. Это был совершенно нормальный парень, ничем не отличавшийся от соплеменников Кулла. Куда больший интерес вызвала у атланта девушка.

От одного только взгляда на ее гибкую и стройную фигурку у Кулла перехватило дыхание. Никогда прежде ему еще не доводилось видеть подобного совершенства. В это мгновение Кулл осознал — именно такую девушку он

искал всю свою жизнь. Теперь он понял, почему женщины племени Приморских гор не вызывали у него никаких чувств. По сравнению с незнакомкой они казались тусклыми ночными мотыльками на фоне полуденного солнца.

Девушка и юноша, радостно переговариваясь, двинулись ему навстречу. В это мгновение девушка удивительно грациозным жестом откинула со лба спутанные волосы, пропитанные кровью и потом, и улыбнулась.

Кулл выпучил глаза и разинул рот. Копье вывалилось из его разжатой руки, и он замер, не в силах вымолвить ни слова. Парочка, в свою очередь пораженная реакцией атланта, устояла на него в полном недоумении.

— Наая?! — наконец выдавил из себя Кулл.

— Наари,— поправила его девушка.— Но кто ты такой и откуда тебе известно имя моей сестры?

. . .

Надо сказать, Наари не удивилась, узнав о судьбе своей сестры.

— Бедная девочка,— покачала она головой.— Она так и не смогла поверить, что есть иной путь, кроме смерти...

Кулл вопросительно посмотрел на Наари.

— Старейшины с детства приучают нас к мысли, что все люди, одни — раньше, другие — позже, обречены закончить свою жизнь подобным образом.— объяснила девушка.— Они утверждают, что таково устройство мира...

— Бред! — вскинулся Кулл.— Зачем безропотно умирать, когда можно драться?! Неужели

никто не пытается спорить с этими трусливыми глупцами? Неужели среди вас совсем не осталось мужественных людей?

Девушка обожгла его гневным взглядом:

— Не смей так говорить, Кулл!

— Ты не прав, человек с гор,— поддержал девушку юноша. Его звали Вадан, и он сам был сыном одного из старейшин племени Долины Тигров.

— Ты уже знаешь, как проклятые дети Сооха могут поработать волю живых существ. Ни одно животное, кроме саблезубого тигра, не может устоять перед их адским взглядом. И уж тем более ему не могут противиться запуганные, забитые люди, которых убедили, что они не более чем корм для кубурхов!

— Но я же вижу, что на вас их дрянная магия не действует! — возразил Кулл.

— Ты прав,— тяжело вздохнула Наари.— Но таких, как мы, рождается один ребенок на полсотни.

— И именно нас в первую очередь стараются отдать кубурхам,— мрачно сказал Вадан.

— Но почему? — удивился юноша.— Если бы таких, как ты и Наари, оказалось достаточно много, вы могли бы скинуть с себя ярмо темной воли кубурхов.

— Понимаешь, воин с гор...— Юноша замаялся.

— Скажи ему правду, Вадан! — зло рассмеялась Наари.— Молчишь? Тогда я скажу сама!

Девушка повернулась к Куллу:

— Эти жалкие ничтожества, которых мы называем старейшинами, боятся за свою власть! Они предпочитают откупаться от кубурхов соб-

ственным народом, лишь бы те не вмешивались в их дела. А такие, как мы, для них помеха.

— Наари!..

— Что «Наари»?! — передразнила девушка Бадана.— Скажи, разве не так?

— Ты не понимаешь.— Юноша покачал головой.— Старейшины несут ответственность за судьбу всего нашего народа. Им приходится заботиться об интересах племени, а не об интересах отдельных людей!

— Еще несколько поколений — и от народа Долины Тигров останутся только обглоданные кости в деревне кубурхов,— горько заметила Наари.— И тогда о нас заботиться будут только шакалы, Вадан.— Девушка вновь повернулась к Куллу: — Понимаешь, эти глупцы думают, что необходимы кубурхам в качестве пастухов для их скота! Они не хотят понимать, что в глазах детей Сооха они такой же скот, как и все остальные.

— Но почему же вы не бежите прочь из этого адского места? — Кулл задал Бадану вопрос, на который ему так и не смогла ответить несчастная Наая.

Вадан молчал, а Наари объяснила:

— Лишь единицам удастся сбежать из деревни... Но практически никто из них не выживает в джунглях. Невозможно жить невидимым, а проклятым кубурхам служат чересчур много существ — и зверей, и людей...— Глаза девушки вновь яростно блеснули.— Но мы уверены, настанет час, когда люди стряхнут с себя паутину черного колдовства, и тогда кубурхам придет конец!

— Мы готовы отдать свои жизни за то, чтобы люди вновь почувствовали себя хозяевами своей судьбы! — Вадан ударил себя кулаком в грудь.— И теперь, когда мы встретились с тобой, в моем сердце загорелся огонек надежды, что это может произойти на самом деле!

— Ты ведь нам поможешь! — В устах Наари это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.— Если бы в нашем племени было бы хотя бы несколько воинов, подобных тебе, от кубурхов остались бы только шкуры для пугал!

Кулл восхищенно глядел на Наари. Вот это женщина! Ее неукротимому духу позавидовал бы любой из его бывших соплеменников. В ней не было и намека на тоску или рабское смирение, которыми буквально была пропитана Наая.

— Для этого я и здесь,— кивнул атлант, соглашаясь с Наари.— Но что мы будем делать теперь?

— Нужно отвести людей обратно в деревню,— пожал плечами Вадан.— Не оставлять же их здесь на съедение диким зверям.

— По крайней мере, дома за ними будут ухаживать,— добавила Наари.— Через какое-то время человек, которого осквернило колдовство кубурхов, приходит в себя. Сейчас же это не более чем ходячие мертвецы.

— В деревню так в деревню — Кулл пожал плечами.— Но скажи, Вадан,— спросил он у юноши,— когда туда зайвится новый отряд кубурхов, что будет с вами?

— Не знаю,— пожал плечами Вадан,— Я думаю, мы с Наари не станем возвращаться домой.

— Я-то уж точно не стану,— скривилась Наари.— Нас уже трое, и если мы устроим засаду, то сможем перебить и следующий отряд Гунума.

— И следующий? — мрачно улыбнулся Кулл.

— Да, и следующий! — звонко воскликнула Наари.— А потом еще и еще, пока нас не остановит смерть!

Девушка одарила атланта ледяной улыбкой.

— Не ты ли только что говорил, что лучше погибнуть в бою, чем жить в страхе? — бросила она.— Или ты уже передумал?

— Запомни, женщина.— Кулл, прищурившись, посмотрел на Наари.— Мое слово крепко, как сердце гор. Два дня назад я дал клятву, что уничтожу всех кубурхов, чего бы мне это ни стоило. И можешь мне поверить — так оно и будет!

Несмотря на полуденную жару, от взгляда суровых прозрачных глаз этого удивительного юноши по спинам Наари и Бадана пробежал холодок.

— Нет чести в бессмысленной смерти,— продолжил атлант.— Это выход для труса. Нам нужно придумать, как уничтожить всех кубурхов, и, клянусь огненным клювом Ка, я это придумаю!

На мгновение взгляды Кулла и Наари скрестились. Первой опустила глаза девушка.

— Извини, Кулл, я не хотела тебя обидеть.— Наари развела руками.— Просто я не знаю, что нам делать...

— Я тоже...— Вадан посмотрел на Кулла: — На тебя, воин с гор, вся надежда...

От молящего взгляда этих славных людей, перед которыми впервые в жизни забрезжил огонек надежды, сердце Кулла забилося быстрее.

— Я обязательно что-нибудь придумаю! — ответил атлант с уверенностью, которой, однако, не чувствовал. Но что-то подсказывало ему, что путь к спасению есть...

. . .

Путь до деревни Наари и Вадана занял четыре дня. В одиночку Кулл добрался бы туда за сутки, но люди Долины Тигров значительно уступали ему в силе и выносливости. За время пути юноша крепко сдружился со своими спутниками.

И если поначалу Вадан ему не приглянулся, то теперь атлант изменил мнение об этом молчаливом и мужественном парне. Хотя его голова была затуманена бреднями старейшин, Вадан готов был сражаться за свое племя и своих друзей хоть с богами, хоть с демонами.

Затаив дыхание Вадан, и Наари слушали рассказы Кулла о жизни в Приморских горах. Для них, выросших в нечеловеческих условиях под властью кубурхов, жизнь Кулла представлялась поистине сказочной. Порой атланту казалось, что они вообще не верили в то, что за пределами Долины Тигров существуют другие люди. Обычно немногословный, Кулл готов был говорить часами, лишь бы поддерживать радостный блеск в глазах Наари.

Сам того не замечая, атлант настолько привык к обществу смелой и ершистой девушки,

что теперь не мог без нее обходиться. Точно так же Наари тянуло к мужественному и могучему воину с гор, чьему неукротимому духу позавидовал бы саблезубый тигр. И через несколько дней молодым людям стало казаться, что они теперь не смогут жить друг без друга.

Любовь этих двух юных сердец была внезапной, а страсть — дикой. Забыв про сон, они терзали друг друга, словно два ненасытных тигра, стараясь насладиться каждым мгновением, отпущенным им судьбой. И Кулл, и Наари жили так, как будто каждый день мог стать для них последним.

— Ты заберешь меня отсюда, когда мы уничтожим кубурхов? — как-то спросила Наари, когда они отдыхали после бурных ласк. Девушка удобно устроилась на могучей груди Кулла.

В ответ юноша нежно погладил девушку по обнаженной спине, отливавшей бронзой в лунном свете, и рассмеялся.

— Конечно, мое сокровище!

Да, впрочем, она и была для юного атланта величайшим сокровищем. Познав любовь женщины, Кулл совершенно неожиданно для себя обнаружил, что есть и другое счастье, кроме упоения битвой. Оказалось, можно быть счастливым, просто сидя бок о бок со своей девушкой у костра, ощущая, как в такт своему собственному бьется ее сердце.

— Теперь я знаю, для чего нужна любовь! — Он крепко поцеловал затрепетавшую от страсти Наари. — Она дает силу сильным! Именно женщина делает мужчину мужчиной...

На мгновение оторвавшись от стройного, гибкого тела Наари, Кулл добавил:

— Я теперь готов бросить вызов самим небесам, если они посмеют обидеть тебя, Наари!

— Ты действительно можешь это сделать, мой повелитель! — жарко зашептала Наари ему в ответ. — Я знаю, Кулл, ты спасешь мое племя! Нет никого более достойного, чем ты, чтобы стать его вождем. Да я своими руками разорву на части того, кто посмеет бросить тебе вызов!

— Мне уже жалко этого глупца, — хрипло рассмеялся Кулл, сжимая Наари в объятиях. — Но я в состоянии справиться со своими обидчиками и сам...

— По-другому и быть не может. — Девушка, забыв обо всем, застонала от наслаждения.

Наари уже крепко спала, а Кулл широко раскрытыми глазами, смотрел на мерцавшие в вышине звезды. В этот момент ему казалось, что нет в мире человека более счастливого, чем он сам. На какое-то мгновение ему даже почти стало жаль кубурхов, которым он вынес смертный приговор. Ничтожные твари должны были сгинуть, так и не изведав любви.

С другой стороны, эти создания, порожденные смрадным дыханием Хаоса, не заслуживали ничего, кроме смерти. Что же, ради счастья Наари, ради счастья других людей он отправит детей Сооха обратно в извергнувшую их бездну...

. . .

Звериное чутье заставило пробудиться Кулла буквально за несколько мгновений до нападения. Он растолкал Вадана и Наари, жестом велел им сохранять тишину. Будучи прирожден-

ными воинами, те, еще не отойдя ото сна, уже сжимали в руках копья.

— Сюда с севера идет большой отряд,— прошептал он.

— Но как кубурхи могли узнать, что мы здесь? — удивился Вадан.

— Не ты ли говорил мне, что они могут смотреть глазами зверей? — пожал плечами Кулл.— Должно быть, Гунум выяснил судьбу своих пропавших воинов. Если он действительно такой могущественный колдун, как вы говорите, то ему не составило особого труда нас обнаружить.

— Что будем делать? — деловито осведомилась Наари.— Может быть, устроим им засаду? Ты мастерски обращаешься со своим луком. Если мы с Баданом отвлечем их внимание, у тебя будет хорошая возможность потренироваться в своем искусстве.

— Нет,— покачал головой Кулл.— Мы отвечаем за судьбу этих людей...— Он, скривившись, кивнул в сторону испуганно озиравшихся соплеменников Бадана и Наари.

Наари была совершенно права — со временем чары кубурхов теряли силу. Люди потихоньку приходили в себя. Однако Кулл не уставал поражаться их поведению: спасенные от лютой смерти, они не проявляли никаких признаков радости. Для этих несчастных, свыкшихся с мыслью о гибели, сама по себе жизнь уже не имела значения. И тем не менее Кулл нес за них ответственность.

Времени на размышления не оставалось. В подобных случаях атлант привык принимать решения мгновенно.

— Вадан, ты отведешь людей в деревню! Отбери воинов помоложе, вооружи их чем можешь и веди в сторону логова кубурхов! Наари, отправляйся в джунгли, разыщи изгнанников, и присоединяйтесь к Вадану! А я займусь кубурхами.

— Но,— попытался было возразить Вадан,— мы же тебе сказали, что никто не в состоянии выжить в джунглях!

— Не спорь,— остановил юношу Кулл.— Ты еще не знаешь, на что бывают способны люди. Я уверен, что либо ты, либо Наари знаете, где их искать.

— Я знаю,— согласилась Наари.

— И ты мне ничего не говорила?! — вскинул-ся Вадан.

— Я не могла рисковать тем, что твой отец может узнать расположение деревни изгнанников.— Голос Наари был холоден.— Извини, но ты сначала должен был определиться, с кем ты — с нами, изгнанниками, или со старейшинами, подручными кубурхов.

Девушка посмотрела на Вадана долгим оценивающим взглядом. Сейчас Наари казалась вдвое старше его.

— Теперь я верю, что ты с нами, Вадан. Я открою тебе нашу величайшую тайну — месторасположение деревни изгнанников! Ты пойдешь к ним и расскажешь обо всем, что произошло за последние несколько дней. А мы с Куллом будем держаться до последнего. Не думаю, что кубурхи будут вас преследовать.— Наари повернулась к Куллу: — Должно быть, они уже знают о тебе, воин с гор. Дьявольская злоба Гунума не уступает его звериной хитрости. Что

ему до них.— Наари указала на сбившихся в кучку соплеменников.— Старейшины будут рады услужить кубурхам и вернут их так быстро, как только смогут. Я думаю, Гунум знает, кто его настоящий противник...

— Я тоже думаю так,— согласился Кулл.— Но ты ошибаешься в другом. Ты отправишься с Ваданом, а я останусь здесь один.

Он повернулся к так еще и не пришедшему в себя Вадану:

— Я верю в тебя— Молодой атлант дружески хлопнул парня по плечу.— Ты можешь это сделать!

Не успел Вадан ничего ответить, как Наари возмутилась:

— Кулл, я останусь здесь и буду сражаться плечом к плечу со своим мужчиной!

— Нет.— Кулл посмотрел в глаза девушки.— Тебе придется сделать то, что я тебе сказал. Ты должна быть в безопасности, чтобы я мог биться в полную силу, не отвлекаясь. Может быть, у меня не будет больше возможности сказать тебе это — я люблю тебя, Наари!

Девушка, признавая правоту слов атланта, не стала спорить.

— Я люблю тебя, Кулл. Принеси мне их головы! И ни о чем не волнуйся, наш сын будет в безопасности. Если тебе суждено погибнуть, то он завершит то, что ты начал!

— Но откуда ты знаешь?..— Кулл пораженно уставился на Наари.

— Знаю,— пожала та плечами в ответ.— Женщины всегда знают такие вещи!

Кулл на мгновение прижал к груди Наари и крепко ее поцеловал.

— Пора! — сказал он.— Бегите! И не тревожьтесь за меня.— Он подмигнул девушке.— Я же тебе пообещал, что со мной все будет в порядке?

Наари и Вадан, жестами поторапливая своих соплеменников, исчезли в джунглях. Убедившись, что люди из Долины Тигров в безопасности, Кулл, не торопясь, но и не мешкая, стал готовиться к бою.

В последний раз он придирчиво опробовал пальцем остроту стрел и проверил, насколько удобно закреплена на поясе шипастая дубина Догыра. Пару раз, привыкая к балансу клинка, Кулл подкинул в воздух кинжал, который сделал из длинного и чуть изогнутого наконечника копья в форме листа. Затем юноша распаковал связку копий, которые нес в натертой нутряным салом шкуре оленя. Несмотря на все возражения Вадана и Наари, он так и не бросил снабженные железными наконечниками копья. Кулл воткнул их справа от себя в землю так, чтобы можно было дотянуться до любого из них не сходя с места.

Итак, все готово! Будучи уверенным в своих силах, Кулл вовсе не собирался приносить себя в жертву, чтобы по этому поводу ни думали его друзья. У него был план, который он намеревался претворить в жизнь. Может быть, это был и не самый лучший план, но Кулл не сомневался в своей удаче. А уж кто-кто, как не он, знал: удача идет бок о бок со смелостью!

И если бы кто-нибудь в этот момент сказал упрямому атланту, сколько еще ему предстоит подобных смертельных поединков, он бы даже не смог в это поверить!

. . .

Едва чуткий слух Кулла перестал различать треск веток за спиной — большинство людей Долины Тигров были такими же плохими охотниками, как и воинами, — он почувствовал приближение кубурхов. Несмотря на безоблачное синее небо над головой, ему показалось, что на него надвигается черная мгlistая туча. Исходящая от детей Сооха нечеловеческая злоба была совершенно осязаемой.

И если поначалу Кулл в глубине души считал, что кубурхи — это пускай и погрязшее во зле, но человеческое племя, то теперь он уверился в обратном. Чьими бы потомками ни были эти мохнатые существа, к человеческому роду-племени они не имели ни малейшего отношения.

Либо проклятые твари ничему не научились, либо Гунум желал еще раз испытать своего врага. Кубурхи, ничуть не таясь, серой толпой лომались через лес, охватывая полукольцом поляну, выбранную накануне Куллом и его спутниками для ночлега.

— Давайте-давайте, — нетерпеливо пробормотал Кулл. — Вот он я...

Юноша криво усмехнулся — его уже затягивал багровый мутный водоворот боевого безумия, в ушах ревела кровь, а секунды привычно растягивались. Наконец он почувствовал, что время пришло! И тогда плавным движением, отточенным годами упорных тренировок, Кулл послал в кусты перед собой одно из кубурхских копий.

Когда бегущий первым могучий кубурх, перемахнув через колючие кусты, выскочил на поляну, он увидел мчащееся ему навстречу тяжелое копьё и искаженное жуткой усмешкой лицо страшного человека. Уже умирая, он подумал, что этого просто не может быть — люди не бывают страшными, да и кого вообще может напугать кусок мяса?

Бросок Кулла был настолько силен, что доброе железо пробило навывлет грудь первого зверчеловека и вонзилась бегущему за ним приземистому кубурху прямо в оскаленную зубастую пасть. Не успели поверженные кубурхи коснуться земли, как еще три копьёя нашли свои цели.

Атлант бил прицельно. Он инстинктивно выбирал самых опасных противников и старался внести как можно больше сумятицы в ряды врагов. Используя все копьёя, он хладнокровно извлек из-за спины лук и продолжал расстреливать наступающих на него людоедов. Кулл выпускал стрелу за стрелой, не обращая внимания на свистевшие вокруг него копьёя. Колчан стремительно пустел, и последней стрелой он сразил кубурха в упор — точно в наливаемый кровью глаз.

— Хх-хаа! — взревел Кулл, свирепо вращая над головой тяжелой дубиной Догыра. — Эй вы, скунсовы отродья, готовы к смерти?!

Даже полностью захваченный смертельным боем, Кулл не забывал о главном — первой его задачей было увести кубурхов в противоположную от Наари и Бадана сторону. Прихлопнув, словно надоедливых слепней, тяжелой дубиной двух кубурхов, решивших с ним сразиться,

юный атлант гигантскими прыжками помчался к лесу. На бегу он всячески поносил кубурхов, издевательски копируя визг агонизирующей росوماхи.

Даже если у кубурхов и были относительно Кулла какие-нибудь приказы, обезумевшие от ярости твари про них совершенно забыли. Не-членораздельно завывая, окончательно потеряв сходство с разумными существами, кубурхи помчались за Куллом. От слитного топота нескольких дюжин ног дрожала земля.

Безумная гонка продолжалась вот уже пять часов. Молодой атлант не спешил отрываться от преследователей. Он хорошенько разглядел погибших в первой стычке кубурхов и знал, что те бегают куда медленнее, чем он сам. Наоборот, время от времени он специально начинал спотыкаться и подпускал детей Сооха поближе.

Кубурхи, обуреваемые жадой крови, каждое неловкое движение Кулла встречали радостным улюлюканьем. Но всякий раз их надежды на скорую расправу оказывались тщетными.

Обернувшись в очередной раз, Кулл обратил внимание, что трое особо рьяных кубурхов далеко оторвались от своих. Отлично! Это то, что ему надо!

Юноша резко свернул в сторону, на мгновение скрывшись из поля зрения преследователей за кустами. Когда же кубурхи, подбадривавшие себя истощенными воплями, пробились сквозь густую листву, то обнаружили, что их дичь исчезла.

Тяжело дыша, они замерли на месте и недоуменно оглядывались.

— Куда он мог деться? — прохрипел один из них — покрытый шрамами пожилой кубурх с белесой шерстью.

— Не провалился же он сквозь землю?! — злобно хрюкнул другой.

В этот момент третий кубурх, до этого молча стоявший и втягивавший воздух широкими вывернутыми ноздрями, поднял голову. Глаза его широко распахнулись, но он не успел издать ни звука — прыгнувший на него с дерева Кулл в одно мгновение перерезал ему горло.

Не давая опомниться оставшимся в живых тварям, молодой атлант безжалостно вогнал кинжал в грудь стоявшему к нему ближе кубурху. Это оказался собеседник белошерстого. Тот как подкошенный рухнул наземь. И надо же было такому случиться — зазубренное лезвие намертво застряло в кости!

Покрытый шрамами кубурх реагировал мгновенно. Он перехватил копьё и стремительным выпадом попытался поразить Кулла в незащищенный живот. Проклиная все на свете, тот был вынужден отпустить кинжал и откатиться в сторону.

Теперь, когда о внезапности нападения не могло быть и речи, положение молодого атланта стало незавидным. Бежать он не мог — отродье росوماхи просто послало бы свое копьё ему в ногу или руку, а драться было нечем. Чтобы удобнее было бежать, юноша и дубину, и лук бросил на поляне. Так что теперь его противнику оставалось лишь ждать подхода своих.

Здоровенный кубурх это тоже понимал. Мерзкая гримаса исказила его лицо, черные гу-

бы разошлись, обнажая острые белые клыки. Он злобно рассмеялся:

— Вот ты и попался, человек! Гунум будет рад с тобой встретится. А вот ты — вряд ли! — Кубурх, ни на мгновение не сводивший маленьких злобных глаз с Кулла, низко пригнулся. Его длинное копьё все время было нацелено в грудь юноше.

Слова седого лишний раз подтвердили то, в чем он и так был уверен, — Гунуму он нужен был живым. Ладно, подождем развития событий. В его планы и так входило посещение селения кубурхов.

— Так что считай, ты приглашен на обед. — Смех кубурха больше походил на вой шакала. — И ты будешь его украшением!

— Не лучшим, чем ваши головы на колу! — огрызнулся Кулл. — А из твоей шкуры, старик, выйдет неплохой коврик!

Кулл постарался ничем не выдать своего торжества. Ему удалось увести погоню от своих друзей, и теперь Вадан и Наари были в относительной безопасности. Атлант не сомневался, что рано или поздно они смогут поднять своих соплеменников на борьбу с кубурхами и прийти к нему на помощь.

Кубурх засопел от ярости и прорычал:

— Посмотрим, как ты заговоришь через несколько дней, человек!

— Сюда, дети Сооха! Он здесь! — заорал седой, когда в отдалении послышались крики погони. — Сюда!

. . .

Окровавленного и избитого до бессознательного состояния Кулла привязали к стволу молодого дерева, обмотав невероятным количеством сыромятных ремней. Страх кубурхов перед молодым гигантом был весьма силен. Даже безоружный, он оказался смертельно опасен и продолжал сопротивляться до тех пор, пока на него не набросили ловчую сеть и не свалили ударами дубин и копий.

Но пока кто-то не догадался воспользоваться сетью, он голыми руками умудрился забить насмерть трех кубурхов и еще нескольких покалечить. В какой-то мере Кулл был благодарен Гунуму, приказавшему доставить его живым, страх перед своим вождем оказался у кубурхов сильнее страха смерти.

О самом переходе до горного селения кубурхов у Кулла остались смутные воспоминания. Сильно побитый, он зачастую приходил в себя, только когда кубурхи бросали его наземь, останавливаясь на привалы. А через узкие щелочки заплывших от побоев глаз он мог рассмотреть лишь вершины гор, синее небо над головой да злобно скалящиеся морды кубурхов.

Окончательно Кулл пришел в себя в клетке, собранной из толстых стволов бамбука. Несмотря на то что подобное сооружение не мог бы сломать и слон, его руки оставались связанными.

Прижавшись к частой решетке, он огляделся. По соседству с его клеткой стояло еще несколько ей подобных. Однако в них находилось

не по одному человеку: они были набиты людьми, как гранат — зернышками.

Селение кубурхов располагалось в небольшой горной долине, с трех сторон защищенной крутыми горными склонами. Вернее, в самой долине находились всякого рода хозяйственные постройки и клетки с пленниками, а сами кубурхи обитали в многочисленных пещерах, более походивших на норы, уходящие в неведомые глубины гор, окружающих Долину Тигров.

Единственный вход в долину перегораживала высоченная каменная насыпь. Сквозь нее вел один-единственный узкий и хорошо охраняемый проход, который в считанные мгновения мог быть надежно завален каменными глыбами. Кулл присвистнул, когда понял, что высотой эта рукотворная стена была в четыре с лишним человеческих роста. Сколько поколений людей отдали свои жизни, чтобы возвести подобное сооружение!

Неудивительно, что за ней кубурхи чувствовали себя в полной безопасности. Кто бы ни возвел этот вал, он хорошо представлял себе, чего хочет. Долина была надежно защищена со всех сторон, взять штурмом перегораживающую ее стену было невозможно. Отряд даже из нескольких дюжин бойцов запросто мог противостоять целой армии.

Осады проклятые твари тоже могли не опасаться. В долине росли плодовые деревья и какие-то овощи, и Кулл был уверен, что в темных недрах пещер находятся немалые запасы пищи. С водой тоже проблем не было: через долину кубурхов протекала узкая, но полноводная реч-

ка, низвергавшаяся в долину с одного из горных склонов.

Юноша задумался, против кого потребовалось кубурхам возводить такую стену. Не против же людей, низвергнутых до положения мясного скота?.. Хотя перед смертью Наая что-то говорила о смертельной вражде кубурхов и племени горных саблезубых тигров. Неужели кубурхи настолько их боялись? Как вообще неразумные хищники могли представлять угрозу для злобного и многочисленного племени, владеющего к тому же черным колдовством? Непонятно...

Вокруг по своим делам сновали кубурхи. Заросшие мехом твари совершенно не обращали внимания на своих пленников. Они кричали, дрались, совокуплялись где попало. На утоптанной поляне в центре их селения — это, видимо, была их главная площадь — постоянно кипели гигантские котлы. То и дело к ним кто-нибудь подбегал и черпал бурлящее варево деревянным черпаком на длинной ручке.

Кулл внимательно наблюдал за перемещением детей Сооха. Он понятия не имел, сколько кубурхов может скрываться в пещерах, но прикинул, что племя насчитывало уж никак не менее нескольких сотен голов.

Воспользовавшись тем, что кубурхам, казалось, совершенно не было до него дела, Кулл попытался было заговорить с соседями. Но через какое-то время он понял всю тщетность своих попыток. Живому с мертвецами говорить не о чем, А сидящие в клетках люди были уже именно мертвецами. Черное чародейство зве-

ролюдей напрочь разрушило их мозг. А на следующий день говорить ему уже было не с кем.

. . .

В тот ужасающий первый вечер своего пребывания в плену атлант оказался участником и очевидцем страшных и отвратительных событий.

Прямо в центре утоптанной площадки, по периметру которой были вкопаны закопченные столбы, кубурхи запалили огромный костер. К огню потихоньку стянулось все племя — Кулл насчитал несколько сотен кубурхов пока не сбился со счета. Твари, покрытые мехом всех оттенков черного, белого и бурого, орали и ругались. То и дело возникали драки, каждый хотел пробиться ближе к костру.

Кулл помотал головой, стряхивая набежавшие на глаза слезы: ветер нес дым в его сторону. Когда его зрение прояснилось, он увидел возникшую у самого огня исполинскую фигуру. Юноша не заметил, как и откуда она появилась, и сперва решил, что кубурхи зачем-то установили чучело огромного зверя. Но тут фигура подняла руки вверх, и в одно мгновение на поляне установилась полная тишина.

Гунум, гигантский кубурх — ростом он значительно превосходил даже очень высокого Кулла — проревел:

— Пришло время, дети Сооха!

Его мощный голос необычного тембра прокатился по долине и отразился от окружающих скал. Кулл не понимал, как такое могло быть, но эхо не затухало, а, наоборот, усиливалось. «Со-

ох! Соо-оох! Сооооо-оох!» — звучало все громче и громче.

— Очистите ваши души! — взревел Гунум.— Слейтесь в единое целое с огненным дыханием Сооха Ужасающего!

И все время, что он говорил, между вершинами гор металось: «Соох! Соох! Соох!» На мгновение

Куллу показалось, что фигура Гунума разрослась во все небо, закрыв даже освещенные последними лучами солнца скальные кручи. Внезапно парализующий волю рев вновь сменился тишиной.

Что-то невероятно страшное было в этой тишине. Как будто ткань мироздания, не выдержав страшного напряжения, лопнула, а в образовавшееся отверстие заглянул излучающий мертвящий холод глаз бесконечно древнего Бога. Бога Изначального Зла!

Кулл хотел выкрикнуть что-нибудь оскорбительное для кубурхов, но не смог выдать из себя ни звука. Ледяная рука ужаса на мгновение сжала его горло. Но атлант, не ведавший страха, неимоверным усилием воли стянул с себя гипнотическое наваждение голоса Гунума. Однако остальные кубурхи и плененные ими люди, насколько в полутьме мог видеть Кулл, полностью попали под его влияние.

Все племя кубурхов раскачивалось, вперясь невидящими глазами в огненные глубины костра. Казалось, Гунум имел власть даже над огнем, потому что языки пламени окрасились в цвет крови, а в глубине костра металась странная, чуждая человеческому разуму тень. И хотя Кулл не понимал смысла возникающих зна-

ков, он испытывал невероятное отвращение и чуть ли не физическую боль. Однако странным образом он чувствовал и исходящие от огненных рун вибрации силы, заставлявшие сладостно трепетать его тело.

Юноша прижался к прутьям, ненавидяще глядя на Гунума. В один момент расстояние, разделявшее кубурха и человека, исчезло. Куллу казалось, что Гунум сейчас находится в двух шагах от него.

Атлант мог в мельчайших подробностях рассмотреть его странные золотистые глаза. В них не было ничего звериного или человеческого — это были глаза бесконечно древнего существа, многие зоны шедшего по черным тропам хаоса и разрушения. Но самое страшное, что глаза эти смотрели на него, Кулла, чуть ли не как на друга.

«Смотри, человек,— раздалось в голове Кулла.— Смотри! Ты ведь чувствуешь силу! Нас с тобой многое объединяет, человек с душой зверя...»

«Я не зверь, Соох, или кто ты там еще!» — мысленно закричал Кулл.

В ответ в его ушах прозвучали мягкие перебаты смеха.

«Да? Тогда почему же ты чувствуешь отвращение к своим соплеменникам? Почему ты отрёкся от племени Приморских гор? — Голос Сооха был ласков и вкрадчив.— Не потому ли, что они омерзительно слабы — и умственно, и физически, не потому ли, что они подвержены странным суевериям и нелепым идеям?»

Кулл с ужасом понял, что слова Сооха перебиваются с его собственными мыслями.

«Пускай это так, Соох, но все-таки я человек!» — не сдавался Кулл, но в голосе его чувствовалась некоторая неуверенность.

«Подумай сам, Кулл,— рассудительно продолжал Соох.— Те, кого ты называешь людьми, обманывают и себя, и других. Вместо того чтобы следовать зову природы, они совершают противоестественные поступки, заставляя слабейших придерживаться их образа жизни. Ты же знаешь, как целостны и мудры звери!»

На этот раз Кулл промолчал. Возражать ему было нечем.

«Посмотри на моих детей, кубурхов.— Голос Сооха все глубже и глубже проникал в душу юноши.— Они едят, когда голодны, радуются, когда сыты. Они живут в гармонии с природой и в мире с собой. Могут ли люди похвастаться подобной целостностью и силой духа?»

Кулл не находил нужных слов, чтобы опровергнуть доводы Сооха, хотя сердцем чувствовал, что слова древнего существа не могут быть истинными.

«Так отбрось же те ложные представления, которые люди называют «совестью», «долгом», «состраданием». Для них это лишь способ оправдать собственное несовершенство и ущербность! — Соох больше не уговаривал Кулла, он подгонял его, заставлял принять решение.— Встань над ними, приди ко мне! Я дам тебе подлинную силу, подлинную власть!»

«Я... человек...» — прошептал Кулл из последних сил. В глазах его все плыло, он уже не понимал, кто он и что с ним сейчас происходит.

«Сделай последний шаг и служи мне! Служи Зверю в себе! — Соох уже не скрывал торжест-

во.— Ты будешь моими руками на Земле! Ты поведешь человечество к истинной цели! Возлюби меня!»

Кулл уже был близок к тому, чтобы сказать: «Да!» Все существо его сладостно содрогалось в такт словам древнего Бога.

В этот момент его гаснущий разум инстинктивно уцепился за одно-единственное слово. «Возлюби меня! Люби меня... Любовь...» — промелькнуло в его голове. И тогда золотая патина слов Сооха, опутавшая его душу, взорвалась облаком адского огня.

Корчась от нестерпимой боли атлант прижался к бамбуковым прутьям.

«Врешь! Все ты врешь, тварь! — бросил он в излучающие гипнотический блеск глаза древнего божества.— Я человек! Только человек может любить! Именно поэтому вы, демоны и боги, в нас нуждаетесь. Вы питаетесь нашей любовью!»

Кулл шатался, из носа и ушей его лилась кровь, но он яростно смеялся в лицо Сооху.

«Ты, повелитель падали, наслаждайся страхом кубурхов, правь зверями! Я слишком для тебя силен, пещерная слизь!»

Атлант бесстрашно глядел в золотистые зрачки Сооха, снизошедшего в тело Гунума. Ему теперь было наплевать на всех богов, вместе взятых, зачем ему небожители, когда у него есть Наари? Он чувствовал ее прохладные ладони у себя на плече, ее теплое дыхание щекотало ему шею.

И презрение, наполнившее взор человека, заставило древнего Бога отшатнуться.

«Ты все равно будешь моим, человек! — Теперь глаза Сооха горели дьявольской злобой.—

Ты сам сделал свой выбор. Ты мог быть повелителем, но станешь презренным рабом!»

Иллюзия рассеялась и обессиленный Кулл рухнул на грязный деревянный пол клетки. Кажалось, их разговор с Соохом длился безумно долго, однако чуткие инстинкты атланта говорили ему, что с момента появления Гунума прошло несколько мгновений. Поединок человека и Бога проходил в некоем невероятном месте вне времени и пространства, так как в мире ничего не изменилось.

Все так же продолжал пылать костер, все так же молча раскачивались кубурхи. Но Кулл знал, что дух Сооха теперь покинул их мир и у костра сейчас стоит Гунум.

— Братя, теперь совершим приношение великому Сооху! — между тем воскликнул вождь кубурхов. И от злобных кровожадных гримас, исказивших звероподобные лики детей Росомахи, по телу Кулла пробежала волна ледяного ужаса.

— Жертвы Сооху! Жертвы Сооху! Жертвы Великой Росомахе! — взорвалась впавшая в неистовство толпа.

По знаку Гунуму несколько дюжих кубурхов сбили замки с клеток, в которых сидели пленники. Злобно ругаясь и раздавая во все стороны пинки и удары, кубурхи погнали людей племени Долины Тигров к костру. Ревущая толпа раздалась, освобождая место у огня, и порочные пленники были привязаны к врытым в землю столбам. Людей оказалось больше, чем свободных столбов, и к одному ошкуренному древесному стволу привязывали порой по несколько человек.

Когда все пленники — а их оказалось без малого три дюжины — были надежно опутаны веревками, Гунум взмахнул рукой, показывая на Кулла.

— А этого сюда! — проревел он приказ.

Все еще не пришедшего в себя после поединка с Соохом атланта выволокли из клетки и, не снимая с него веревок, волоком подтащили к Гунуму.

— Ты будешь главным зрителем на нашем представлении,— издевательски оскалился вождь кубурхов.— Сейчас мы устроим тебя поудобнее!

— Развяжи меня,— кровью сплюнул ему под ноги Кулл, которого держали не то пятеро, не то шестеро стражников.— И я сам устрою тебя поудобнее — на самом дне преисподней!

— Да нет, человек,— брызгая слюной, рассмеялся Гунум.— Туда отправятся твои сородичи! А ты...— гигантский кубурх посмотрел на Кулла сверху вниз,— будешь завидовать их участи!

По его кивку двое кубурхов откуда-то притащили странное сооружение. Два толстых бревна длиной в человеческий рост образовывали крест, к которому в свою очередь крепилось еще одно, более длинное бревно.

Могучие кубурхи, заросшие белым мехом с рыжими подпалинами,— должно быть, личная стража Гунума — сноровисто прикрутили руки и ноги Кулла к деревянному кресту. Судя по всему, подобная работа была им не в новинку. Затем раму с распятым на ней человеком поставили прямо перед линией столбов с пленниками.

Гунум на мгновение задержался рядом с юношей. Кубурх ощущал его могучие мускулы, полоснул по плечу острым когтем и слизнул выступившую кровь атланта.

— Из тебя выйдет хороший раб,— довольно сказал Гунум.— Сильный и послушный. А когда ты надоешь моему господину, то тобой займусь я. Сейчас ты оценишь мои способности.— Гунум облизнулся.— Может, что-нибудь и для себя выберешь!

Вертикальные зрачки кубурха сжались в одну линию.

— А после того, как я тебе отрублю руки и ноги, и когда ты превратишься в один кусок кровоточащего мяса, пропитанного болью, я вырву тебе кишки и помешу внутрь тебя росток нового Дерева Боли. Ты не находишь, что это будет только справедливо? Отняв у одного дерева существование, ты дашь жизнь другому...

— Гунум,— покачал головой Кулл,— ты мертвец. А мертвецы не должны грозить живым. Да и с живыми шакалами я не часто разговариваю. Пошел вон, урод!

После этого он не сказал Гунуму не слова.

— Ну что же,— ощерился в безумной пародии на улыбку кубурх,— через неделю мы повторим представление. Ты даже не представляешь, как я рад, что могу развлечь гостя! Итак, начнем!..

Кулл, понимая, что сейчас ему предстоит стать свидетелем отвратительных и жестоких пыток, утешал себя одной-единственной мыслью, что разум соплеменников Наари и Вадана давно уже мертв, выжженный непотребным

колдовством кубурхов. Но даже этому слабому утешению атланта не суждено было сбыться.

Гунум обошел пленников, безучастно замерших в ожидании своей участи. Он поочередно останавливался перед каждым человеком на несколько мгновений и пристально смотрел им в глаза. Наконец он завершил круг и остановился, довольно скалясь. Его звериные глазки маслянисто блестели, а острый розовый язык то и дело пробегал по черным блестящим губам.

Некоторое время все было спокойно, а потом с привязанными к столбам жертвами начали происходить странные метаморфозы. Люди мотали головами, будто приходя в себя после тяжелого болезненного сна. Они удивленно оглядывались по сторонам, дергались, стараясь освободиться от оков.

Выражение тупой покорности на их лицах сменялось запредельным ужасом, по мере того как несчастные постигали, что с ними происходит и где они находятся.

«Проклятый Гунум! — подумал Кулл, безуспешно пытаясь разорвать удерживающие его путы.— Этот изверг полностью снял с людей чары кубурхов, позволив осознать истинное положение дел в Долине Тигров!»

Душная, жаркая ночь огласилась человеческими криками и стонами. Страх, мольба и чисто животный ужас смешались в адскую какофонию звуков. Но крики и стенания несчастных лишь вызвали новую волну ликующего воя у их палачей. На мгновение Куллу показалось, что сбылись его слова и он уже находится в аду. И что вокруг него торжествующе прыгает на задних лапах неисчислимое сонмище адских

легионов полузверей-полудемонов. Он помотал головой, стараясь отогнать прочь ужасающее видение.

— Представление начинается! — прорычал ему в лицо Гунум. Глаза гигантского кубурха мерцали дьявольской радостью и нечеловеческой злобой.— А чтобы ты мог им наслаждаться в полной мере,— в руках Гунума, как по волшебству, появился отполированный до зеркального блеска череп,— выпей вот это!

Трое кубурхов вцепились когтистыми лапами в голову Кулла, удерживая ее на месте. Несмотря на стальную хватку кубурхов, юноша умудрился на мгновение вывернуться из рук сторожей. Он изо всех сил вцепился зубами в кисть одного из детей Сооха.

Кубурх от боли потерял голову, а молодой атлант сжимал челюсти все крепче и крепче, пока не раздался оглушительный треск лопнувшей кости. Покалеченный кубурх с воем повалился на спину, но оставшаяся пара намотала длинные волосы Кулла на пальцы, лишив юношу возможности двигать головой.

Глядя на бешеное сопротивление человека, Гунум заходился лающим смехом.

— Никогда я еще не встречал такого неблагодарного гостя,— покачал он головой, отсмеявшись.— Но я все же выполняю обязанности хозяина...

Гунум, приблизив чашу с отвратительного вида грязно-бурой жидкостью к лицу юноши, зажал ему нос, а один из кубурхов сильно ударил в подлых. Атлант держался сколько мог, но совсем обходиться без воздуха, увы, было невозможно. Когда в глазах Кулла поплыли огнен-

ные круги, а легкие готовы были взорваться от боли, требуя хотя бы глоток воздуха, он был вынужден открыть рот. И тогда Гунум, содрогаясь от дьявольского смеха, влил в уста человека тошнотворное содержимое своей чаши.

От невыносимой едкой горечи пошла все мускулы Кулла свело судорогой. Тело его выгнулось дугой, а затем бессильно обвисло на веревках. Атлант не в силах был пошевелить ни одним своим членом, даже мышцы глаз отказывались ему повиноваться.

Кубурхи поднесли крест с неподвижным человеком почти вплотную к столбам, и Гунум обошел вопящих от ужаса пленников, выбирая первую жертву. При этом он не переставал обращаться к Куллу:

— Как тебе нравится этот мужчина? Ты хочешь сказать «нет»? Да-да, ты совершенно прав, начать следует с кого-нибудь поизящнее... Может быть, этот старик? Или вон тот мальчик? А что ты думаешь по поводу этой самочки с такими длинными, прелестными, золотыми волосами? Ну вот, я принимаю твоё молчание! Отлично, я одобряю твой выбор!

В руках Гунума появился тонкий и длинный железный нож со странно изогнутым лезвием, на невероятно острой кромке которого мерцали лунные блики.

— Смотри, раб, какая это молодая и крепкая самочка.— На мгновение он повернулся к Куллу, и тот в ужасе взглянул на искаженный безумием омерзительный звериный лик кубурха.— Сейчас она будет петь в честь Великого Сооха!

В налитых кровью глазах Гунума разгоралось дьявольское пламя, из разинутой пасти стекали струйки слюны, шерсть на загривке встала дыбом.— Но ты не расстраивайся,— молодой атлант уже с трудом понимал, что говорит этот монстр,— потом они споют и для тебя! А когда мы натешимся вдоволь,— Гунум, кивнул на толпу кубурхов,— в твою честь будет устроено славное пиршество! Да ты уже прямо сейчас можешь выбрать кусочек по вкусу.— Он обвел рукой пленников.

На всю свою жизнь Кулл хотел бы забыть, что произошло дальше. В тот момент больше всего он мечтал об одном — умереть, чтобы ничего не видеть и не слышать.

До самой смерти будут его преследовать видения ужасающей бойни и полные запредельной муки вопли несчастных обитателей Долины Тигров.

Не в силах ни отвести глаза, ни закрыть их, взирал юноша за кровавой работой Гунума. Казалось, остановился даже ход времени, завязнув в густом месиве эманаций боли, страха и нечеловеческой злобы.

Сейчас Кулл не мог сказать, чья воля двигает рукой Гунума — его собственная или Соха. Впрочем, это было совершенно неважно. Со странным облегчением он встречал гибель очередной жертвы Гунума. Смерть была лучшим избавлением от мучений.

Что было потом, он не помнил. Должно быть, не в силах воспринять происходящее, мозг атланта нашел спасение во временном безумии.

. . .

Кулла развязали, а его многочисленные раны смазали какой-то вонючей мазью. Видимо, Гунум хотел, чтобы его пленник не потерял своей физической формы.

День протекал за днем, и раны юноши стремительно заживали. Время от времени кубурхи бросали ему в клетку объедки. Неприхотливый и ко всему безучастный Кулл съедал овощи и пресные лепешки, избегая мяса.

Время от времени Гунум подходил к клетке Кулла и спрашивал юношу, не надумал ли он присоединиться к кубурхам. Но пленник с безвольно поникшими плечами и тусклыми глазами, в которых не осталось ничего от бывшего блеска, безмолвствовал. Порой было непонятно, слышит ли он вообще обращенный к нему вопрос. Создавалось впечатление, что он начисто потерял память и интерес к жизни. Тем не менее все попытки Гунума влезть в сознание Кулла оказались безрезультатны.

— Очень хорошо,— довольно потирал руки немало не смущенный Гунум.— Во славу Сооха я слеплю из этого материала грозного воина. В следующее полнолуние я омою его в кровавой купели, и тогда он будет весь в моей власти!

Кубурх оценивающе посмотрел на пленника.

— Но на подножном корму ты что-то отощал,— прищурился гигантский кубурх.— Надо тебя, пожалуй, мясом подкормить... Эй,— бросил он своим бело-бурым охранникам, что следовали в двух шагах за его спиной.— Проводи-

те-ка его до котла. Пора ему уже привыкать к нормальной пище!

Охранники открыли клетку и подхватили несопротивляющегося атланта под мышки. Провожаемые равнодушными взглядами остальных кубурхов, они подвели его к булькающему на огне котлу и отпустили. Все так же равнодушно Кулл опустил на корточки и, сгорбившись, замер.

Гунум махнул кубурхам рукой, чтобы те приступали к кормлению, а сам остановился, что-то обсуждая с одним из своих людей. Зверолоуды, оставив Кулла, подошли к котлу. Один из них поднял тяжелую крышку, а другой, низко наклонившись, принялся черпаком вылавливать куски понаваристее. Третий охранник стоял рядом с Куллом, с кривой усмешкой наблюдая, как тот тупо вертит в руках дочиста обглоданный кусок берцовой кости.

— Эй, уцепите-ка и мне косточку посочнее,— повернулся он к стоявшим у котла.— Нелегкое это дело — такого бугая таскать!

Он вновь повернулся к пленнику, съезжившемуся у его ног. Кубурх равнодушно наблюдал, как человек встает на ноги. «Наверное, мясо учуял»,— подумал воин Гунума. И эта мысль оказалась последней в его жизни.

Только что прозрачные пустые глаза человека теперь пылали неукротимой яростью. Ошеломленный кубурх не успел издать и звука, как рухнул в кучу объедков. Из его распоротого горла ручьем хлестала кровь — острый обломок кости вспорол проклятой твари яремную вену.

— Подожди, сейчас достану,— не поворачиваясь, бросил кубурх с черпаком.

Все произошло настолько быстро, что никто ни чего не успел понять.

Двигаясь, как атакующая врага кобра, Кулл в мгновение ока оказался за спиной кубурха, который держал крышку котла. Жадно облизываясь, бурая тварь не сводила маленьких глазок с черпака. Еще один миг — и обломок кости без звука вошел ему в основание черепа, пронзив мозг.

Выпавшая из рук мертвого кубурха крышка покатилась по земле.

— Ты чего? — оборачиваясь, бросил кубурх с черпаком. Но клубы пара и высокая стенка котла не позволили ему ничего разглядеть.

В следующее мгновение он ощутил железную хватку на лодыжках и почувствовал, что взлетает в воздух.

— Уф! — только и успел воскликнуть кубурх, падая в кипящее варево.

Его жуткий предсмертный рев заставил подпрыгнуть Гунума. Обернувшись, вождь детей Сооха увидел, как его пленник гигантскими скачками несется к восточному склону долины.

И хотя повелитель кубурхов не понимал, на что человек надеялся, реакция его была мгновенной.

— Схватить его! — проревел Гунум. — Отрежьте его от гор!

Завывая от ярости, обманутый вождь бросился в погоню. Но судьба в этот день была к Куллу благосклонна — большая часть подданных Гунума сейчас отсутствовала. Крупный отряд кубурхов с утра отправился за данью в деревню людей, а остальные в этот жаркий полу-

денный час отлеживались в прохладных пещерах.

Путь к свободе атланту преграждали лишь двое кубурхов, случайно оказавшихся на его пути. Кулл разделался с ними, даже не сбавляя хода. Одному он с такой силой заехал кулаком в лоб, что у того лопнули глаза, и кровь хлынула из ушей, а второй получил страшный удар в пах, после которого замертво рухнул наземь.

Ловко, словно ящерица, Кулл начал карабкаться по крутому, почти отвесному склону. С детства привыкший к скалам, он инстинктивно находил единственно возможный путь. Целью юного атланта была клиновидная узкая трещина в скалах, которую он заметил в первый же день своего плена.

На одном дыхании, будто и не было этих страшных дней, он уже преодолел локтей шестидесят скального склона. Сердце Кулла бешено стучало о ребра. Еще несколько мгновений, и он окончательно ускользнет из лап адских тварей! Вот он разлом!

Кулл рывком послал свое тело в узкую каменную щель. И в этот момент что-то со страшной силой обрушилось на его левое бедро.

Наверное, сам Соох пришел на помощь своему рабу, потому что ни одно живое существо не могло бы послать тяжелое копье на двести с лишним локтей. Кулла спасло только то, что копье Гунума достало его уже на излете. Острый зазубренный наконечник не вонзился в ногу, сокрушая податливую плоть, а всего лишь прошел по касательной. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы сбитый с ног Кулл, обливаясь кровью, покатился по камням.

Проклиная Гунума самыми черными словами, какие знал, Кулл с трудом поднялся с земли. Зажимая здоровенную рану на бедре, он заковылял прочь. И хотя он был почти уверен, что кубурхи не смогут последовать за ним — их когтистые руки-лапы не были приспособлены для лазания по горам, — все же следовало поторапливаться. Кто знал, что еще могло прийти в голову Гунуму?

Стараясь не обращать внимание на боль, с каждым шагом пронизывающую его бедро, и изнуряющий солнечный жар, Кулл то бегом, то шагом двигался вперед. К вечеру он уже успел покрыть значительное расстояние, и перед самым закатом путь его кончился на краю высокого обрыва.

Прямо под ним расстилалось зеленое море джунглей, над которыми нависал массивный горный кряж, в котором он узнал Тигриную Лапу. По его прикидкам, отсюда до нее был день пути. Если бы он, Кулл, конечно, мог летать, словно птица.

Оценив высоту обрыва локтей в сорок, юный атлант задумался, как же ему добраться до джунглей. Если бы не страшная рана на бедре, которая беспокоила его все больше и больше, он попытался бы спуститься, держась за края трещин и водяных промоин. Но с покалеченной ногой закончить спуск живым шансов не было. Оставалась единственная надежда, что ему удастся отыскать какие-нибудь лианы, годные на то, чтобы сплести из них веревку необходимой длины.

Стараясь как можно меньше беспокоить раненую ногу, атлант заковылял по краю обрыва,

оглядываясь по сторонам. Ему повезло и на этот раз — он наткнулся на огромные заросли ежевики, опутанные ползуном. Буквально через пару недель длинные побеги этого растения под действием безжалостного солнца высохнут и станут ломкими, но пока еще они были зелеными и упругими.

Плетение каната Кулл закончил уже глубоко ночью, благо крупные яркие звезды давали достаточно света. В голове у него шумело, руки дрожали, все тело сотрясало в жестокой лихорадке. Но, закусив губу, он старательно сплетал травянистые волокна, умело стягивая стебли ползуна в толстый длинный жгут.

Последний раз оглядев творение своих рук, Кулл как мог тщательнее закрепил самодельный канат у основания корня мощного куста ежевики. Он хорошо знал, что эти удивительные кусты намертво вцепляются в скалы и куст такого размера без труда выдержит вес его тела.

Атлант решил спускаться прямо сейчас и не дожидаться, пока воспалившаяся рана и лихорадка полностью лишат его сил. Несмотря на горячечный бред, он понимал, что здесь, на голой скале, без воды и пищи он обречен.

Кулл решительно ухватился за травяной канат и перевалил через край обрыва. Юноша обладал прекрасными памятью и глазомером, и перспектива спускаться ночью его не беспокоила. Обливаясь холодным потом, отгоняя от себя мучительные приступы отвратительной слабости, он упрямо перехватывал самодельную веревку. Пядь за пядью он приближался к земле, не обращая внимания на изрезанные в кровь

ладони и предательское потрескивание стеблей ползуна.

Казалось, этому безумному спуску не будет конца. Тяжело раненный, терзаемый страшной лихорадкой, подвешенный между небом и землей, Кулл потерял счет времени. Со всех сторон его охватывала липкая темнота. «Приди к нам! Приди к нам! Отдайся ночи! — настойчиво шептали голоса тьмы.— Тебе нужно только разжать руки, и ты растворишься в ночи, подобно струйке дыма... Напейся силы ночи, стань одним из нас!»

— Сгиньте, порождения мрака! — кричал Кулл.

Вернее, ему лишь казалось, что он кричит. На самом деле едва слышный шепот слетал с его воспаленных губ. Древний ужас поднимался со дна его души, первобытный страх человека перед подобными бестелесными голосами, поджидающими одинокого человека во тьме. Больше всего ему сейчас хотелось панически размахивать руками, отгоняя подкрадывающееся Нечто.

Но вместо этого атлант изо всех сил сжал веревку, разрезая пальцы об острые края травянистых волокон. Острая боль на мгновение прочистила его мозги, заставляя осознать, кто он есть и где он находится.

Кулл содрогнулся, представив, насколько он сейчас был близок к смерти. Его не волновало, были ли его кошмарные видения вызваны лихорадкой или же в этих древних, как само время, горах нашли последний приют овеществленные человеческие страхи. Подобные вещи его не интересовали. Он дал клятву, которая

должна была быть выполнена. Следовательно, он должен остаться живым. А для этого ему нужно спуститься вниз...

Прокусив от нечеловеческого напряжения губу, больше не обращая внимания на бестелесные голоса, зовущие его к забвению смерти, он за несколько мгновений преодолел оставшееся расстояние.

Едва юноша почувствовал под ногами твердую землю, как рухнул без памяти и забылся тяжелым, похожим на смерть сном.

Увы, долгий сон не принес Куллу облегчения, хотя лихорадка немного ослабла. Он покачал головой, оглядев распухшую воспаленную ногу. Доковыляв до ближайшего ручья, атлант напился и тщательно промыл гноящуюся рану. Некоторое время юноша потратил на то, чтобы нарвать целебных листьев и облепить ими покалеченное бедро.

Вспоминая все, что ему говорили Наари и Вадан об их деревне, Кулл побрел к Тигриной Лапе. Он прикинул, что если обойдет ее слева, то существенно сократит путь до деревни племени Долины Тигров. Там он собирался подлечиться и с помощью новых друзей разработать планы сражения с кубурхами.

Однако что-то его подсознательно беспокоило. В правильности направления он был уверен, в своих силах — тоже. Так что же было не так? И тут он сообразил что — кубурхи! Почему эти твари его не преследуют?

Через какое-то время все встало на свои места. Его угораздило спуститься с одного из отрогов гор кубурхов точно во владения саблезубых тигров! И как бы ни была сильна нена-

висть Гунума к Куллу, даже с поддержкой Со-оха он не решился последовать за человеком. Впрочем, участь безумца и так была решена. Ни одно живое существо не могло пройти незамеченным сквозь охотничьи уголья племени горных тигров. Так что, по мнению вождя зверолоудей, смерть Кулла была предопределена.

— Ничего, мне всегда удавалось находить общий язык с дикими зверями,— пробормотал себе под нос Кулл.—Ну а если дело дойдет до поединка, то еще посмотрим, на чьей стороне будет победа!

. . .

Опираясь на выломанный ясеневый сук, стараясь экономить силы, Кулл двигался к горному кряжу. С большим трудом заставлял он двигаться свое непослушное тело. В ушах атланта бурлила кровь, в глазах плыли разноцветные круги, но он упрямо шагал вперед. Остановиться и упасть означало верную смерть. Когда терпеть боль становилась совсем невозможу, он жевал стебли дурман-трава, собранные им для этой цели в предгорьях. Когда же и наркотик переставал помогать, он представлял себе Наари, и тогда ноги сами несли его вперед.

Солнце уже завершало свой дневной путь, когда Кулл услышал слева от себя странные звуки. Сомнений быть не могло — где-то поблизости два существа сошлись в поединке не на жизнь, а на смерть. Чуткое ухо Кулла различило уже знакомое ему отвратительное повизгивание, принадлежащее росомахе, и рычание тигра. Вернее, тигренка.

Кулл не мог сказать, что заставило его свернуть со своего пути. Когда он пересек широкую поляну, перед ним развернулось удивительное зрелище. Здоровенная росомаха грязно-бурого цвета злобно наскакивала на не уступавшего ей размером полосатого хищника.

Да, тут было чему удивляться! Кулл присвистнул: если детеныш тигра оказался такого размера, то каковы же были его родители?! Но самым поразительным в этом тигренке (если, конечно, этого мощного зверя, размером со взрослого леопарда, можно было назвать тигренком!) был его цвет. Впервые в жизни Кулл увидел белого тигра! Даже в своем полуобморочном состоянии атлант оценил сказочную красоту повелителя джунглей — черные полосы пересекали его белоснежную шкуру, под которой бугрились мощные мускулы, а две пары клыков-сабель грозно щелкали.

Сперва Кулл удивился, что росомаха, пускай и не уступавшая тигренку в размерах, решилась на того напасть. Но, присмотревшись, он понял, что белый тигр угодил в ловушку — его левая задняя лапа была зажата суком поваленного дерева. Должно быть, тигренок решил полакомиться личинками, а дерево под его тяжестью неожиданно сдвинулось, захватив зверя в плен.

Росомаха, торжествующе повизгивая, прыгла вокруг пленника, целя своими страшными когтями в мягкое брюхо тигренка. Но пока маленькому повелителю джунглей удавалось сдерживать натиск кровожадной гадины. Однако смерть его была лишь вопросом времени. Бока тигра уже украшали несколько глубоких

ран. На фоне белой как снег шкуры этого красавца красная кровь казалась неестественно яркой.

Росомахе в очередной раз удалось достать тигренка. Пушистая хищница отпрыгнула в сторону и уселась на задние лапы. Довольно пофыркивая, она тщательно облизала вымазанную красным лапу. Понимая, что ее жертве деться некуда, омерзительная тварь не торопилась, растягивая это отвратительное развлечение.

И тут росомаха развернула свою окровавленную морду в сторону человека. Кулла словно громом поразило: ему прекрасно был знаком этот торжествующий взгляд маленьких глазок-угольев. Так же глядела на свою жертву росомаха, терзавшая Нааю. Неутолимая жажда крови, вечный голод и адская злоба читались в нем. Это был взгляд Сооха, Повелителя Росомах!

«Посмотри,— говорили глаза темного бога,— что я делаю со своими жертвами! Никто не может миновать моих когтей. И ты, жалкая букашка, не исключение! Взгляни, во что я превращу этого отвратительного зверя. Но участь, уготованная тебе, во сто крат страшнее!»

Росомаха встала и, лениво потянувшись, направилась к бьющемуся в ловушке тигру. Соох возобновил свой танец смерти, ловко уворачиваясь от мощных лап белого тигра. Раз за разом щелкали страшные челюсти росомахи, опять красная кровь закапала на траву.

Совершив особенно высокий прыжок, росомаха оказалась за спиной у тигренка. Развернуться тот уже не успевал. Поднявшаяся на

задние лапы тварь готова была обрушиться на маленького повелителя джунглей, когда в дело вмешался Кулл.

— Прочь, адское отродье! — выкрикнул атлант. Забыв о своей ране, он стремительно бросился наперерез росوماхе.

Движения атланта были настолько быстры, что вселившийся в звериное тело Соох не успел среагировать. Более того, самодовольное создание даже не ожидало сопротивления от смертельно уставшего и тяжело раненного человека. Но атлант, в свои юные лета прошедший горнило множества битв, не собирался терять времени даром.

Поднырнув под поднятые передние лапы росوماхи, Кулл нанес удар. Собрав все свои силы в одном невероятном движении, он вонзил ясеневый посох в пах вставшей на дыбы гадине.

От раздирающей ее внутренности жуткой боли росوماха страшно завизжала. Удар мощной лапы подбросил Кулла высоко в воздух. Юноша упал на больную ногу, и мир исчез в облаке невероятной боли. Сквозь застилавшую его глаза багровую пелену он увидел, как росوماха вырвала палку из своего живота и двинулась прямо на него.

Из оскаленной пасти зверя Сооха вылетал непрерывный вой, а глаза зверя-бога горели запредельной ненавистью к человеку, вот уже второй раз посмевавшему противостоять его воле. Но и смелый тигренок не терял времени даром.

Едва росوماха от него отвернулась, чтобы покончить с Куллом, как этот маленький боец дотянулся до ее лапы и намертво сцепил на ней свои грозные клыки. Росوماха завизжала еще

громче, но не смогла сдвинуться с места. Ее страшные когти распарывали воздух на расстоянии ладони от горла человека.

Судорожно втягивая воздух в отказывающиеся дышать легкие, Кулл пополз в сторону лежащего неподалеку здорового валуна. Перевернувшись на спину, он сел, а затем, шатаясь, сумел подняться на ноги. Его огромные мышцы взбугрились, когда он поднял с земли гигантский — в три человеческие головы, — камень и поднял его над собой.

На мгновение он замер, а потом со всего маху обрушил глыбу гранита прямо на голову росوماхе. Но за мгновение до того момента, как тяжелый камень превратил голову росوماхи в кровавое месиво, зверюга невероятным образом извернулась и сумела дотянуться своими страшными когтями до левого бедра Кулла.

Кулл рухнул как подкошенный. Сейчас он больше не чувствовал боли. Он равнодушно смотрел на развороченную ногу, из которой хлестала кровь. Юноша прекрасно понимал, что умирает. Единственной его мыслью в этот момент была мысль о Наари и своем еще не родившемся сыне.

— Наари, — прошептал Кулл и улыбнулся. — Я люблю тебя...

Он повернулся к белому тигренку и посмотрел ему в глаза.

— А ты, зверь, знаешь, что это такое — любовь? — Слова чуть слышно слетали с его губ.

Тигренок совершенно серьезно смотрел на него своими странными золотисто-зелеными глазами. И Кулл удивился, насколько выразительным и умным оказался взгляд дикого зверя.

Мир в глазах юного атланта затягивался серой мутиью, свет начал меркнуть. И в этот момент перед ним мелькнула рыжая молния. Между умирающим человеком и спасенным ценой его жизни зверем мягко приземлился на лапы исполинский тигр.

В противоположность белому тигренку, эта гигантская кошка, размером не уступавшая слону-трехлетке, была нормального для тигров цвета. Кулл подумал, что тигренок, должно быть, совсем еще кроха. Тигр разинул пасть, в которой легко мог уместиться средних размеров кабан, и рыкнул. В ответ тигренок разразился целой серией рычащих и мяукающих звуков. Тигр попытался заворчать еще раз, но тигренок что-то грозно прорычал ему в ответ. Такого просто не могло быть, но тем не менее эти звери разговаривали, причем маленький явно приказывал большому!

Наконец тигр-исполин покорно вздохнул и опустил свою огромную голову. Он поднял лапу и небрежно ткнул огромное дерево, придавившее лапу маленького. Вековечный кедр хрустнул, как соломинка, и, расколовшись пополам, отлетел далеко в сторону. Белый тигренок довольно мяукнул и, слегка прихрамывая, подошел к Куллу. Лизнул юношу в лицо. Большой тигр послушно склонился над лежащим человеком.

В этот момент сознание Кулла померкло. Последним, что он видел, была надвигавшаяся на него гигантская оскаленная пасть...

. . .

Умиравший от страшных ран и потери крови, Кулл уже не понимал, что с ним происходит. В его мозгу явь смешалась с бредом. То он видел себя в пасти тигра, причем страшные сабли-клыки сомкнулись на нем настолько осторожно, что он их даже не ощущал. То он видел себя лежащим в кристально чистой пузырчатой воде в окружении дюжин и дюжин огромных полосатых кошек. То он куда-то ехал, лежа на широченной спине белого тигра невероятных размеров. И во всех видениях его сопровождал спасенный им маленький белый тигр.

Время от времени он подбегал к Куллу и весело говорил ему: «Теперь с тобой все будет в порядке, Крепкий-как-Горы. Как только ты встанешь на ноги, мы отправимся на охоту! А потом ты научишь меня драться с Крадущимися-в-Ночи!»

«Вот, значит, как приходит смерть...» — проваливаясь во тьму, успел подумать Кулл.

Юноша пришел в себя, лежа на удобной подстилке из мягких упругих веток в просторной пещере. По привычке хрустко потянувшись всем своим сильным телом, Кулл одним прыжком оказался на ногах. И только в этот момент вспомнил все то, что с ним происходило.

...Побег от кубурхов, копьё Гунума, ночной спуск по канату, бой с росомарой, гигантские тигры... смерть... Тигры?! Смерть?!!

Кулл глянул на свое развороченное бедро, но увидел лишь гладкую загорелую кожу. Там не было ни малейшего намека на страшную рану,

от которой он умирал. Атлант замер в полном смятении. От избытка чувств ноги у юноши подкосились, и он сел на пол. Точнее, не на пол, а на что-то мягкое и теплое, отозвавшееся недовольным ворчанием. Теперь от удивления Кулл, наоборот, вскочил как ужаленный и обернулся.

На него очень внимательно смотрели зелено-вато-золотистые глаза с вертикальным черным зрачком. Перед ним, сладко потягиваясь, стоял тот самый невероятный белый тигренок из его видений!

— Ар-р-ррры! — прорычал тигренок.

«Привет! Я же говорил, что с тобой все будет в порядке!» — в голове Кулла басовитое рычание сложилось в слова человеческого языка.

Каким-то невероятным образом Кулл теперь понимал его речь!

Одно из главных достоинств Кулла заключалось в том, что он на удивление быстро находил выход из любой ситуации. Вот и сейчас он принял происходящие с ним чудеса на удивление спокойно.

Да, теперь он был цел и невредим и понимал язык тигров. Он воспринял это как данность бытия — так есть, потому что так есть. Вопрос «почему» всегда Стоял для Кулла на последнем месте. Главное, он был в полном порядке. Даже от его старых ран не осталось ни малейшего следа.

Он не стал уподобляться глупой девушке-рыбачке, в ужасе прячущейся от всего непонятного под собственной юбкой. Каким-то таинственным образом он поправился? Замечательно! Он стал понимать язык тигров? Пре-

красно! Теперь он был полон здоровья и хотел быстрее разобраться в происходящем. Первым делом нужно было определить, где он находится, и в соответствии с этим скорректировать свои планы.

— Эй, а где твой хозяин? — поинтересовался он у тигренка. — И где я нахожусь?

Кулл решил, что белый тигренок принадлежит какому-нибудь могучему шаману. И раз уж он умеет говорить, нужно постараться как можно больше у него выяснить.

— Я сам себе хозяин, человек! — фыркнул тигренок. — И обращай ко мне — Легкий-как-Ветер.

— А находишься ты в пещерном городе Ааргха — От раздавшегося за спиной Кулла могучего рыка с потолка пещеры посыпались мелкие камешки.

Кулл развернулся. Загораживая дневной свет, у входа в пещеру стоял белый тигр невероятных размеров. Тот самый, на спине которого он ехал в одном из своих видений. Неужели это было на самом деле?

Не смотря на его грозный вид, Кулл совершенно не чувствовал страха. Во-первых, он понимал, что раз его еще до сих пор не разорвали на мелкие части, значит, не собираются убивать и сейчас. А во-вторых, что было куда значительнее, он всей своей душой испытывал чувство необъяснимого родства с тигриним племенем. Он не понимал, откуда могло взяться подобное чувство, но это было так.

По исходящему от этого огромного красивого хищника ощущению силы и властности Кулл

догадался, что перед ним отнюдь не простое животное.

— Меня зовут Кулл,— представился юноша.— А как мне обращаться к тебе?

— Я — Идущий-по-Краю Обрыва,— прорычал тигр в ответ.— И я — вождь племени детей Ааргха!

— Что это еще за Ааргх? — удивился Кулл.

Он уже дважды слышал это имя. Насколько атлант мог вспомнить, ни один из встреченных им в Долине Тигров — ни люди, ни кубурхи не упоминали этого имени.

— Владыка Ааргх — это владыка Ааргх,— проревел тигр-великан.— Он создал наше племя в те невообразимо далекие времена, когда эти горы еще были молодыми! Именно мы, дети Ааргха,— коренные обитатели этой долины, которая его волей предназначалась для тигриного племени на веки вечные! — Его толстый, как полено, хвост в бешенстве хлестал по полосатым бокам.

— А откуда же здесь взялись люди и кубурхи? — удивился Кулл.

— Ответ на твой вопрос, человек, кроется в горестных для нас событиях.— В глазах Идущего-по-Краю Обрыва яростный блеск поутих.— Владыка Ааргх — один из древних звероголовых богов, обитавших на этой планете. Эоны и эоны назад эта земля была ареной для игр богов-зверей. Но, увы, время неумолимо. На смену звериным богам пришли другие — Темные, неизмеримо более страшные и более могучие существа.

Силы Звероголовых уменьшались, а могущество Темных — крепло. И пришло время, когда

большей части Звероголовых пришлось покинуть этот мир, превратившийся в преисподнюю. Но некоторые, в том числе и владыка Ааргх, не желали смириться с расползающимся злом. Ааргх создал эту долину, огородив ее кольцом неприступных гор, через которые не могли пробиться создания Темных. А его силы хватало, чтобы защитить это место от их нечистых хозяев.

А потом он создал нас — своих детей. Само время не имело власти над нами, и в радости и согласии жили мы в этой долине. Мы резвились и играли, наслаждаясь каждым мгновением нашей жизни, и не уставали возносить хвалу Владыке Ааргху, радостно взиравшему на нас.

Но напрасно Ааргх считал себя и нас в безопасности. Тысячелетие текло за тысячелетием, и не ощутил был их ход. За это время погрязшие во зле Темные были сокрушены Новыми богами, созданием одного из которых — Валки — являешься ты. Но не было уже в Новых той невероятной мощи, присущей Первым, ибо черпали Первые свою силу из начала времен...

Идущий-по-Краю Обрыва на мгновение замолчал. Огромные глаза могучего зверя, казалось, глядели в невообразимую бездну времен, которую человеческий разум просто не в состоянии был представить.

— Но вернемся к твоему вопросу, дитя Новых... Не только Ааргх пережил эти тяжелые времена. Одному из его братьев, добровольно низринувшемуся в рабство к Темным в поисках их силы, тоже удалось выжить. Какими путями он избежал судьбы Темных, никому неизвестно,

но он здесь до сих пор и в какой-то мере сохранил свою силу...

— Ты говоришь о Соохе? — догадался Кулл.

— Да, о Губителе, будь проклято его имя! — В глазах тигра было столько ненависти, что Куллу показалось, будто в пещере похолодало.

— Будь проклято это имя! — зарычал и Легкий-как-Ветер, причем яростью его рев не уступал реву взрослого.

Разделяющий отношение тигров к этому темному божеству, Кулл лишь сплюнул под ноги.

— В один проклятый день Соох появился у стен владений Ааргха и попросил у него убежища. Ааргх не смог отказать в просьбе одному из братьев, явившемуся в трудный для того час. Тем более что он даже не предполагал по какому черному пути шел Соох. И Губитель поселился здесь...

Поначалу все шло замечательно. Соох открыл Ааргху много великих тайн. Силы Ааргха многократно возросли.— Идущий-по-Краю Обрыва тяжело вздохнул.— Но дыхание Зла уже коснулось этой благословенной земли... Сперва Соох попросил Ааргха разрешения призвать его собственных слуг — гигантских росомах. Потом он сказал, что устал от жизни и хочет удалиться в горы, где в окружении своих подданных проведет остатки времен в размышлениях...

Много лет Ааргх ничего не слышал о Соохе. Все шло, как и раньше, но затем вдруг стали пропадать наши дети.— Белый тигр скорбно покачал огромной головой.— А тигрят почему-то у нас рождалось все меньше и меньше. Соответственно, наше племя уменьшалось...

А когда владыка Ааргх понял, что все происходящее — дело рук Сооха, непоправимое уже свершилось...

Мы не знаем, каким образом и когда точно Губитель провел в Долину Ааргха твоих соплеменников, человек. Соох создал в неизведанной глубине гор подземный город. Используя свои знания, полученные в наследство от Темных, Губитель породил свое собственное племя. Ему удалось скрестить порождения хаоса — гигантских росомах, мы зовем их Крадущимися-в-Ночи, и людей, чей разум он поработил. Именно от этого нечестивого союза и произошли те, что называют себя кубурхами.

Для того чтобы укрепить свою власть и уменьшить силы Ааргха, Губитель в самом сердце его творения на уцелевшем алтаре Темных приносил в жертву древнему Злу наших детей...

Замерев, Кулл внимал самой необыкновенной истории, услышанной им в своей короткой жизни. До этого он даже не задумывался, какая бездна времен лежит за спиной такого молодого человечества. Сколько же самых невообразимых существ — детей других богов — уже прошли тот путь, на который люди вступили только что?

— Облако темного колдовства, исходившего из подземного царства Сооха, исподволь проникало в нашу безмятежную жизнь. Нас становилось все меньше и меньше, силы Ааргха и его воля к жизни тоже убывали. Когда наш владыка понял, что происходит на самом деле, было уже поздно.

И тем не менее владыка Ааргх бросил вызов Губителю. Все наше племя выступило за ним, мы были полны решимости растерзать на части Сооха и порожденную им нечисть. Разыгралось невероятное сражение. Соох и Ааргх сошлись в смертельном поединке. Мы рвали кубурхов сотнями, но еще больше их вылезало из темных зловонных пещер.

Но слишком неравными были к тому времени силы Губителя и Ааргха,— продолжил после небольшой паузы Идущий-по-Краю Обрыва.— Увы, пал от коварного удара Сооха наш господин, а жалкие остатки тигриного племени были вынуждены спасаться бегством. Однако и Губителю победа досталась слишком дорогой ценой.

Недооценил Соох мощь Ааргха и жестоко за это поплатился. Он потерял возможность находиться в этом мире в своей физической оболочке, поэтому вынужден вселяться в тела своих рабов. Да и силы его теперь на исходе...

— Это я уже знаю,— скривился Кулл.— Я с ним сталкивался трижды, и каждый раз мне удавалось побеждать его слуг. Если судьба столкнет меня с ним снова, я выбью из вашего проклятого Сооха всю требуху! Я его отделаю так, что он навсегда забудет дорогу в наш мир!

— А я р-р-разар-р-рву его на части! — вмешался Легкий-как-Ветер. Тигренок выгнулся дугой, оскалил острые зубы и выпустил когти.

— Я надеюсь, что этого не произойдет,— покачал головой Идущий-по-Краю Обрыва.— Пускай Соох поверженный, но все-таки бог. Даже все мы, вместе взятые,— огромные и могучие создания Ааргха — не сможем против-

стоять Губителю, если он сможет прийти в наш мир снова!

— А почему вы не уничтожите кубурхов сейчас, когда Соох не может им помочь напрямую? — поинтересовался Кулл.

— Ты видел их стену? — в ответ спросил тигр. — Пока мы зализывали свои раны и скорбели о павшем господине, кубурхи и их рабы-люди смогли воздвигнуть неприступную стену, отгородившую полуразрушенный город Сооха, в который ведут множество пещер, от мира. Несколько раз мы пытались взять штурмом или измором их город, но все наши попытки не увенчались успехом. Мы только несли потери, когда мои подданные напрасно гибли, раздавленные гигантскими глыбами или пронзенные десятками копий. Правда, и кубурхи не осмеливаются заходить в наши владения, — сказал белый тигр.

— А почему бы вам не уничтожить деревню людей? — поинтересовался Кулл. Несмотря на то что он сам принадлежал к человеческому роду, вопрос напрашивался сам собой. — В этом случае кубурхи потеряют свой скот?

— К сожалению, люди — далеко не единственный для них источник пищи, — тяжело вздохнул Идущий-по-Краю Обрыва. — Кубурхам все равно, что жрать, лишь бы оно двигалось. И пускай могущество Сооха далеко не то, что раньше, но все же его хватает, чтобы остановить нас. Мы просто не можем войти на земли людей.

Я думаю, если бы владыка Ааргх не напал бы на Губителя, тот бы успел наложить подобные чары на все земли Долины Тигров, человек. —

Идущий-по-Краю Обрыва замолчал.— Ты можешь не верить, но Соох первым делом закрыл от нас земли людей лишь по одной-единственной причине. В своей извращенной злобе он был уверен, что мы будем питаться из того же источника, что его создания! И хотя мы владеем практически всей Долиной Тигров, дело идет к тому, что через несколько десятков лет кубурхи станут ее единственными и безраздельными хозяевами.

— Почему? — удивился Кулл.

— Злобные бестии не могут противостоять нам в открытом бою,— ответил Идущий-по-Краю Обрыва.— Хитрые порождения тьмы охотятся на нас большими отрядами, нападая с территории, защищенной чарами Сооха. Они устраивают на наших охотничьих тропах коварные ловушки, отравляют лесные водоемы. Но не это самое страшное. Куда более для нас опаснее росوماхи.

Эти отвратительные пронырливые твари, в каждой из которых заключена частица души Губителя, отслеживают тигрят и молодых тигров, неосторожно удалившихся от дома, и нападают на них. И пускай мы убиваем их десятками, наши потери практически невосполнимы...

Дело в том, человек,— повелитель тигриного народа тяжело вздохнул,— что на моем народе лежит проклятие Сооха. Новые тигрята появляются у нас все реже и реже. Сейчас во всем племени есть лишь единственный малыш, ради которого любой из нас не задумываясь отдаст свою жизнь...

Грозный хищник посмотрел на тигренка с такой любовью и нежностью, какой Кулл не мог ожидать от дикого зверя.

— Теперь ты сам видишь, что мы обречены,— закончил тигр свой рассказ.— Тем не менее мы безжалостно уничтожаем все создания, на которых лежит тень зла Сооха. И росомах, и кубурхов, и... людей, чей разум выжжен Соохом.

Идущий-по-Краю Обрыва продемонстрировал Куллу впечатляющий набор клыков длиной с руку человека.

— А почему вы спасли меня? — Кулл с внезапно нахлынувшей теплотой потрепал за шею довольно заурчавшего тигренка.

— Своей жизнью ты обязан Легкому-как-Ветер,— сказал гигантский тигр, укладываясь на пол. Он устроил тяжелую голову на могучих лапах и посмотрел на человека. Даже сейчас его глаза находились на уровне глаз стоявшего Кулла.

— Все наше племя обязано тебе жизнью своего будущего повелителя,— гордо ответил тигренок.— Я единственный сын и наследник вождя племени горных тигров Идущего-по-Краю Обрыва.— Он подошел к отцу и потерся о его мощную лапу.

— Но дело не только в этом,— добавил Идущий-по-Краю Обрыва, слегка боднув сына.— У нас есть легенда, в которой говорится о том, что проклятие Сооха падет, когда у тигриного народа родится последний ребенок. А судя по всему, Легкий-как-Ветер и есть последний наш ребенок.

Я думаю, ты понял, насколько малыш важен для всех нас. Это не только единственный мой сын,— пояснил атланту белый тигр.— Это единственный и последний сын всего нашего народа...

— Как вышло, что он оказался один и попал в ловушку? — спросил у белого тигра Кулл.

— Этот непоседа решил, что он достаточно взрослый, чтобы постоять за себя. Он удрал от своего напарника по играм в джунгли, где и угодил в ловушку. Мне кажется, что создания проклятого Сооха неотступно за нами следят,— уж слишком быстро появилась одна из росомых. Если бы не твоё мужество и сила, Губителю удалось бы уничтожить нашу последнюю надежду...

— Ты рискнул своей жизнью, чтобы спасти мою,— фыркнул Легкий-как-Ветер.— Я не мог допустить, чтобы ты умер. Тогда на мне остался бы неоплаченный долг, и я не смог бы после смерти присоединиться к Владыке Ааргху! Поэтому я приказал отнести тебя к Озеру Жизни!

— Что это еще за Озеро Жизни? — поинтересовался Кулл.

— В самом сердце гор, давших нам приют,— ответил Идущий-по-Краю-Обрыва,— бьет волшебный ключ. Именно в этом месте тысячи и тысячи лет назад наши предки похоронили Ааргха, тело которого тогдашний вождь племени — Быстрый-как-Молния — сумел вынести с поля боя.

Раны любого его потомка,— продолжил Идущий-по-Краю Обрыва,— окунувшегося в воды Озера Жизни, как бы тяжелы они ни были, почти сразу же заживают. Но, увы, даже его цели-

тельные воды не в силах разрушить черное колдовство Губителя.

Должно быть, на тебе лежит благословение владыки Ааргха,— после паузы продолжил тигр.— Потому что, искупавшись в его крови, ты обрел не только силу и здоровье, но и понимание языка его детей...

— Ты теперь один из нас,— довольно заявил Легкий-как-Ветер.— Ты будешь жить с нами, и мы будем с тобой охотиться на наших врагов!

— Иди-ка побегай, герой,— велел ему Идущий-по-Краю Обрыва.— Нам нужно поговорить с Крепким-как-Горы.

— Это я дал тебе имя! — бросил напоследок тигренок и выбежал из пещеры.

— И все-таки,— ухмыльнулся Кулл,— почему мне оказана такая часть? Почему, например, вы не оставили меня на берегу озера или в джунглях, а принесли меня в свой дом?

Гигантский белый тигр окинул Кулла внимательным взглядом.

— Можешь поверить, что ты первый и последний человек, искупавшийся в Озере Жизни. Всех, кто является проводником злой воли Губителя, мы безжалостно уничтожаем. Нет никакой разницы, как они выглядят — кубурхи, росомахи, люди, другие животные,— они лишь вместилища души Сооха, его глаза и руки.

— Нам, тиграм, дано видеть истинный свет души живых существ. В отличие от двуногих тварей, населяющих эту долину, ты не отмечен темным клеймом Сооха. Когда я смотрю на тебя, то вижу не черную муть, коей отмечены его рабы, или клубящуюся мглу, присущую кубурхам. Мне даже хочется зажмуриться от ярост-

ного сияния твоей души. Я не могу видеть будущее, Крепкий-как-Горы, но в тебе сокрыта частица Пламени Созидания...

Вождь тигриного народа поднялся с каменного пола пещеры.

— Человек, мне очень не хочется, чтобы мой сын был последним из детей владыки Ааргха. Я хочу, чтобы Долина Тигров вновь стала домом для многочисленного и счастливого племени. Я хочу, чтобы здесь не осталось ни одного существа, созданного волей Темных или Новых богов. И я хочу, чтобы добиться всего этого помог мне ты.

— Но что могу поделать я, маленький человек, не обладающий ни твоей силой, ни твоим могуществом? — Кулл смело смотрел в глаза Идущему-по-Краю Обрыва.

— Я чувствую в тебе великую силу, человек. Имя, которое дал тебе мой сын,— Крепкий-как-Горы, подходит тебе как нельзя лучше. Я уверен, ты и сейчас, и еще бесчисленное количество раз потом выступишь посланцем сил, что стоят над богами и их жестокими забавами. Таково твое предназначение — служить справедливости и бороться со Злом, какую бы форму оно ни принимало.

— Ну, в одном я тебе помогу точно,— пожал плечами Кулл.— Я поклялся истребить кубурхов, и я это сделаю. Пока я еще не знаю как, но — поверь мне, вождь,— так будет.

Кулл сейчас говорил истинную правду. Трудно сказать, что тому послужило причиной — поединок вне времени и пространства с темным божеством, купание в волшебном озере или нечто совершенно другое,— но юноша сей-

час инстинктивно улавливал связь всех тех событий, участником которых он оказался; он чувствовал, что победа будет за ним и его союзниками.

— Но ты ошибаешься, вождь, считая, что я позволю безжалостно уничтожить своих братьев. Ты прав, когда говоришь, что они — покорные рабы Сооха. Но ведь не все люди такие. Знаешь ли ты, что среди людей рождаются дети, неподвластные черному взгляду кубурхов? Пускай их немного и они вынуждены спасаться бегством и скрываться в джунглях от всех — от людей, от тигров, от кубурхов, но пока рождаются им подобные, остается надежда для всего человеческого племени.

— Пускай так, Кулл,— согласился Идущий-по-Краю Обрыва,— но эта земля принадлежит только нам.

— Если кубурхов не остановить сейчас, то через несколько поколений от вас не останется даже легенды,— жестко ответил гигантскому тигру Кулл.— Хочешь ты того или нет, но вам придется объединиться с людьми, чтобы победить Сооха. И чем раньше вы это сделаете, тем больше у нас всех будет шансов на победу. Не только ты хочешь счастья для своих детей.— Атлант подошел к белому тигру.— Я тоже надеюсь, что мой пока еще не рожденный ребенок вырастет мужественным воином, а не двуногим куском мяса. И горе тому, кто осмелится причинить ему зло. Я уничтожу любого, кто посмеет даже помыслить об этом,— зверя, демона, бога!!!

Гигантский хищник, во много раз превосходивший казавшегося рядом с ним маленьким и

хрупким человека, покорно опустил голову, признавая его правоту.

Вождь тигриного народа всем своим сердцем уловил страшную правду, прозвучавшую в словах Кулла. Идущий-по-Краю Обрыва ощутил себя крошечным комком трепещущей плоти пред грозным оком всемогущего божества.

Древний мудрый зверь сумел постигнуть то, что впоследствии не сумеют различить земные цари и небесные иерархи, дерзнувшие бросить вызов Куллу. На какое-то мгновение черты Кулла расплылись, и на Идущего-по-Краю Обрыва упал отсвет той силы, что составляла истинную сущность Кулла — этого удивительного человека без роду и племени. Это была та сила окончательного уничтожения, противостоять которой не могли ни смерть, ни хаос. Кулл даже представить себе не мог, к каким результатам могут — да и будут — приводить его клятвы. И горе тому, кто осмелится пробудить в нем эту силу...

Идущий-по-Краю Обрыва распластался у ног человека и, зажмурившись, тщетно пытался вжаться в холодный камень.

То, что стало известно Идущему-по-Краю Обрыва, так и осталось неизвестным и для самого Кулла, и для всего остального мира. К худому ли, к добру ли, но повелитель тигриного народа решил, что знание, могущее поколебать основы бытия, должно навсегда остаться в нем.

Впрочем, озарение, снизошедшее на Идущего-по-Краю Обрыва, осталось не замеченным атлантом.

— И кроме того, я сам хочу увести людей подалее отсюда,— продолжал Кулл как ни в чем

не бывало.— Я тоже чувствую, что это место создано не для нас. Решайся, вождь, ваши когти и зубы и наши руки и копья против Сооха и его отвратительных порождений!

— Да будет так! — рыкнул тигр.— Но что мы будем делать?

— Расскажи мне о горах, которые окружают селение кубурхов. Я хочу также знать, где берет начало река, что протекает мимо их пещер...

. . .

На следующее утро после того, как состоялся большой совет племени, Кулл с Идущим-по-Краю Обрыва выехали в направлении деревни народа Долины Тигров. Вождь тигриного народа убедил своих подданных, что лучше пасть в решительной битве за свое будущее, нежели смиренно дожидаться, пока последний из некогда могущественнейшего племени владыки Ааргха издохнет от старости.

Все слова были уже сказаны, и Кудл молча ехал на широкой спине белого тигра. Сейчас он думал о том, как ему реализовать свой невероятный план. На какое-то время он задумался о цене, которую предстояло заплатить за победу над кубурхами. Было ясно, что после подобной бойни мало кто из людей останется в живых.

Кулла никак нельзя было назвать милосердным, и он не испытывал ни малейших угрызений совести, что отправит большую часть народа Долины Тигров на верную смерть. Сколько бы соплеменников Наари и Вадана ни погибло, это будут не напрасные жертвы. Великий Валка, да пускай лучше они погибнут в бою, чем и

дальше продолжат служить пищей для злобных бестий!

И его новые союзники, и он сам осознавали, что сколь бы высока ни была цена победы — это была цена жизни.

Огромный скакун Кулла несясь сквозь джунгли, словно белая молния. То он низко стлался над густыми травами, то высоко взмывал в воздух перепрыгивая через глубокие ущелья. На какое-то время Кулл забыл обо всем на свете, всей душой отдавшись сказочному полету.

Идущий-по-Краю Обрыва тотчас уловил его настроение.

— Ты должен был родиться тигром, Кулл,— рыкнул он.— Ни у одного человека я доселе не встречал подобного неукротимого и яростного духа! Наша жизнь просто предназначена для тебя. Ты создан для гор, ветра и бескрайних просторов!

— Иногда я и сам чувствую, как сильно отличаюсь от себе подобных,— стараясь перекрычать ветер, воскликнул юный атлант.— Пусть так, и все-таки я — человек!

Но что бы ни думал по этому поводу Идущий-по-Краю Обрыва, мудрый тигр промолчал и на этот раз.

Ветер бил в лицо, горы уносились назад, никогда еще в жизни Кулл не испытывал подобного наслаждения. Он совершенно потерял счет времени и не заметил как пролетел день. Но вот Идущий-по-Краю Обрыва замедлил свой бег и остановился.

— Вот мы и добрались до границы мест, запретных для детей Ааргха,— обратился он к Куллу.— Но прежде чем ты отправишься в путь,

я должен сказать тебе одну вещь.— Идущий-по-Краю Обрыва не мигая смотрел на атланта.— Один раз в жизни, каждый вождь племени может воззвать к Ааргху. И тот может ему ответить.

— Но ты же говорил, что Соох его убил? — удивился Кулл.

— Как можно убить бога? — рыкнул тигр.— Можно лишь уничтожить его земное воплощение, но не бессмертную сущность.

— Я не знаю, в каких местах обретается ныне дух Ааргха, но в моей власти попросить у него помощи, хотя его возможности не так уж и велики,— закончил Идущий-по-Краю Обрыва.— Я буду ждать тебя здесь. Иди!

. . .

Ориентируясь по вершинам скал, указанных ему белым тигром, юноша ровным шагом заскользил в сторону деревни народа Наари и Вадана. Наслаждаясь ощущением полноты жизни, Кулл стремительно мчался сквозь лес, уворачиваясь от стволов деревьев. Так, не чувствуя усталости, он покрывал лигу за лигой.

Разъяренный вой кубурхов и шум битвы он услышал еще на подходе к деревне. Кулл скоро переправился через неглубокую, но бурную речку. Бесшумно прокравшись через густой подлесок, окружавший полуостров, на котором располагалась деревушка Наари, он замер, затаившись в тени раскидистого платана.

Удивлению Кулла не было границ. От своих друзей он точно знал, что человеческая деревня было совершенно беззащитна. По словам На-

ари, старейшины запрещали своим людям совершать поступки, которые могли бы быть восприняты кубурхами как неподчинение. Проповедуя полную покорность судьбе, эти негодяи даже не удосужились высадить живую изгородь!

И тем не менее сейчас деревню окружал высокий частокол из свежеекоренных стволов деревьев. На остро заточенных кольях красовались отрубленные головы кубурхов, еще больше трупов валялось под деревянной стеной. И все же еще весьма значительное количество детей Сооха, удалившись от частокола на безопасное расстояние, бесновались, закидывая защитников камнями и утыканными шипами глиняными шарами.

Насколько Кулл знал кубурхов, зверолоди наверняка смазали эти шипы какой-нибудь отравой.

Увы, приглядевшись, Кулл различил и изуродованные человеческие тела. Судя по всему, сражение разыгралось с утра и обе стороны понесли существенные потери, хотя по оценкам атланта кубурхов погибло больше, чем людей. Учитывая покорность людей воле кубурхов и их неумение драться, это было удивительно. Похоже, Вадан и Наари действительно постарались на славу!

Тем временем командир нападавших — огромный мосластый кубурх с невероятно мощными руками, свисавшими почти до самой земли, — раздавал приказания:

— Эй ты, Зазерг, бери свою тройку и отправляйся в лес за сухостоем. Патам и Наксут, вы с вашими людьми будете плести щиты! Шулум,

возьмешь тройку Бодрота и дуй к броду за глиной и камнями!

Раздавая пинки и зуботычины, кубурх мгновенно навел порядок в своем весьма поредевшем войске. Оставив надежду одолеть деревню людей с наскока, на этот раз он решил подготовиться к штурму всерьез.

— Пошевеливайтесь, мерзавцы! — ревел кубурх, подгоняя свое войско.

Повернувшись к не охваченным работой, он оглядел своих бойцов.

— Бодрот, иди-ка сюда! — отдал он приказ.

От толпы кубурхов отделился поросший белым

мехом зверочеловек. Его перебитая правая рука болталась как плеть, а шерсть на голове, пропитанная кровью, слиплась в колтун. Шатаясь и покачиваясь, он приблизился к командиру.

— Калтум,— прохрипел он,— я еще смогу драться!..

В его голосе чуткое ухо Кулла уловило смертельный ужас.

Калтум, поигрывая огромной дубиной, задумчиво глядел на раненого кубурха. Вдруг его палица высоко взлетела и с размаху опустилась на голову несчастного Бодрота. Раздался мягкий влажный хруст, и обезглавленный Бодрот рухнул под ноги Калтуму. Мохнатое тело несколько раз судорожно дернулось и затихло.

Раздались одобрителные восклицания уцелевших кубурхов. Злобные твари как будто бы ждали от своего командира этого знака. Не успел Кулл опомниться, как из их рядов были вытолкнуты все раненые кубурхи. Калтум внима-

тельно осмотрел своих подчиненных, время от времени указывая на кого-нибудь кривым когтем, а затем отдал приказ.

Со смехом и гиканьем кубурхи набросились на отмеченных Калтумом собратьев и в мгновение ока забили их насмерть. Те, кто, по мнению их командира, мог еще сражаться, участвовали в боине наравне с остальными.

— Ты, ты и ты,— велел вислорукий кубурх, выбрав нескольких воинов.— Ну-ка займитесь обедом!

Рослые кубурхи, ловко уворачиваясь от копий и дротиков, которые в них метали защитники деревни, подобрались к стенам. Там каждый взвалил на плечи по человеческому телу, и, прикрываясь мертвецами, как щитом, бестии бросились обратно.

Кулл не стал дожидаться омерзительного пиршества кубурхов, а бесшумно растворился в лесу. Неслышно, словно тень демона, он помчался вдогонку за отправленным на заготовку дров отрядом Зазерга.

Калтум, не мудрствуя лукаво, решил поджечь частокол. Атлант был вынужден признать его правоту: огонь отогнал бы защитников деревни от деревянной ограды. А коль скоро кубурхи проникли бы в деревню, люди были обречены. В рукопашной войны Гунума в считанные мгновения разделались бы с не имеющими боевого опыта бойцами Вадана.

— Ну-ну,— пробормотал про себя Кулл.— Долго ты еще будешь ждать дровишек!

Отряд Зазерга он настиг у поваленной ветром здоровенной сучковатой пинии. Лениво

переругиваясь, кубурхи тяжелыми железными секачами рубили толстые смолистые ветки.

Атлант отметил необычную форму их оружия. Кинжалы эти были необычайно длинными — с руку мужчины, изогнутыми и расширялись к концу. Они совершенно не походили ни на каменное оружие племен Приморских гор, ни на прямые короткие бронзовые мечи лемурийских пиратов. Не были они похожи и на тяжелые двуручные мечи валузийцев, про которые ему рассказывал Хор-Нак.

Трое кубурхов рубили сучья, отбрасывая их за спину, а четвертый — видимо, Зазерг — стаскивал их в большую кучу в центре поляны. Двое обрабатывали верхушку дерева, а один рубил сучья у основания пинии. Кулл ужом прополз вокруг поляны и подобрался к вывороченным из земли корням дерева. Он ловко перекатился и укрывся под толстым стволом.

Через несколько секунд в поле его зрения появились кривые мохнатые лапы кубурха. Решение пришло мгновенно. Юноша изо всех сил рванул кубурха за ноги и втянул того под ствол. Прежде чем зверочеловек успел издать хотя бы один звук, Кулл жестоким прямым ударом разбил ему кадык. Выдернув из ослабевших пальцев кубурха кинжал, он перерезал Соохову отродью горло.

Отлично, врагов уже осталось трое. К тому же Кулл был теперь вооружен. Он с уважением взвесил в руке отобранный у кубурха секач — это было действительно грозное оружие.

Не тратя больше времени на раздумья, Кулл выкатился из-под дерева, вскочил на ноги и

одним прыжком достиг центра поляны, отрезав кубурхам путь к отступлению.

Не ожидавшие нападения кубурхи на мгновение замерли, но тут же рассыпались в стороны, стремясь окружить человека. Воздух огласился лязгом железных клинков и тяжелым пыhtением. Обладая реакцией дикого зверя, Кулл ловко уклонялся от выпадов кубурхов. И пускай врагов было трое, за счет скорости он пока умудрялся избегать их кинжалов.

Дождавшись, пока один из кубурхов неосторожно приблизится к нему, Кулл высоко подпрыгнул, уцепился левой рукой за проходящую над головой ветку дерева и изо всех сил ударил кубурха пяткой в голову. Раздался хруст, и зверчеловек скорчился, зажимая руками разmozженное лицо.

Отпустив так кстати подвернувшуюся ветку, Кулл, сгруппировавшись, упал на спину и перекатился через голову назад. Он быстро оказался на ногах, причем совсем не там, где его поджидал другой кубурх. Не давая врагу опомниться, юноша обрушил секач на его шею.

Удар атланта был настолько силен, что голова кубурха отлетела далеко в сторону, угодив точно в кучу заготовленных веток. Там она и осталась лежать, пялясь мертвыми глазами на солнце.

Атлант метнулся вправо, вытягивая на себя Зазерга, уклонился от прямого удара сверху и ткнул своим кинжалом прямо в лицо кубурху. Тот отпрянул и на мгновение раскрылся. Этого атланту оказалось достаточно, чтобы провернув в руке клинок, неожиданным резким движением вбок и вниз резануть Зазерга по груди.

Тот взвыл, но, вопреки ожиданиям юноши, кинжала не выпустил. Не обращая внимания на хлещущую из раны кровь, кубурх перекинул свой огромный тесак в левую руку и, в свою очередь, ударил Кулла. Стоявшему в очень неудобной позиции атланту не оставалось ничего другого, как отпрыгнуть назад. Но Зазерг оказался быстрее — или удачливее, — и через бицепс Кулла протянулся глубокий кровоточащий порез.

Рана лишь разъярила юношу, и он обрушил на кубурха настоящий шквал ударов. Теперь уже Зазерг и не помышлял о контратаке. Кубурх отдавал все силы, чтобы отбивать свирепые наскоки человека, сила ударов которого все нарастала и нарастала. Раз за разом взлетал тесак атланта.

Не выдержав очередного удара, Зазерг упал на колени. Инстинктивно он поднял руки, стараясь прикрыть голову от клинка Кулла. Но тщетно! Взмахнув тесаком, словно дровосек, Кулл с такой силой рубанул Зазерга, что тяжелое лезвие развалило кубурха от шеи до паха.

Покончив с Зазергом, Кулл пружинисто отпрыгнул вбок, разворачиваясь в воздухе. Но его предосторожность оказалась излишней: кубурх, которому он раздробил лицевые кости, катался по земле, не в силах подняться на ноги. Когда атлант перерезал ему горло, рука его не дрогнула.

Осмотрев все четыре клинка, Кулл решил оставить себе громадный тесак Зазерга. Успокоив дыхание и пучком травы вытерев лицо от пота и крови, Кулл поспешил обратно. Он решил на-

пасть на кубурхов, пока еще не вернулись отряды Патама, Наксута и Шулума.

К деревне он поспел как раз тогда, когда кубурхи собрались у булькающего над небольшим костром походного котла. Вокруг были свалены плетеные щиты и горка глиняных шариков с шипами. В ожидании отряда Зазерга дети Сооха решили хорошенько подкрепиться перед боем. Уверенные, что люди не осмелятся на вылазку, наглые кубурхи даже не выставили часовых.

Бесчисленные поколения кубурхов настолько привыкли к рабской покорности людей, что в их головах не укладывалась мысль, что еда может оказывать сопротивление.

Не останавливаясь, чтобы передохнуть, Кулл с яростным кличем бросился на кубурхов.

— Вадан! Наари! — проревел он на бегу с такой силой, что с деревьев посыпались сухие листья. — Ко мне! Выводите людей! Бей мерзавцев!

Кто может себе представить изумление и смятение кубурхов пережевывающих первые куски, когда прямо на них из леса выскочило невероятное существо?! Завывая, словно обезумевший саблезубый тигр, покрытый запекшейся кровью и размахивающий огромным окровавленным тесаком Зазерга, Кулл налетел на остолбеневших кубурхов, словно коршун на перепелок.

Расслабившиеся в предвкушении еды твари заметались в панике. Один из кубурхов, сбитый с ног товарищем, рухнул прямо в костер и опрокинул котел. Его свалаявшаяся шерсть мгновенно занялась, а кипящее варево брызнуло во

все стороны. Ошпаренные кубурхи истошно орали, а между ними метался их пылающий собрат.

В центре же разверзшейся на земле преисподней буйствовал Кулл, безжалостно разивший кубурхов. На губах его выступила пена, налившиеся кровью глаза бешено вращались, а тяжелый клинок крушил руки и головы детей Сооха.

Увы, долго это продолжаться не могло. Калтум, чуть ли не единственный из кубурхов, кто сохранил разум, быстро навел порядок в своем обезумевшем от страха войске. Кубурхи живо сообразили, кто их противник, и навалились на Кулла со всех сторон.

Вряд ли Кулл смог бы долго продержаться — слишком уж неравными были силы. Но именно в этот миг за спинами кубурхов раздались ликующие вопли: «Кулл! Кулл!» — и на проклятых тварей обрушился отряд людей, ведомый Бада-ном и Наари.

И хотя люди были вооружены в основном заостренными кольями и чем-то вроде деревянных же вил (лишь некоторые могли похвастаться клинками и копьями кубурхов), ярости их не было предела. Наравне со взрослыми мужчинами бились женщины и дети.

Кулл оказался свидетелем, как двое мальчишек — вряд ли им было больше пятнадцати лет на двоих — подрезали сухожилия здоровенному кубурху, отмахивавшемуся от четырех разъяренных девушек. Буквально в несколько секунд поверженный кубурх был, словно дикобраз, утыкан заостренными деревяшками.

Через некоторое время все было кончено. Жалкие остатки кубурхов, не более пятой части

первоначального числа, в панике бежали к лесу, не обращая внимания на рев Калтума. Наконец, видя, что бой окончательно проигран, Калтум тоже бросился прочь.

Но почувствовавших вкус победы соотечественников Вадана и Наари уже было не остановить. Люди догоняли окончательно упавших духом кубурхов и рвали их на части голыми руками. Достойное сопротивление смог оказать лишь Калтум.

Однако, когда Кулл подоспел к месту схватки, помощь его не понадобилась. Буквально заваленный телами людей, Калтум уже был забит насмерть своей же дубиной.

Ошеломленные люди ходили вокруг, не в силах поверить в свою победу. От их восхищенных взглядов Куллу даже стало неудобно, но тут на него налетела Наари, и юноша забыл обо всем на свете.

Прекрасная золотоволосая туземка, крепко обнимая Кулла, покрывала его лицо поцелуями. Из глаз ее лились слезы, и она только повторяла:

— Ты живой, Кулл! Ты живой...

— Конечно, живой, что со мной станется! — нарочито грубовато ответил атлант, отстраняя от себя девушку. На самом деле юноша испытывал невероятную бурю чувств, какую и описать было невозможно. Сердце его сладко трепетало, а душа наполнилась такими нежностью и радостью, каких он не испытывал доселе не разу в жизни.

«Каким я был глупцом,— подумал он про себя.— Если бы я отказался от любви, то действительно был бы зверем, а не человеком!»

Кулл в этот момент был абсолютно счастлив. Он обнимал женщину, научившую его любить и готовящуюся стать матерью его ребенка. И сейчас за счастье любить и быть любимым он был готов заплатить судьбе любую цену.

Слезы девушки уже высохли. Как настоящая дикарка, она жила лишь настоящим. К чему было печалиться о прошлом, когда ее мужчина цел и невредим и стоит рядом с ней?

— Скажи спасибо Бадану, он не дал мне наделать глупостей.— Все еще прижимаясь к Куллу, она кивнула на подходящего к ним юношу.

Молодые люди крепко обнялись. Держа Бадана за плечи, Кулл оглядел приятеля. За те несколько недель, что они не виделись, с ним произошла разительная перемена. С его лица исчез налет нерешительности и неуверенности в себе, что с самого начала вызывал у прямолинейного Кулла неприятие. Вадан наконец возмужал.

— Ты изменился,— Кулл одобрил произошедшие с Ваданом перемены: — Передо мной стоит настоящий вождь, а не сопливый мальчишка!

— Спасибо тебе и Наари,— ухмыльнулся Вадан.— Это вы меня заставили увидеть мир таким, как он есть!

— Не преувеличивай,— серьезно заметила Наари.— Ты сам сделал свой выбор.

Девушка повернулась к Куллу:

— Поверь мне, он был нелегко. Когда мы привели людей в деревню, старейшины запретили им расходиться по домам, велел дожидаться прихода нового отряда кубурхов. А нас они хотели связать...

— Я понял, что наши старейшины хуже ку-бурхов,— продолжил рассказ девушки Вадан.— Я не знаю, сами они стали такими или, может быть, их отравило черное волшебство Гунума, но они были больше не достойны называться людьми.

На мгновение лицо Вадана превратилось в застывшую маску гнева и печали.

— И тогда я своими руками перебил их всех,— сказал он.

Кулл положил руку на плечо юноши и покачал головой:

— Ваших старейшин нельзя уже было называть людьми. Над Долиной Тигров, словно черное облако, висит проклятие древнего темного божества. И стоит человеку хотя бы один раз поступиться своей совестью — он обречен. Щупальца Сооха мгновенно проникают в его душу и уничтожают ее. И с этого момента человек лишь ходячее вместилище мглистого клочка души Повелителя Росомах.

Вадан благодарно посмотрел на Кулла.

— А потом мы с Наари отправились в деревню изгнанников и привели их обратно. Правда, сначала мне пришлось удерживать Наари, чтобы она не отправилась на поиски тебя!

— Ты знаешь, я чувствовала, что ты жив и вернешься ко мне, хотя никто мне и не верил! — воскликнула Наари.

Кулл нежно взъерошил ее пушистые волосы своей загрубелой ладонью.

— Я вернулся к тебе сейчас и всегда буду возвращаться вновь. Ничто в мире не удержит меняно что было дальше? — Он подмигнул Вадану.

— У нас оставалась всего седмица до очередного появления кубурхов. Изгнанники и мы работали сутки напролет. Люди падали замертво от изнеможения, но все-таки к приходу кубурхов нам удалось огородить деревню надежным частоколом. А чтобы они поняли, что власть в деревне теперь в других руках, мы приготовили им наглядное подтверждение этому.— Вадан угрюмо кивнул в сторону частокола.

Кулл присмотрелся и только сейчас понял, что не все головы на кольях принадлежали кубурхам.

— Хорошая мысль,— одобрительно кивнул атлант.— Слугам Сооха там самое подходящее место!

— Мы хорошенько потрепали этот отряд, напав на него из засады, а потом отошли под защиту частокола,— рассказывала дальше Наари.— Нам удалось отбить их первый штурм, но если бы не твое чудесное появление, мы все были бы обречены!

— Расскажи нам, что же произошло с тобой, где ты пропадал все это время? Откуда ты так вовремя подоспел к нам на помощь? — Наари и Вадан засыпали Кулла вопросами.

Атлант буквально в нескольких словах описал свое прибытие в деревню и свои действия с того момента, а потом сказал:

— Собирай людей, Вадан.— И хлопнул друга по спине.— Нас ждет славная битва!

. . .

Все племя Вадана, затаив дыхание, внимало рассказу Кулла о его пребывании в плену у Гунума и чудесном спасении тигриным народом. То, что Кулл может еще и говорить с полосатыми хозяевами джунглей, лишний раз укрепило у невежественных туземцев мысль о том, что Кулл послан им самим Валкой. Эти люди так и не смогли поверить, что атлант — такой же человек, как и они.

— Тиграм нужны наши руки,— сказал в заключение юноша.— Если мы им поможем, у тигров появится шанс выжить. И, соответственно, у вас тоже. Конечно, мы можем уйти прямо сейчас — я выведу вас отсюда, но тогда рано или поздно кубурхи вырвутся из этой долины во внешний мир. Если Соох восстановит свои силы, а это произойдет непременно, наш мир превратится в одну гигантскую Долину Тигров. Вашу участь разделят тысячи и тысячи...

Лишь наследники Ааргха противостоят сейчас древнему Злу. Так получилось, что сейчас именно вы — последнее препятствие на пути темных сил. Многие поколения лучших сынов вашего племени питали плоть и душу Сооха — ив прямом, и в переносном смысле.— Кулл говорил очень жестко.— Пришло время расплаты, и теперь вам предстоит пойти в свой последний бой.

— Что же, с такими союзниками у нас действительно есть шансы,— кивнул Вадан.

— Омоем наши копья в крови мохнатых ублюдков! — грозно потряс копьем один из воинов.

— Смерть проклятым кубурхам!!! — Новые и новые голоса сливались в один разъяренный хор.

— Победа или смерть — у нас нет другого выбора,— просто сказала Наари.

— Выбора нет ни у кого,— пожал плечами Кулл.— Я уверен, Соох прекрасно понимает, что сейчас происходит. Ваше племя теперь обречено, .1 тигриный народ переживет вас ненадолго.

— Когда не вернется перебитый нами отряд кубурхов,— поддержала юношу Наари,— Гунум выступит большими силами, чтобы уничтожить людей, отвергших волю Сооха. Не обманывай себя, Вадан,— то, что нам удалось перебить несколько десятков кубурхов, ничего не значит. Мы ничего не сможем поделать, когда за нас возьмутся их основные силы...

— Гунуму даже не придется посылать сюда своих воинов,— заметил Кулл.— За них все делают гигантские росомахи...

На мгновение он замолчал, а потом продолжил:

— Нужно бросать деревню. Старики и дети отправятся к Тигриной Лапе, под защиту полосатого племени. Здесь тигры вам помочь не смогут. А мужчины и женщины разделятся на два отряда. Один отряд отправится со мной в горы, а другой — на помощь тиграм...

Не хотевшие расходиться возбужденные люди засыпали Кулла бесчисленными вопросами. Постоянное отчаяние в их глазах теперь смени-

лось надеждой. Изгнанники, годами прятавшиеся ото всех, с готовностью ухватились даже за самый маленький шанс изменить свою жизнь. Впервые в их беспросветной жизни забрезжила надежда на то, что хотя бы их детям суждена участь лучшая, нежели им самим. И за свободу своих детей они готовы были грызть кубурхов зубами.

. . .

— Кулл, ты возьмешь меня с собой, когда мы победим кубурхов? — спросила его Наари, когда вечером они лежали обнявшись у костра.

— Я возьму вас всех.— Кулл посмотрел ей прямо в глаза.— Так вышло, эта долина не предназначена для людей. И я пообещал вождю тигриного народа Идущему-по-Краю Обрыва, что уведу отсюда ваше племя.

— Это хорошо,— довольно ответила Наари.— Я чувствую, что здесь плохое место... А еще мне хочется увидеть мир, и я хочу, чтобы наш сын пошел по твоим стопам и стал большим вождем!

— Спи, радость моя,— тихонько рассмеялся Кулл.— Только с чего это ты решила, что я большой вождь? На самом деле я одинокий скиталец без роду без племени. Я даже не знаю, кем были мои родители...

— Ты будешь великим вождем,— сонно пробормотала девушка.— Во сне я видела неисчислимое войско, целиком закованное в железо. От топота их ног содрогалась земля, а впереди на огромном рогатом животном ехал ты. На тебе был алый плащ, а на голове красовалось стран-

ное украшение из желтого железа с огромными, искрящимися на солнце камнями. И раз за разом к небесам взлетал слитный клич тысяч и тысяч глоток: «Славься король Кулл!..»

Девушка сладко засопела, а юноша невидящими глазами смотрел в костер. «Славься король Кулл» — именно эти слова звучали и в его снах. Какие чудеса должны с ним произойти, чтобы он — дикарь, носивший лишь набедренную повязку из шкуры леопарда, — стал повелителем огромной империи?

Но почему-то Кулл был уверен, что это вполне ему по силам. Кроме того, ему нравилось, как звучат эти слова: «король Кулл»! С этой мыслью он и уснул.

. . .

Сборы были недолгими. Никакого имущества у людей Долины Тигров не было. Да и какое имущество может быть у народа, обреченного даже не на рабство, а на заклятие для удовлетворения беспредельных аппетита и злобы кубурхов?

Мужчины взяли запасы мяса, овощей и выделанные шкуры, женщины — нехитрый домашний скarb. Вадан наотрез отказался брать металлический котел кубурхов.

— Ни один из нас не осквернит себя хотя бы прикосновением к этому котлу, в котором варилась плоть наших несчастных братьев! — Вадан был непреклонен.

Впрочем, Кулл не совсем разделял мнение друга по этому поводу. Вечером, когда племя Вадана и Наари готовилось ко сну, он прокрал-

ся к котлу и тщательно смазал его внутренние стенки смесью сока судорожника — невероятно ядовитого дерева, вокруг которого даже не росли поганки, не говоря уже о траве, — и выдержанного в тухлой рыбе содержимого ядоносных мешочков скорпиона. Однако это создание, от укуса которого в считанные мгновения умирали даже слоны, встречалось невероятно редко. Куллу, хвала Валке, все же удалось выследить одного-единственного скорпиона и приготовить самый страшный яд, секрет которого он узнал от старого Бар-Нума, знахаря племени Приморских гор.

— Я думаю, эти негодяи не станут пренебрегать своим собственным имуществом, — бросил он заставшей его за этим занятием Наари. — Возьми этот яд и смажь им стрелы. — Он протянул Наари тщательно замотанный в плотные кожистые листья сосуд из колена бамбука. — Только будь с ним чрезвычайно осторожна!

Надо заметить, что, как это ни странно, ни людям Долины Тигров, ни кубурхам не пришлось в голову смастерить луки. И хотя и Бадан и Наари видели действие этого грозного оружия в руках Кулла, изготовить ничего похожего им не удалось. Поэтому Куллу пришлось потратить два дня на то, чтобы научить Бадана и его воинов изготавливать мало-мальски приличные луки.

От рассвета до заката в воздухе стоял свист камышин, используемых лучниками вместо стрел. Наконец, когда Кулл счел, что жители Долины Тигров достигли своего предела, он велел заканчивать стрельбы.

— Главное, бейте кучнее,— говорил он горестрелкам.— Какая-нибудь из стрел да отыщет дорожку к цели!

А если стрелы смазать ядом, то малейшей царапины будет достаточно, чтобы жертва издохла в страшных муках. Жаль только, что яда вышло так мало...

Кулл распределил копья, доставшиеся им в битве с кубурхами, среди воинов-мужчин, которым предстояло вместе с тиграми Идущего-по-Краю Обрыва очищать джунгли от кубурхов и росомах. Тем же, кто отправлялся с Куллом в горы, достались тяжелые секачи.

. . .

Идущий-по-Краю Обрыва дожидался возвращения Кулла у границ проклятых Соохом земель. К этому времени к нему присоединились еще несколько саблезубых тигров, методично очищавших джунгли от соглядатаев Сооха.

Если поначалу люди и испытывали перед огромными хищниками страх, он ни в какое сравнение не шел с ненавистью обеих рас к кубурхам. Хотя новые союзники не могли разговаривать друг с другом, понимание природы зла дьявольского племени быстро сплотило поданных Идущего-по-Краю Обрыва и Вадана.

— Как мы и решили, твои тигры и твои люди должны очистить джунгли от кубурхов.— Кулл в последний раз обсуждал детали своего плана с вождями тигриного и человеческого племен.— Когда твари укроются за каменной стеной го-

рода Сооха, они должны проследить, чтобы не один кубурх не смог оттуда выбраться.

— А что будем делать мы? — поинтересовался Вадан, который еще не был посвящен в планы Кулла.— Что ты задумал на этот раз?

— Наш отряд отправляется в горы кубурхов,— ответил атлант другу.— Там твои воины должны поднять Идущего-по-Краю Обрыва на скалы. Именно в сердце гор у одного безымянного озера решится судьба Долины Тигров. Зачем штурмовать каменную крепость, когда эту гадючью нору можно просто затопить?

. . .

Кулл и Вадан, вцепившись в густой мех Идущего-по-Краю Обрыва, неслись сквозь джунгли. Они умчались вперед, предоставив своему отряду добираться до гор кубурхов своим ходом. Кулл решил не терять времени и отправиться на разведку. Юный атлант надеялся, что ко времени прибытия воинов Вадана им удастся подыскать наиболее подходящее для восхождения по отвесной скале место.

Когда до гор кубурхов, в недрах которых некогда воздвиг свой оплот Соох, оставалось всего ничего, Идущий-по-Краю Обрыва угодил в ловушку.

Тигр, взлетая над кустами, мчался вперед, когда впереди показалась широкая, ровная, поросшая мягкой травой полянка. Не снижая скорости, белый зверь устремился туда и, прежде чем Кулл или Вадан успели закричать, оказался в самой ее середине.

Внезапно земля под его лапами просела, раздался хруст тонких прутьев, прикрывающих яму, и Идущий-по-Краю Обрыва провалился вниз. Однако он невероятным образом успел извернуться и ухватился передними лапами за край западни.

Кулл, моментально сообразивший, что произошло, прыгнул в сторону и, перекувырнувшись в воздухе, откатился подальше от предательской ямы. Он вскочил на ноги и осмотрелся, оценивая обстановку.

Все оказалось не так страшно, как могло бы быть. Вадан тоже избежал падения в яму, а Идущий-по-Краю Обрыва пока держался, вонзив свои огромные когти в дерн.

Кулл обошел западную кубурхов кругом и заглянул в яму. Ее дно украшали пара дюжин остро заточенных длинных кольев, намазанных какой-то бурой гадостью. Да, если Идущий-по-Краю Обрыва не удержится и упадет вниз, его ждет неизбежная смерть.

— Не знаю, сколько смогу так продержаться,— тихонько рыкнул Идущий-по-Краю Обрыва.— Я не могу оттолкнуться задними лапами, потому что стенки ямы моментально осыпятся и я рухну вниз.

Юноша объяснил Вадану сложившуюся ситуацию.

— Сможет ли он продержаться, пока подоспеют наши? — спросил тот у Кулла.— Все вместе мы сможем перетащить его через край ямы.

— Вряд ли,— покачал головой Кулл.— Он чересчур тяжелый. Я думаю, больше часа он не провисит...

— Значит, нам как-то придется вытягивать его самим,— заключил Вадан.— Может быть, нам как-то удастся укрепить стены?

— У меня есть идея получше,— покачал головой Кулл.— Сделаем вот что...

Вадан и Кулл, махая секачами кубурхов как одержимые, принялись рубить молодые стройные сосны длиной в полторы дюжины локтей. Сменяя друг друга, ни на секунду не сбавляя бешеного темпа, они кромсали непокорную древесину. На руках вздувались кровавые мозоли, пот градом катил по их обнаженным спинам, но ценой героических усилий спустя некоторое время в их распоряжении оказалось пять длинных заостренных древесных стволов.

Первая часть замысла Кулла была удачно реализована. Увы, дальше возникли трудности: поблизости не оказалось ни одного более или менее крупного камня. А времени выискивать подходящий валун уже не было.

От страшного нервного напряжения на лбу Кулла вздулись вены, но тут удачная идея пришла в голову ВадаНу, углядевшему расколотую молнией магнолию.

Еще несколько мгновений напряженной работы тесаками, которые приходилось тут же затачивать, благо поблизости оказалась скала из какого-то твердого и шероховатого камня, дали им здоровенный обрубок дерева, от которого почти под прямым углом отходил длинный и толстый сук. Кое-как придав ему форму кувалды, друзья подхватили заготовленные колья.

Встав на противоположной от Идущего-по-Края Обрыва стороне западни кубурхов, они уперли сосновые стволы в стену ямы прямо под

задними лапами гигантского тигра и принялись забивать их в землю.

Увидев, что силы Бадана практически на исходе, Кулл отобрал у него самодельный молот и обрушил град ударов на заготовленные подпорки. Не давая себе ни секунды передышки, он вгонял колья в рыхлую почву. Комья земли сыпались вниз, но Кулл все глубже забивал бревна, надеясь, что Идущий-по-Краю Обрыва не рухнет вниз.

Вдруг один из стволов наткнулся на камень и, не выдержав очередного удара атланта, с треском раскололся, упав на дно ямы. Не обращая на это внимания, Кулл продолжал работать дальше.

Тем временем силы вожака тигриного народа были уже на исходе, кровь выступила из-под когтей, но он молча ожидал команды Кулла, понимая, что его друг и так делает больше, чем позволяют человеческие силы. Вдруг трава под его когтями подалась, и он начал неумолимо съезжать вниз.

И в этот момент Кулл закричал:

— Давай!!!

Вместе с Ваданом они навалились на сосновые стволы, казавшиеся такими тонкими по сравнению с могучим зверем. Кулл вознес молитвы Валке, заклиная хрупкую древесину выдержать огромный вес гигантской кошки.

Почувствовав опору под задними лапами, Идущий-по-Краю Обрыва оттолкнулся от вбитых в землю бревен. Собрав в едином движении всю первобытную мощь своих мышц, белый тигр взмыл в воздух и перелетел через край западни.

Не выдержав чудовищного напора, сосновые стволы жалобно хрустнули. Груда деревянных щепок, весело отскакивая от грозных кольев, так и не дождавшихся своей жертвы, осыпалась на дно ловушки.

В очередной раз Кулл обманул смерть, оставив костлявую без добычи. На этот раз он вырвал главу тигриного племени прямо из ее оскаленной пасти. «Когда-нибудь старая карга соберется и предъявит мне счет,— подумал юноша.— Интересно, можно ли убить смерть?»

Некоторое время все трое — двое людей и зверь — лежали на нагретой солнцем траве, не в состоянии пошевелиться.

— Должно быть, тебя послал в нашу долину сам владыка Ааргх,— наконец хрипло выдохнул тигр; — голова Идущего-по-Краю Обрыва покоилась на окровавленных лапах, язык свесился из разинутой пасти, бока судорожно сжимались.— Сперва ты спас моего сына, сейчас своей жизнью обязан тебе я.

— Так вышло,— пожал плечами Кулл.— Могло быть и наоборот.

— Не скажи, Кулл,— возразил ему Вадан.— Ты всегда умудряешься появиться вовремя... Идущий-по-Краю Обрыва совершенно прав, не иначе как твой путь направляют боги!

— Делать им больше нечего,— осклабился Кулл.— У меня своя голова на плечах!

Он никогда не задумывался о странных путях,, какими ведет его судьба. Да ему было все равно — он жил так, как жил, и по-другому не умел и не хотел.

— Когда я вижу врага, я его убиваю, когда я вижу друга — я ему помогаю. Что может быть проще?

Отдохнув и восстановив силы, путники отправились дальше. Теперь Идущий-по-Краю Обрыва был крайне осторожен и избегал обманчиво ровных полянок, предпочитая им обходные пути. Они еще два раза натыкались на ловушки кубурхов.

Друзья внимательно осмотрели каждую из ловчих ям.

— А ведь они совершенно свежие,— сказал Вадан Куллу.— Похоже, кубурхи потратили немало сил, чтобы выкопать такое количество ловушек!

— Я же говорил, Гунуму известно, что мы собираемся напасть на кубурхов. Впрочем, он уверен, что просто укроется от тигров за неприступной каменной стеной, как уже не раз делал в прошлом.

— Я надеюсь, Кулл, что наш план сработает,— оскалился Идущий-по-Краю Обрыва.— И Сооховы отродья захлебнутся в своих норах!

— Можешь поверить, я приложу для этого все силы! — потрепал тигра за ухо юноша.

Без каких бы то ни было происшествий они добрались до гор. Кулл быстро нашел то место, где спустился с края скального обрыва. К его удивлению, травяная веревка сохранилась до сих пор, хотя совершенно сгнила и расползлась от первого же прикосновения.

Друзья потратили целый день на то, чтобы внимательно осмотреть каждую пядь каменного склона. Наконец Кулл определил то место, где можно было попытаться подняться. Локтях в

пятнадцати над землей гладкую поверхность камня разрезала глубокая трещина. Юноша был уверен, что сможет по ней залезть, упираясь спиной и ногами.

Тем временем Вадан развел костер, а Идущий-по-Краю Обрыва растворился в ночных джунглях. Охота его была удачной, и часом позже он притащил своим спутникам крупную антилопу.

К следующему полудню к ним присоединились и остальные люди Вадана. Под руководством Кулла закипела работа. Идущий-по-Краю Обрыва валил выбранные атлантом деревья, а соплеменники Вадана обрубали сучья и подтаскивали стволы к скале. Другие же заготавливали веревки, сплетая отбитые о камни лианы. К вечеру следующего дня все было готово.

Ловко вскарабкавшись по длинному шесту, Кулл дотянулся до трещины и начал восхождение. Спустя некоторое время он перелез через край обрыва и сбросил вниз прихваченные собой веревки. Люди Вадана последовали за атлантом, причем многие из них не воспользовались веревками, а повторили путь Кулла. Несколько труднее было втащить наверх бревна, но и с этой задачей справились без особых проблем.

Кулл не давал отдыха никому — ни себе, ни людям Вадана. Времени у них было в обрез: ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Гунум пронюхал об их продвижении. Поэтому работа по сооружению подъемника шла даже ночью, при свете костров.

Конструкцию такого подъемника Кулл позаимствовал у лемурийских пиратов. Во время одного из налетов на береговую базу лемурийцев он увидел подобное устройство, предназначенное для вытягивания кораблей на берег. На мощной треноге крепилась массивная балка со сложной системой пазов, рычагов и стопоров, через которые были пропущены несколько веревок. Он сам видел, как всего дюжина здоровых мужчин вытащила на песчаный берег тяжеленную лемурийскую галеру.

Наконец работа была завершена. Кулл лично проверил все веревки и деревянную площадку, на которой должны были поднять Идущего-по-Краю Обрыва. Убедившись, что гигантский тигр надежно устроен, атлант махнул рукой, подавая людям Вадана знак браться за рычаги.

Под слаженное уханье, скрип дерева и шелест трущейся о балку веревки деревянная клеть медленно оторвалась от земли и пошла вверх. Подъем завершился без всяких происшествий, и уже через мгновение Идущий-по-Краю Обрыва оказался на скале.

Оставив воинов сторожить подъемник и вить новые веревки — Кулл не хотел рисковать, используя старые,— Кулл и Вадан устроились на спине тигра и пустились в путь.

Солнце уже миновало зенит, когда они вышли к горному озеру. Именно здесь и брала начало речушка, которая текла через селение кулбурхов. Когда друзья вскарабкались по крутому горному склону и оказались на вершине горы, заметно уступавшей высотой соседкам, их глазам открылся потрясающий вид.

Подножия уходящих в небеса, покрытых снегами гор образовывали огромную чашу, пить из которой пристало самому Валке. И чаша эта была наполнена синей-пресиней водой, мерцающая гладь которой казалась бесконечной. То здесь, то там на мшистых скалистых склонах высились вековые сосны, казавшиеся такими же несокрушимыми, как и горы, давшие им приют. Но суровая и строгая красота этих мест оставила Кулла равнодушным. Здесь он оказался в поисках смерти.

Спутники вышли к озеру со стороны, противоположной той, откуда вытекала речка, и им потребовалось немало времени, чтобы дойти до ее истоков. В этом месте сходились склоны двух исполинских гор, между которыми и проложила себе путь вода, бешено бьющаяся в каменные стены теснины.

Напор вод был настолько силен, что они с легкостью ворочали здоровенные каменные глыбы.

— И как ты собираешься расчистить воде путь? — стараясь перекрычать грохот стремнины, проорал Вадан прямо в ухо Куллу.

— Да никак,— пожал плечами атлант.— Наоборот, думаю, нужно завалить русло камнями. Если мы сможем запрудить реку, уровень воды в озере через какое-то время поднимется.

— Точно,— уважительно кивнул Вадан.— Я представляю себе, какая масса воды обрушится вниз, когда она размочет завал...

Вадан замолчал, всматриваясь в стоящую над камнями радугу.

— Но сколько нам потребуется времени, чтобы соорудить запруду?

— Не знаю,— ответил ему Кулл.— Быть может, с помощью Идущего-по-Краю Обрыва мы управимся за несколько седмиц...

— Крепкий-как-Горы...— обратился к атланту вождь тигриного народа.

Кулл удивленно обернулся к тигру. Идущий-по-Краю Обрыва не часто использовал это имя в разговоре с ним.

— Нам не потребуется ждать так долго. Я решил обратиться за помощью к владыке Ааргху.— Глаза белого тигра полыхнули огнем решимости.

— Ты уверен, что он отзовется? — спросил у пего юноша.

— Уверен,— оскалился тигр.

— Но почему тогда тебе не попросить Ааргха просто-напросто уничтожить селение кубурхов или племя Гунума? — удивился Кулл.

— Я же говорил тебе, что его могущество не настолько велико. Едва Соох почувствует, что Ааргх пытается обратиться к великим силам, чтобы причинить ему вред, он сумеет остановить его. Но мы обманем Губителя.— От зловещего рычания Идущего-по-Краю Обрыва мороз прошел по коже людей.— Сейчас действия Ааргха не будут прямо угрожать Сооху, и тот ничего не почувствует, пока не станет слишком поздно! А теперь идите,— велел Куллу Идущий-по-Краю Обрыва.— Я должен остаться один! Быстро!

Кулл коротко пересказал Бадану суть их беседы, и друзья бросились прочь от реки.

Пробежав дюжину сотен локтей, они остановились и обернулись. Кулл отметил, что на таком расстоянии тигр казался совсем малень-

ким. И вдруг с царем тигриного народа начали происходить удивительные перемены. Его белоснежная шкура стала наливаясь огненным блеском, и через несколько мгновений Идущий-по-Краю Обрыва оказался охваченным неестественно прозрачным мерцающим пламенем. Сквозь него просвечивали скалы, а с лап и хвоста срывались огромные пульсирующие искры.

На миг Куллу показалось, что призрачный силуэт Идущего-по-Краю Обрыва внезапно расплылся и вырос во весь горизонт. Каким-то шестым чувством атлант ощутил присутствие древнего Бога-Зверя. Это невероятное существо, некогда по своей прихоти создавшее Долину Тигров, вновь пришло в мир, из которого было изгнано Соохом.

Мгновенное головокружение — и мир перед глазами юноши заслонили два странных бездонных ока. Прямо в серо-стальные глаза атланта глядели желто-зеленые бесконечно мудрые и бесконечно печальные глаза мертвого бога.

Кулл тотчас растворился в странных образах и мыслях, совершенно чуждых человеческому разуму. Но в них не чувствовалось ни малейшей тени присутствия того абсолютного Зла, которое источала сущность Сооха.

Одного-единственного, невероятно короткого мгновения хватило Ааргху, чтобы полностью постичь душу Кулла. И хотя интерес Бога-Зверя был в общем-то благожелательным, атлант не хотел бы пережить подобное ощущение еще раз.

Но не только прикосновение божественной мудрости почувствовал атлант... На него обру-

шилась страшная, невероятная, поистине все-ленская боль. Кто может сказать, каково для бога быть мертвым? Кто может описать ту глубину тоски, боли и страданий, которые испытывал владыка Ааргх, изгнанный в небытие, лежащее за границами разума? И кто может описать ненависть павшего бога к своему губителю?

Человек был просто не в состоянии вынести ту страшную бурю чувств, охвативших разум Ааргха. Кровь хлынула из носа и ушей Кулла, и он потерял сознание.

Атлант пришел в себя от воды, которую лил на его голову перепуганный Вадан.

— Ты вдруг замер, а затем перестал дышать и рухнул как подкошенный! — объяснил он другу. — Что с тобой случилось?

— Все нормально, — буркнул Кулл.

Мотая головой, атлант поднялся на ноги. Он подошел к озеру и с наслаждением окунулся в ледяную воду, смывая с себя наваждение. Словно тысячи иголок вонзились в его кожу, изгоняя из тела боль, усталость и сами воспоминания о произошедшем. На берег он выскочил уже совершенно другим человеком.

— Что собирается делать Идущий-по-Краю Обрыва? — спросил у него Вадан.

— Не знаю, — ответил Кулл. — Он взывает к своему богу, но что из этого выйдет...

Не успел юноша договорить, как земля содрогнулась и глухой рокот наполнил воздух. Вроде бы на небе не было ни единого облачка, но внезапно мир вокруг них потемнел и поблек. Резкие порывы ветра срывали пену с гребней мгновенно поднявшихся высоченных волн.

Подземные толчки и рев усиливались, каменные склоны пошли трещинами, а от горных вершин начали отваливаться целые утесы.

Между тем Кулла и Вадана нагнал Идущий-по-Краю Обрыва.

— Залезайте быстрее! — рыкнул он, обращаясь к людям. И хотя Вадан не понимал языка гигантских кошек Ааргха, он ни мгновения не раздумывал, что делать. Едва друзья вскарабкались на могучую спину Идущего-по-Краю Обрыва и вцепились в густую мохнатую шкуру, белый тигр что есть мочи рванул к спасительному выходу из горной долины.

Кулл обернулся, вглядываясь в корчившиеся в судорогах горы. Вдруг ему показалось, что это топчутся, переминаясь с ноги на ногу и отряхивая шкуру, какие-то огромные неповоротливые животные, разбуженные после длившегося целую вечность сна.

Со всех сторон в озеро рушились гигантские скалы, дробясь на бесчисленные каменные осколки, каждый из которых превосходил лемурийскую сорокавесельную галеру. Вода пенилась и бурлила, гигантские волны били в горные склоны, ломая, как тростинки, необхватные деревья.

И вдруг подземный толчок невероятный силы, подбросил их высоко в воздух. Ни одно живое существо не смогло бы устоять на ногах от такого удара, но могучий тигр все же умудрился сохранить равновесие и приземлился на все четыре лапы.

Кулл не сводил взгляда с трясущихся гор. Нет, этого просто не могло быть! На его глазах происходило невероятное: горы, между кото-

рыми тысячелетиями пробивала себе путь река, двигались! С оглушительным грохотом, от которого юноша на какое-то время совершенно оглох, земля разверзлась, и воды озера, вспенившись, обрушились в зияющий каменный провал.

Идущий-по-Краю Обрыва, перепрыгивая с камня на камень, стрелой мчался прочь от озера.

— Нам нужно спешить, Соох уже знает, что здесь случилось,— оскалился белый тигр,— но даже он теперь не в силах изменить ход событий!

. . .

Возвращение Идущего-по-Краю Обрыва, Кулла и Вадана было встречено ликующими криками. Напуганные землетрясением люди испытали невероятные облегчение и радость, увидев своего вождя, царя тигров и Кулла живыми и невредимыми.. Когда же Кулл рассказал, что им удалось обрушить на головы ненавистных кубурхов целое горное озеро, радости воинов не было предела.

Кулл не переставал удивляться разительной перемене, произошедшей с этими людьми. Разве в подданных Вадана можно было узнать поноурных существ с мертвыми глазами, мечтавших лишь о скорейшей смерти? Нет, нет и еще раз нет! Сейчас Кулл видел перед собой мужественных самоотверженных воинов, рвущихся в бой, на помощь своим друзьям и близким.

Впрочем, он их прекрасно понимал. В предвкушении горячей кровавой битвы его сердце

— сердце воина — сладко трепетало, а глаза горели нетерпением.

Спуск прошел гладко и быстро. Оказавшись внизу, Кулл обратился к собравшимся вокруг него людям.

— Пришло время битвы,— так напутствовал он воинов Вадана.— Пусть ваши копья и ножи досыта напьются крови ненавистных кубурхов! Сегодня великий день — день расплаты! Пускай души ваших друзей и близких, замученных проклятыми тварями, обретут покой, добившись отмщения!

— Веди нас, Кулл!!! — взревели воодушевленные воины.— Смерть кубурхам!

— Выбросить все: снаряжение, еду и прочие припасы.— Кулл, обладавший отменным чутьем, понимал, что сейчас на счету каждое мгновение.— Оставьте себе только оружие... Вперед!!!

Не мешкая они с Ваданом вскарабкались на спину Идущего-по-Краю Обрыва и помчались вперед. Остальные воины кинулись вдогонку.

Тигр летел как ураган. Кусты и деревья слились в одну зеленую полосу, ветер бил в лицо. Кулл и Вадан молчали, до боли в руках сжимая оплетенные кожей рукояти кубурхских секачей. Мыслями мужчины уже были там — на равнине, в гуще кровавой сечи.

Дикое верещание кубурхов, злобный визг росамах, рычание тигров, человеческие крики и рев воды они слышали еще задолго до того, как достигли границы джунглей. Наконец Идущий-по-Краю Обрыва проломил мощной грудью кусты и вырвался на равнину предгорий.

За те несколько мгновений, которые потребовались тигру, чтобы достичь поля боя, Кулл успел оглядеться. Поросшая высокими травами саванна сейчас превратилась в гигантское болото. Вокруг, насколько хватал глаз, разлилась вода, доходившая человеку до колена.

Река с ревом пенилась, переливаясь через жалкие остатки каменной стены, некогда укрывавшей народ Сооха от гнева детей Ааргха. Неподъемные глыбы были разбросаны по всей долине. Кулл содрогнулся, представив, что здесь творилось, когда неумолимая стихия, сметая все на своем пути, обрушилась на селение кубурхов.

Над пещерной цитаделью Сооха, расположенной в вечном мраке подземелий, сейчас бурлил гигантский водоворот. То и дело мутные воды взрывались гигантскими пузырями, когда вода врывалась в очередную нору кубурхов, и тогда на равнину обрушивались волны нестерпимой вони. Повсюду плавали трупы мохнатых существ, но сотни и сотни этих созданий были еще живы. А к ним на помощь, вызванные Соохом на последний бой, со всех концов Долины Тигров стекались росوماхи.

К этому времени все стрелы уже были выпущены, и люди сошлись с кубурхами в ближнем бою. Но, по правде говоря, основными противниками детей Сооха были тигры. Могучие кошки своими страшными когтями и зубами рвали кубурхов и росوماх на части, ударами мощных лап превращали их тела в бесформенные куски мяса.

Но и тигры несли потери. Стоило облепленной десятками завывающих злобных дьяволов

гигантской кошке упасть, подняться она уже не могла. А своры росомах набрасывались на тигров со всех сторон, норовя добраться до мягкого незащищенного брюха. И тут на помощь детям Ааргха приходили люди. Их каменные топоры и трофейные копья с железными наколочниками прорубали страшную просеку в живом потоке, откидывая росомах от тигров.

Бой шел страшный и беспощадный. Слишком непримиримые враги сошлись в этой решающей битве, ценой победы в которой была жизнь целых племен.

Кулл соскочил со спины Идущего-по-Краю Обрыва и, издав боевой клич, которому его научил тигр, очертя голову ринулся в гущу сражения. Мимоходом смахнув голову кубурху, из готовившемуся метнуть тяжелое копье в незащищен^ный бок какого-то молодого тигра, сцепившегося с двумя росомахами, атлант помчался дальше.

Словно смерч-демон пронесся Кулл по равнине, оставляя за собой изуродованные трупы. Атлант наносил удары с такой точностью и силой, что второй раз бить уже не требовалось. И там, где появлялся Кулл, кубурхи в ужасе бросались прочь. Казалось, этого человека не брали ни копья и лезвия кубурхов, ни клыки и зубы росомах.

— Кулл с нами! — разнесся над полем брани звонкий ликующий крик Наари.

— Кулл!!! Кулл!!! Кулл!!! — подхватило множество голосов, и словно эхо им вторило грозное рычание тигров.

Обрадованный, что с Наари все в порядке, Кулл продолжал сражаться с новыми силами.

Солнце клонилось к закату, но битва не стихала. Было ясно, что все участвующие в нем существа скорее умрут, чем прекратят сражаться. Кулл совершенно потерял счет времени. Когда его правая рука онемела, налившись неподъемной тяжестью, он перекинул тесак в левую. Кровь хлестала из множества ран и укусов, но юноша совершенно не обращал на это внимания.

Он метался по всей долине, стараясь поспеть всюду, но — увы! — врагов было слишком много. Вокруг гибли его соратники, помочь которым он был не в состоянии.

Прямо на груди разорванных им в клочья десятков росомах повалился огромный тигр с седой мордой — из его левого бока торчали три массивных древка. Издав ликующий визг, огромная белая росомаха вцепилась ему в горло. Тело гигантской кошки несколько раз конвульсивно изогнулось, страшные клыки лязгнули в последний раз, отхватив руку зазевавшемуся кубурху, и зверь затих навсегда.

Вот буквально в дюжине локтей от Кулла пал стройный мускулистый парень — широкое лезвие кубурхского копья, разворотив живот, вошло у него из спины. Серый кубурх торжествующе зарычал и, наклонившись, впился кривыми клыками в горло умирающего юноши.

Взревев от ярости, Кулл одним стремительным ударом раскрыл череп огромной росомaxe. От кубурха его отделяли сошедшиеся в смертельном поединке люди и звери, но Кулл умудрился нащупать в жиже под ногами камень. Он поднял кусок кварца размером со свой кулак и метнул его точно в цель. Заост-

ренный обломок глубоко вонзился кубурху в левый глаз. Схватившись за изуродованное лицо, мохнатая тварь заметалась и, попав под удар лапы тигра, рухнула в грязь с развороченной грудной клеткой.

Но Кулл этого уже не видел. Мгновенно оценив обстановку, юноша пришел на помощь раненной в ногу девушке. Чем-то напоминавшая его Наари, меднокожая красавица из последних сил отмахивалась каменным топором от наседавшего на нее кубурха. Поднырнув под руку зверочеловека, в которой тот сжимал кривой тесак, Кулл страшным ударом вспорол ему живот. Не задержавшись, чтобы сказать спасибо своему спасителю, девушка, припадая на покалеченную ногу, бросилась на нового противника.

Кулл пытался пробиться к Гунуму, яростный рев которого разносился далеко окрест, но в пылу сражения никак не мог найти огромного кубурха. Наконец, покончив с очередным противником, Кулл оказался у небольшой каменной насыпи, на пару-тройку локтей поднимавшейся над грязью.

Запрыгнув на камни, атлант огляделся. Вода уже схлынула, и равнина представляла собой одну колоссальную лужу, заваленную камнями, обломками деревьев и бесчисленными мертвыми телами, подавляющее большинство которых принадлежало кубурхам.

Внимание Кулла привлекло валявшееся неподалеку, покрытое грязью, уродливое тело. Сперва ему показалось, что это невероятно изуродованная росомаха. Юноша ногой пере-

вернул мертвую тварь и в ужасе отшатнулся. Это была вовсе не крадущаяся-в-ночи!

Воды, ворвавшиеся в пещерный город кубурхов, вынесли на свет то, что веками было сокрыто от взора небес — тело самки кубурхов. В лице ее было нечто настолько омерзительное, что Кулла чуть не вырвало. Даже смерть не смогла смягчить чудовищную порочность и нечеловеческую жестокость богохульного творения Сооха.

— Хвала Валке, что мы затопили эти пещеры! — воскликнул он. — Мир должен быть избавлен от подобной нечисти!

В этот момент молодой атлант услышал уже знакомый ему боевой клич Гунума и обернулся. Буквально на расстоянии двух бросков копья он наконец увидел своего врага.

Огромный косматый кубурх яростно размахивал здоровенным топором, сея смерть вокруг. С ужасом Кулл разглядел громоздившуюся вокруг Гунума груды человеческих тел.

Между тем вокруг своего вождя собирались остатки племени и лесные хищницы. Армия росмах, окружившая покрытого с головы до ног кровью Гунума, не подпускала к нему тигров, а за ними встали кубурхи, ошетилившись стеной копий.

Кулл раскусил замысел Гунума. Тот хотел прорваться к джунглям и уйти в запретные для тигров земли людей. Несмотря на блестяще реализованный план Кулла, звероловней оставалось еще вполне достаточно, чтобы вырезать племя Вадана подчистую.

Гунум взмахнул своим оружием и прямо на глазах Кулла хладнокровно снес голову моло-

денькой девчужке, бросившейся на него в самоубийственной атаке. Каким-то невероятным образом кубурх знал, что Кулл его сейчас видит. Поддав голову жертвы ногой, Гунум ловко перехватил ее в воздухе за волосы и, рассмеявшись, помахал этим страшным предметом Куллу.

От нечеловеческой злобы и первобытной звериной ярости, звучавших в этом смехе, по спине атланта пробежали мурашки. Кровавая ярость застила глаза Кулла, душу его переполнила лютая ненависть. Взревев так, что испуганное эхо заметалась между горными вершинами, атлант бросился к Гунуму.

Тем временем схватка переместилась к центру равнины. Люди и тигры усилили натиск на кубурхов. Отряд воинов, бывших в горах вместе с Куллом, подоспел на помощь крайне своевременно. Вдруг зверолоуды, все как один, отпрянули назад.

В одно мгновение между уцелевшими людьми, тиграми, кубурхами и росомахами образовалась свободная полоса земли, которую, впрочем, не было видно под слоем мертвых тел.

— Вот мы и снова встретились, человек! — прокричал из-за спин своих бойцов Гунум.

Если и раньше вид его был далек от нормального, то теперь вождь кубурхов был совершенно безумен.

— ...Только для того, тварь, чтобы я тебя убил! — в ответ проскрежетал зубами Кулл. От испепелявшей его душу страшной ненависти он даже не мог говорить.

— Это ты сдохнешь, вместе со своими людишками! — зашелся лающим смехом Гунум.—

А с проклятыми животными Ааргха,— гримаса ненависти искажила морду кубурха,— мы разберемся чуть позже...

Пена выступила в уголках пасти Гунума, он задрал голову к небу и завыл. В этом звуке не было абсолютно ничего человеческого, перед атлантом — стоял истинный демон.

— Неужели ты думал, глупец, что сможешь победить самого Сооха?! — выкрикнул Гунум.

Кубурх-великан воздел руки к небу и, прежде чем Кулл успел что-либо сообразить, хриплым срывающимся голосом начал выкрикивать непонятные Куллу слова:

— Тсам румред кисарп! Напс ту оба кертавл! Умачбал пакарат талап!

С каждой фразой Гунума мир чудовищным образом менялся. Горизонт стремительно сжимался. Чистое высокое небо заплывало гнойно-желтой дымкой и, словно вздущееся брюхо чудовищного паука, осело вниз, навалившись на плечи людей. Земля приобрела яркий алый цвет. Ветер стих, и чистый горный воздух сменился удушливой жаркой вонью. Окружающие долину зеленые горы растворились в клубящейся серой пелене, в которой угадывалось движение каких-то омерзительных форм.

— Соох! Приветствую тебя, мой повелитель! — взревел Гунум.

Кубурх опустил руки и посмотрел на Кулла, окруженного испуганными людьми.

— Вот ты и встретился со своей смертью, Кулл. Добро пожаловать во владения Сооха.— Зверочеловек глумливо рассмеялся.

Кулл огляделся. Все его люди, как один человек, оказались рядом с ним. Однако черное

колдовство отделило от них тигров. На съжившейся во много раз равнине не было видно ни одного потомка Ааргха.

Между тем вокруг Гунума происходило что-то странное. Алая земля подернулась мгlistой дымкой, росамахи страшно заверещали и сбились в одну кучу. Прямо на глазах перепуганных насмерть людей, попавших при жизни в преисподнюю, разворачивалось омерзительное действо.

Завывающие лесные хищницы стали терять свою форму, плоть их поплыла, смешиваясь с густым туманом, и из этого ужасающего киселя начала прорасти исполинская фигура. Буквально через несколько мгновений перед сбившимися в кучу людьми, инстинктивно жмушмились друг к другу, выросло чудовище.

Странно перекошенное, покрытое омерзительными наростами и сочащимися какой-то дрянью струпьями, оно было покрыто мириадами извивающихся щупалец разной толщины. Под плоским скошенным лбом древнего бога ворочались три мертвенно-белых глаза, источавших безумную злобу. Вытянутая вперед морда напоминала крокодилью пасть, а с оскаленных в вечном голоде клыков стекала слизь.

Соох не имел какой-то определенной формы. С его телом постоянно происходили какие-то трансформации. Но больше всего он напоминал гигантскую и отвратительную помесь жабы, гориллы и крокодила — этакий невероятных размеров слизень с мощными лапами и страшными клыками.

Кубурхи простерлись ниц перед своим господином.

— Твой враг здесь, Соох,— раболепно произнес Гунум.— Я все сделал так, как ты велел, Повелитель!

— Хорр-о-ошшшо.— Шипящий голос Сооха был едва понятен.

Чудовище повернулось к Куллу, вперив в человека взгляд своих бельм.

— Наконец я покончу с тобой, глупая тварь,— удовлетворенно произнес Соох.— Ты отказался мне служить, ты уничтожил моих слуг, ты разрушил мой подземный город... Теперь ты умрешь... Я буду постепенно пожирать тебя заживо... Каждый миг, который тебе предстоит прожить, отныне будет пропитан болью и страданием, глупый маленький человечек... А мгновений этих будет много... Что такое тысячелетия перед лицом вечности?

— Смотри не подавись, урод! — Как ни странно, Кулл не испытывал ни малейшего страха. «Неужели и остальные боги — всего лишь бесформенные прожорливые монстры, наделенные могуществом?» — подумал он.

Соох был настолько отвратителен и нелеп, что Куллу даже в голову не приходило его бояться. Впрочем, атлант все равно не знал, что такое страх. И, уперев руки в бока, юноша оглушительно рассмеялся.

— Клянусь Валкой, от моей души у тебя будет заворот кишок, крокодилья морда! — расхохотался он прямо в морду Сооху.— Посмотрим, как ты переваришь железный клинок, жабье брюхо!

Расталкивая перепуганных, как кролики, соплеменников, к Куллу подошли Вадан и Наари. Вадан, поигрывая железным тесаком, встал

справа от Кулла, а Наари прижалась к нему слева. Потихоньку и остальные члены их втрое уменьшившегося племени собрались с духом.

— Ну-ка,— подбодрил атлант народ Долины Тигров,— покажем этому бурдюку с квашеным дерьмом, насколько остры наши клинки!

«Кулл!» — выкрикнула Наари, «Кулл!» — хватил Вадан, и вскоре, потрясая своим оружием, все люди выкрикивали имя атланта.

Какая им была разница, с кем сражаться. Один раз разучившись бояться, теперь эти люди готовы были следовать за Куллом хоть в пасть к демону. Даже сейчас, перед лицом неминуемой смерти, они были безмерно благодарны человеку, научившему их жить.

Настроение смертных ощутил и Темный. Эти жалкие козявки не только его не боялись, они даже всерьез были намерены с ним драться! Соох был настолько потрясен случившимся, что так и замер с разинутой слюнявой пастью, щупальца его неуверенно вздрагивали.

Сейчас он менее всего походил на древнее божество. Однако Кулл отдавал себе отчет, что видит перед собой лишь тень бога, растерявшего свое бывшее могущество в поединке с равным ему по силам сверхъестественным существом.

— Я лично растерзаю тебя и твоих людишек, смертный! — наконец опомнился Соох. С чудовищным рычанием он развел свои страшные когтистые лапы и двинулся на людей. За его спиной оживленно галдели кубурхи, радуясь предстоящему зрелищу.

— Я люблю тебя, Кулл! — прошептала Наари, обнимая атланта.

— А я тебя,— просто ответил Кулл, прижимая девушку к груди. Он поцеловал Наари, а затем отстранил ее от себя. Хлопнув Вадана по плечу, атлант подмигнул ему и кивнул головой на неумолимо надвигающегося Сооха: — Здоровый, урод!

— Да уж, придется повозиться,— улыбнулся Вадан в ответ.

И друзья, плечо к плечу, двинулись навстречу Темному Богу.

. . .

Когда людей и Сооха разделяли считанные шаги, воздух перед Губителем засветился и начал мерцать. Полыхнуло яркое пламя, заставившее темное божество попятиться, и перед Соохом возникла огромная фигура, не уступавшая ему размерами.

— Вот мы и снова встретились, Темный.— Рокочущий бас разнесся над владениями Сооха, заставив серые тени, со всех сторон обступившие долину, в ужасе броситься прочь.— Не ждал меня увидеть, брат?

— Ааргх?!! — Впервые в голосе Темного слышалось недоумение.— Как ты смог сюда попасть?

Кулл с удивлением разглядывал Ааргха. Владыка Тигров был покрыт оранжевой, с черными подпалинами, шерстью. Он обладал мощной фигурой с невероятно развитой грудной клеткой. Две пары громадных рук походили на тигриные лапы, однако заканчивались вполне человеческими кистями с четырьмя пальцами. Его голова, украшенная двумя толстыми рога-

ми, сидела на бычьей шее и лишь отдаленно походила на тигриную — разница была примерно такой же, как между человеческой и обезьяньей. На поросшем коротким оранжевым же мехом лице двумя угольями сияли яростные глаза.

Весь его вид излучал мощь и нестигаемую волю. Это действительно был Бог-Зверь во всей своей красе.

— Ты слишком далеко зашел, Соох,— прорычал Ааргх.— В своей беспредельной злобе ты осмелился нарушить запрет на вмешательство богов в дела смертных. Но никому не дано преступать законы Вселенского Равновесия. В своей самоуверенности ты попытался повторить потрясшие Вселенную деяния Ктулхов, но по сравнению с ними ты немощен и глуп. Один из моих слуг предоставил мне свое тело.—Ааргх довольно взревел.— А Высшими Силами мне была дарована власть остановить тебя, Темный! Но сперва разберемся с этими отбросами.— Ааргх небрежно кивнул в сторону столпившихся за спиной Сооха кубурхов.

Он рыкнул так, что затряслась земля, и воздел над головой все свои четыре руки, сцепив вместе пальцы. На какое-то неувимое мгновение вся его фигура окуталась пронзительно-белым пламенем, и из глаз Ааргха прямо в гущу кубурхов излились две реки огня.

Раздался страшный грохот, и равнина за спиной Сооха исчезла в огненных клубках. Наконец яростное пламя стихло, обнажив спекшуюся от невообразимого жара в черную корку землю. От большей части кубурхов не осталось даже пепла.

Кулл содрогнулся. За время, равное нескольким ударам сердца, едва ли не пара сотен живых существ бесследно исчезла из бытия. Лишь маленькой группке кубурхов — и Гунуму в том числе — удалось избежать гибели в огненном облаке.

Соох зашипел, как огромный клубок разъяренных змей, и, ошетинившись заискрившимися тлетворным зеленоватым огнем щупальцами, бросился на Ааргха.

Кулл не раздумывая ринулся к Гунуму. Между ним и вождем кубурхов стояла едва ли не дюжина последних уцелевших мохнатых воинов. Двумя стремительными, как сама смерть, взмахами тяжелого клинка он покончил с парой ближайших к нему кубурхов, ошеломленных происходящими событиями. За своей спиной он услышал рев Вадана и его бойцов, тоже кинувшихся в бой, но обернуться времени уже не было.

Ударив своего следующего соперника ногой в пах, Кулл использовал рухнувшего на колени кубурха как трамплин. Изо всех сил оттолкнувшись от его спины ногами, юноша взлетел в воздух и, совершив кувырок, приземлился за спиной кубурхов точно перед Гунумом.

— Вот теперь поговорим,— яростно прищурился атлант, обрушивая на вождя кубурхов свой тесак.— Молись своему дрянному богу, тварь, он тебе уже ничем не поможет!

— Считаю, ты уже мертвец! — страшно взвыл Гунум, отбивая удар человека.

Враги пошли по кругу, обмениваясь ударами. Человек и кубурх с ненавистью глядели друг на друга, совершенно не обращая внима-

ния на происходящее. Весь мир мог катиться в тартарары, эти двое хотели лишь одного — крови врага.

Противники стоили один другого. Физической силе превосходящего его размерами Гунума Кулл противопоставил свою ловкость и подвижность. Но усталость после длинного и трудного боя брала свое, а Гунум казался совершенно свежим. Не иначе как его повелитель даровал своему верному рабу часть своей силы.

Топор Гунума с шелестом вспарывал воздух. Кулл уже несколько раз чудом избегал широкого лезвия, но сам не смог нанести ему ни одного удара. И вдруг правое бедро Кулла взорвалось страшной болью. Это свело мышцы, не выдержавшие страшного напряжения. Он покачнулся и рухнул на одно колено.

Гунум, не замедливший этим воспользоваться, обрушил на своего противника топор. Кулл едва успел подставить тесак под тяжелое лезвие, стараясь увести его в сторону. И хотя атланту удалось совершить почти невероятное, удар кубурха был настолько силен, что переломил клинок Кулла у самой рукояти.

Гунум торжествующе рассмеялся в лицо безоружному человеку:

— Вот мы и решили наш спор, червь! Сегодня вечером я буду пить кровь из твоего черепа! — Его тяжелый топор неумолимо поднимался вверх.

Кубурх не торопился, давая своей жертве время пасть в пропасть отчаяния в ожидании неминуемой смерти.

И когда лезвие Гунума вот-вот уже должно было обрушиться на голову Кулла, тот, не обра-

щая внимания на страшную боль в ноге, всей силой своих могучих мышц послал свое тело вперед. Юноша обрушился на кубурха, как тигр на оленя.

Бросок Кулла был настолько неожиданным и сильным, что Гунум как подкошенный рухнул в грязь. Топор вылетел из его рук и, кувыркаясь в воздухе, отлетел далеко в сторону. Не давая кубурху опомниться, атлант навалился на него, одной рукой сжимая горло, кулаком другой превращая лицо Гунума в кровавое месиво.

Огромный кубурх забился под Куллом, стараясь сбросить человека с себя. Однако атлант, наконец дорвавшийся до врага, намертво вцепился в Гунума. Рыча и завывая, они катались в грязной жиже, осыпая друг друга ударами.

Наконец Гунуму удалось сомкнуть свои острые зубы на правом предплечье Кулла. Кровь брызнула из прокушенной до кости руки атланта. Он яростно взвыл и изо всех сил боднул кубурха в лицо.

От страшной боли гигантский кубурх на мгновение ослеп и застонал, разжав хватку своих страшных клыков. Юноша не замедлил воспользоваться выгодным моментом. Он отпустил горло Гунума, сцепил руки в замок и изо всех сил ударил кубурха в переносицу.

Послышался хруст, и тело кубурха обмякло. Извернувшись, как горный леопард, Кулл оказался за спиной Гунума, уже начавшего приходить в себя. Пропустив свои руки под мышками кубурха, он зажал ненавистного врага в мертвом захвате. Всей тяжестью своего тела атлант навалился на Гунума, погружая его голову в алую жижу.

Атлант широко раскинул ноги, не давая созданию Сооха перевернуться. Тот отчаянно держался и сопротивлялся, но все было тщетно. Огромные мышцы на руках и груди Кулла взбурились, налившись кровью от неимоверного напряжения, страшно набухли вены на лбу.

Зверочеловек судорожно изгибался и бился в грязи, тщетно стараясь извлечь из мутной жижи хотя бы глоток воздуха. Неистовая ярость придала атланту сил — он лишь крепче наваливался на агонизирующего кубурха, не давая тому поднять лицо из жидкой грязи. Наконец Гунум выгнулся дугой, вздрогнул и затих.

Но Кулл еще некоторое время не мог отпустить мертвого врага, продолжая вдавливать неподвижное тело в землю.

Постепенно багровая пелена боевого безумия, захлестнувшего Кулла с головой, отступила. Человек разжал руки и, шатаясь как пьяный, поднялся на ноги. Кровь лилась у него из носа и ушей, хлестала из прокушенной руки. Запрокинув окровавленное лицо к низкому мутному небу, воин издал победный рев. Это был торжествующий клич победителя, какой испокон веков издают герои человеческого племени, оповещая мир о своей победе.

К этому времени воинство Вадана добивало оставшихся кубурхов. Ни одному из созданий Сооха не удалось спастись, одуревшие от страха зверолоуди метались по равнине, но их настигали безжалостные удары ножей и копий. На глазах Кулла охваченные жаждой крови дикари настигли последнего зверочеловека и буквально разорвали его на части. Вот и настал конец племени кубурхов!

Кулл хрипло рассмеялся. Идея Сооха собрать в личной преисподней своих верных псов и их беззащитных жертв обернулась против него. Некогда могучее племя, ввергнувшее Долину Тигров в тенета Зла, теперь было полностью уничтожено.

«Моя клятва исполнена,— сказал он сам себе.— И, Валка свидетель, мне пришлось здорово потрудиться!»

Атлант огляделся по сторонам в поисках Ааргха и Сооха. По счастью для людей, их невероятная битва сместилась далеко в сторону. Казалось, в ужасе отшатнулось даже низкое небо, давая Богу-Зверю и его противнику место для поединка.

Двое — может быть, последних на Земле — древних существ сошлись в смертельной битве. Кулл, правда не по своей воле, присутствовал при завершении тысячелетнего противостояния двух богов.

Фигуры богов: мерцающая огнем — Ааргха и клубящаяся тьмой — Сооха, замерли напротив друг друга. С ладоней Ааргха один за другим слетали огненные шары, исторгавшие из тела Сооха фонтаны зловонных брызг и заставлявшие гореть сам воздух вокруг его противника. Губитель, укрытый пеленой мрака, огрызался дымными струями какой-то субстанции. Стоило хотя бы капле яда Сооха коснуться тела Ааргха, плоть Бога-Зверя шла пузырями, а огненно-оранжевая шерсть приобретала гнилостный серо-зеленый оттенок. Воздух над ними мерцал, а горящая земля под ногами шла трещинами.

Кулл не слышал их голосов, но почему-то был уверен, что эти двое продолжают некий давний спор. Но в чем они пытались убедить друг друга — навсегда останется тайной.

Вдруг Соох рванулся навстречу Ааргху, и тысячи его змееподобных щупалец оплели руки и торс тигроголового бога, вонзаясь в оранжевую плоть, наполняя ее ядом хаоса. Не ожидавший нападения Ааргх пошатнулся, но сделать ничего не мог — его руки оказались прижаты к корпусу.

Соох распахнул чудовищную пасть и вцепился в левую верхнюю руку Ааргха. Он сжал свои страшные челюсти и резко мотнул головой. От дикого крика Бога-Зверя, лишившегося руки, Кулл на мгновения оглох. Соох же, задрав морду к лишенному солнца небу, издал торжествующий рев. Он жадно пожирал плоть своего извечного врага, дымящиеся оранжевые капли крови падали на безжизненную землю,

Кулл догадывался, что все им увиденное не более чем проявления битвы богов на другом уровне, недоступном человеку. Но тем не менее он не мог представить себя простым наблюдателем. Перехватив поудобнее свой тесак, юноша с криком бросился в сторону бьющихся гигантов.

Пока до оторопевших людей дошло, что Кулл серьезно намерился участвовать в битве богов, тот уже добежал до Ааргха и Сооха, сплетенных в смертельных объятиях.

Он подскочил к Сооху, высоко подпрыгнул и на лету погрузил свой длинный клинок по самую рукоять в склизкую плоть Темного. Его удар пришелся точно в основание одного из мо-

гучих щупалец, терзавших Ааргха. Не дожидаясь реакции Сооха, горец начал методично кромсать толстое щупальце, на манер дровосека подрубая его со всех сторон.

Наконец до Сооха дошло, что на него кто-то напал. Часть его щупалец отцепилась от Ааргха и зашарила вокруг. Но Кулл, ловко уклоняясь от змеевидных отростков, продолжал наносить удар за ударом.

Тем временем атланту на помощь подоспели и остальные. Конечно, реального вреда причинить своим оружием богу они не могли, но зато они заставили Сооха на мгновение отвлечься от Ааргха.

Соох, раздосадованный новым нападением, заревел. Его гигантские щупальца замолотили вокруг, убивая и калеча людей, не успевших вовремя уклониться. Он был вынужден опустить свою бородавчатую голову, чтобы посмотреть, кто осмелился прервать его победный пир.

И в этот момент Ааргх полыхнул огнем, испепелившим большую часть удерживавших его щупалец Сооха, и рванулся в сторону.

— Ты вновь сумел меня обмануть, брат! — яростно взревел Владыка Тигров. — Но твоё время закончилось, Губитель!

С этими словами Ааргх протянул три уцелевшие руки в сторону Сооха. Все покрытое страшными ранами тело Бога-Зверя напряглось, и из его ладоней вылетел переливающийся всеми оттенками синего прозрачный маленький шарик.

Мерцающая сфера устремилась к Сооху. Тот, видимо, понял, что сейчас должно произойти, потому что его морда исказилась в гримасе за-

предельного ужаса, и он тонко и страшно завизжал:

— Не-ее-ееет!!!

Для Кулла все эти события слились в одно. Что-то странное и необъяснимое творилось с самим мирозданием. Казалось, прервался ход времен, а пространство сжалось в одну точку. Лишь выпущенная Ааргхом сфера жила своей непонятной жизнью. Каким-то непостижимым образом она выросла, целиком поглотив в себя мир. И Сооха. И Ааргха. И Кулла.

Свет померк в глазах юноши, и в следующее мгновение он обнаружил себя и уцелевших людей стоящими на покрытой грязью и трупами равнине рядом с разрушенным селением кубурхов.

Мир возобновил свое движение. Но в нем больше не было места Темному и воздвигнутой им преисподней, канувших в то вселенское Безначалье, которое распоряжается судьбой миров и их богов.

Впоследствии Кулл никогда не мог описать, что же он видел в этот момент. Он мучился, щелкал пальцами и кривился, безнадежно пытаясь подобрать слова. Но не было в человеческом языке образов и понятий для описания Безначалья. Что за силы выпустил на волю Ааргх, было ли это проявлением того самого Вселенского Равновесия, о котором он говорил, Кулл не знал.

Но на одно-единственное неуловимое мгновение, память о котором он сохранит на всю жизнь, нее его тело исполнилось поистине вселенской мощи, и какая-то микроскопическая

часть его души почувствовала себя сопричастной к этой неопикуемой силе.

. . .

Кулл наскоро, как мог, успокоил Наари, Вадана и их оставшихся в живых соплеменников. Прихрамывая на больную ногу, стараясь не обращать внимания на жгучую боль в прокушенной Гунумом руке, атлант побрел к сбившимся в кучу гигантским тиграм. Почему-то он уже знал, что там увидит.

И оказался прав.

При его появлении подданные Идущего-по-Краю Обрыва расступились, и Кулл подошел к до неузнаваемости изуродованному телу вождя тигриного народа. Лишь могучий неукротимый дух этого зверя удерживал белого тигра по эту сторону небытия.

— Пришло время прощаться, человек.— Рычание умирающего тигра было едва различимым.— Я ухожу с радостью, ибо знаю, что победил. Проклятие Сооха сгинуло вместе с ним, и мой сын будет править многочисленным и могучим племенем!

— Так и будет, брат.— Кулл присел на корточки, заглянув в глаза Идущего-по-Краю Обрыва.— Клянусь Валкой, ты добился всего, чего хотел! Тебе не о чем жалеть!

В голосе человека не было сожалений. Смерть в бою предопределялась мужчинам от рождения. А Идущий-по-Краю Обрыва прожил жизнь настоящего воина и получил смертельные раны, победив в битве, равной которой еще не знала Атлантида.

— Спасибо за помощь, Крепкий-как-Горы,— усмехнулся белый тигр.— Хоть Ааргх и перестроил мое тело по своему образу и подобию, все же оно оказалось сильно уязвимым. Твоя помощь и в этот раз пришла вовремя—

Белый тигр тяжело дышал, клочья кровавой пены слетали с его пасти.

— Мне нечем отблагодарить тебя, кроме одного.— Идущий-по-Краю Обрыва на мгновение замолчал.— Мой сын, Легкий-как-Ветер, проводит тебя и твоих людей к озеру Ааргха... Такова воля моего Владыки. Пускай создания Валки исцелят свои раны, полученные в битве во имя детей Ааргха...

— Спасибо тебе, вождь,— кивнул головой атлант. Он понимал, насколько тяжело было Владыке Ааргху принять подобное решение.— На большое я и не мог рассчитывать!

— А потом уходите отсюда...— Слова давались Идущему-по-Краю Обрыва все тяжелее.— Кулл,— продолжил он чуть слышно.— Больше ни один человек в мире не сможет отыскать нашу долину, кроме тебя. Тебе, единственному из людей, даровано право возвращаться сюда. Знай, какая бы тебе ни потребовалась помощь от тигриного народа — ты ее получишь!

Кулл понимал, что умирающий тигр не нуждается в его ответе. Они с Идущим-по-Краю Обрыва настолько хорошо чувствовали друг друга, что не нуждались в словах.

— Прощай, вождь! — Кулл положил руку на голову тигра.— Я не знаю людей, больше достойных быть вождями, нежели ты.

— Прощай, Крепкий-как-Горы.— Легкая улыбка скользнула по морде Идущего-по-Краю

Обрыва.— А я не знаю тигров, больше достойных быть тиграми, чем ты...

— Прощай, отец,— прошептал белый тигренок.

Идущий-по-Краю Обрыва лизнул замершего рядом с ним Легкого-как-Ветер. Глаза его закрылись, дыхание стихло...

На мгновение Кулла показалось, что он видит прозрачную тень могучего красивого тигра, отделившуюся от тела Идущего-по-Краю Обрыва. Мощные мышцы призрачного гиганта напряглись, и он, распахивая пасть в ликующем беззвучном крике, рванулся прямо в небо, чтобы раствориться в лучах заходящего солнца...

Легкий-как-Ветер поднял голову к небу и горестно завыл. Гигантские кошки, одна за другой, подхватывали его вой. Кулл встал на ноги и присоединил свой голос к горестному хору.

Это была самая необычная погребальная церемония в его жизни.

. . .

Идущего-по-Краю Обрыва похоронили прямо в центре равнины. По предложению Кулла, поддержанному Легким-как-Ветер, над вождем тигриного племени был насыпан из огромных камней высокий курган. Тела остальных тигров и людей покоились под двумя меньшими курганами.

Из всего племени людей Долины Тигров уцелело не более трех дюжин мужчин и женщин и примерно вдвое меньшее количество детей. А ведь всего седмицей ранее это многочисленное племя насчитывало более двух сотен членов!

Хвала Валке, благодаря волшебным водам озера Ааргха все те, кто выжил в бою с кубурхами и Соохом — даже тяжелораненые,— исцелились.

На первом же совете племени Долины Тигров единогласно было решено попросить Кулла возглавить племя. Вадан прекрасно понимал, что не имеет никаких знаний о мире за пределами их долины и не обладает такими выдающимися личными качествами, как Кулл. Юноша вовсе не жаждал власти, главным для него было благополучие всего племени, вернее, его жалких остатков.

— Теперь ты — наш вождь! — радостно сказала юноше Наари.— Мы обустроимся на новом месте, и наше племя станет самым сильным и многочисленным!

— Так и будет.— Хотя атлант вовсе не собирався обзаводиться собственным племенем, сейчас он отвечал за этих людей, судьбу которых определили его поступки.

Возвращаться в покинутую деревню, наверняка уже разоренную зверями, нужды не было. Поэтому, как только были закончены возведение курганов и очистка поля брани от трупов росомах и кубурхов — их просто скинули в глубоководную горную расщелину,— Кулл решил увести людей прочь из Долины Тигров.

— Желаю тебе удачи, Легкий-как-Ветер,— сказал Кулл, прощаясь с молодым вождем.

— Пусть ее крылья всегда будут распростерты над тобой, Крепкий-как-Горы,— ответил тигр.— Кто знает, быть может, мы встретимся с тобой вновь...— Он тихонько рыкнул.

— Кто знает...— пожал плечами и человек.—
Прощай, да пребудет с тобой расположение
вашего Ааргха!

Кулл направился к ожидающим его людям и,
ни разу не обернувшись, скрылся в джунглях.

Путь его нового племени, вождем которого
отныне ему предстояло стать, лежал на запад.
Он узнавал знакомые места, через которые
прошел всего двумя седмицами раньше. Но
узнавали ли его скалы и джунгли? Тогда через
них промчался молодой, ищущий приключений
и славы юноша. Назад же возвращался мудрый
вождь небольшого, но крепкого племени.

И бок о бок с ним шла его Наари. Порой, ко-
гда Кулл вглядывался в ее прекрасные золотые
глаза, ему казалось, что все произошедшее с
ним в Долине Тигров было чудесным и страш-
ным сном. Лишь она — его женщина — была
настоящей. Тигры, кубурхи, боги... Все это уже
становилось красивой легендой, которую ста-
рики, протягивая озябшие руки к жаркому ог-
ню, будут рассказывать молодым. И молодые
крепкие воины, так же как в свое время Кулл,
будут смеяться над их рассказами.

Но в глубине души атлант знал: пройдут зи-
мы, но рано или поздно, его душа услышат зна-
комый зов — зов джунглей. И тогда, оставив
все, он уйдет. Уйдет, чтобы, пройдя тропами
Неведомого, вернуться вновь...

СЮЛ

ВОИНЫ
ВЕЧНОСТИ

.B.

Глава первая

Тысячелетняя тьма. Струится, обтекает, несет в никуда... Несет ли? Не знаю...

Остров. Океан времени, способный разрушить любые бастионы, обходит его стороной. Океан...

Гуп, гуп... Что это? Память послушно подсказывает — сердце. Не может быть! Неужели у него еще есть сердце?! Разум отказывается верить в это. Никто, кроме богов, не живет так долго. А он не бог...

Боль возвращается. Теперь, по прошествии веков, она, скорее, похожа на горечь — эта боль усталого сердца. Почему он загнал себя сюда? Кто ответит? Теперь из всех чувств ему остаются только ярость и ненависть. А когда рядом Они — немного покоя. Но покой не длится долго, потому что враги, ускользнувшие от него в прошлом, еще живы.

А пока они живы — Клятва не даст ему умереть. Неужели нельзя было клясться другим именем? Хотат не любит клятвопреступников...

Но грозный бог все же дал ему шанс исполнить обещание.

. . .

Когда, несмотря ни на что, все же возвращаешься с войны (особенно если совсем потерял на это надежду), знакомые с детства места вдруг кажутся невероятно прекрасными. И только тогда понимаешь, как много ты мог потерять.

Дорога легко взбегает на холм, чтобы тут же нырнуть в лежащую за ним ложбину, в которой еще прячется от солнечных лучей утренний туман. Шагается легко, и с каждым мигом родной дом становится все ближе и ближе. Всего-то сутки пути. Поросшие лесом холмы Гандерланда встречают путника пением птиц. Где-то в стороне от дороги слышен перестук топоров. Мысленному взору предстают плотники со светлыми, перехваченными тесьмой волосами. Они очищают от коры дубовые бревна. Могучие плечи блестят от пота. Вспышки солнца на мерно взлетающих топорах... Трава вокруг работающих усыпана свежей стружкой, а на краю поляны видны нижние венцы сруба... Диармайду даже показалось, что он чувствует запах разогретого солнцем дерева. На миг захотелось свернуть с дороги и присоединиться к строителям, поразмять-натрудить руки, зная, что железо в них несет жизнь, а не смерть...

Но дорога зовет вперед, течет рекой, и ее пыльные струи где-то там, за лесами, плещут о родимый порог. Как страшно, наверное, когда некуда возвращаться... Поэтому говорят, что

воин идет к жизни через смерть. Ему есть что защищать...

А раз так — терпи, если доспехи, уложенные в заплечный мешок, натерли шею, а тяжелое копье давит на плечо. Скоро ты повесишь их на стену и станешь братья за меч, лишь чтобы подновить заточку и смазку, а реже — позвенеть клинками с соседом, таким же отставным, как ты. И так до следующей войны. Но каждую ночь ты будешь снова начинать этот бой, и опять будет падать рядом убитый друг... Любимая разбудит тебя среди ночи, избавляя от кошмара, и ты, весь в холодном поту, станешь молча смотреть в потолок, чувствуя, как гаснут в ночи отзвуки далекой битвы...

. . .

Стена щитов стремительно надвигалась. Одетое сталью многоногое и многорукое чудовище, грохочущее, ревущее тысячами глоток. Украшенные перьями шлемы, расписная кожа щитов, составленных подобно чешуе змеи. Древки бесчисленных копий исчертили небо. Стена все ближе. Идут быстро, но разрывов в строю не видно. У них дисциплина?! У них?!

Пикты нынче не те, что были во времена Конана Великого. Прошло четыреста пятьдесят лет. Они еще татуируют себя с ног до головы, еще верят в древних богов и духов, еще приносят кровавые жертвы... Но их оружие теперь — сталь, а сила — в единстве. Теперь их король и бог — Горм. Он начал вождем ничтожного клана. Нынче он — Император, а древние державы повержены в прах. От могучей Аквилонии ос-

тался только Гандерланд, да еще заперлись в своих скальных твердых гордые графы Пуантена. Зингара, Коф, Офир, Аргос — теперь все это вотчина пиктов. Все захлестнуло варварское половодье. На руинах Тарантии живут только стервятники. Черными головешками торчат на холмах баронские земли. Сады запустели, дикими травами заросли поля... Пиктам не нужна цивилизация.

Они переняли здесь лишь военную тактику. Взяли и побили аквилонцев их же оружием. Но Гандерланд еще стоит. И будет стоять, пока хотя бы один светловолосый воин держит в руках меч и пику...

Диармайд ждал. Сквозь прорези забрала было видно, как стремительно сокращается свободное пространство между войсками. Пикты не мешкают. Им нечего ждать — у их ног уже полмира. Они уверены, что и Гандерланд тоже... Приятно делать врагам сюрпризы...

Варвары дико завывали и прибавили шаг. Сохраняя строй?! Проклятие! Научились!! Похоже, битва будет тяжелой... Диармайд закусил губу. Ну же!

Над молчаливым строем гандеров провыла труба, и фалангисты одновременно упали на одно колено, выставив вперед сариссы. За их спинами стоял другой отряд. Коренастые воины в кожаных доспехах разом натянули свои страшные луки. Ветер трепал выбившиеся из-под шлемов рыжие кудри. Боссонцы!!!

Тетивы пропели песню кровавой мести. Пламя ненависти бесновалось в сердцах сынов Пограничья, чудом выживших в кровавой бойне, которую устроили варвары на их земле... С

такой дистанции пиктов не спасали ни щиты, ни доспехи. Тяжелые стрелы пробивали людей насквозь. Смуглые воины, хрипя, валились под ноги товарищам, но те перешагивали через сраженных, стараясь заполнить бреши в строю. Атака! За время, которое понадобилось пиктам, чтобы пробежать три десятка шагов, боссонцы сделали пять залпов. Мертвые тела громоздились кучами, но варваров это не остановило. Их было слишком много...

В последний миг перед столкновением гандеры ринулись навстречу врагам. С гулом, сотрясшим землю, войска сшиблись. Взлетели к небу тучи белой пыли — пикты расписывали щиты известью. Сариссы гандеров сновали взад-вперед, покрываясь кровью. Боссонцы разрушили строй пиктов, и теперь за фалангой преимущество. Передние ряды варваров отпрянули, но все новые и новые воины вступали в бой. Хотя порядка среди них уже не было...

Фаланга медленно продвигалась вперед. Оскальзываясь в крови павших, пробираясь через курганы трупов, гандеры упорно теснили пиктов. Еще шаг. Еще. Осталось совсем немного — и враги побегут. Их сопротивление становится все более беспорядочным. Вот они уже показали спины!

И тут варвары преподнесли свой сюрприз.словно по команде, они бросились бежать и сразу оставили приученных сохранять строй гандеров далеко позади. Но тем было не до погони. В десяти шагах слева они увидели стремительно наваливающуюся на их фронт стену щитов. Промежутки, открытые для отступающего первого эшелона, мгновенно сомкнулись,

и вторая линия пиктского строя вступила в битву.

Страшный натиск. Круглый щит в руках Диармайда гремел, как гонг. Удары вражеских копий вышибали искры из его доспехов. Град дротиков разбивался о поднятые щиты задних рядов. Но Диармайд не мог поднять свой. Рядом падали соратники, но задние заполняли брешь. Диармайд почти вслепую ударил сариссой. Угадал. Какой-то варвар поймал ее зубами. Мерзкий хруст...

Центр фаланги прогибался назад все сильнее и сильнее. Нельзя позволить им сломать строй. Трубы пропели раз и еще раз...

. . .

Тяжкий свод чужих небес, опутанный сетью звезд. Светила слагаются в грозный лик, и великанские губы произносит приговор: "Ты проснешься, если будешь призван извне!"

Дрожь, крик. Воспоминания сокрушительны. Ведь он поклялся уничтожить всех врагов...

Женское прикосновение. Живое пламя. Огненные губы касаются щеки. Видение гаснет.

Тихий голос: "Они снова убивают друг друга".

Звуки сражения. Он уже давно слышит битву. События этого мира напоминают о себе сквозь мглу небытия. Иногда его сон глубок и картины жизни проходят мимо. Но иногда туман рассеивается...

"Убивают... Ну и что? — Мысли вязнут в клубах тьмы. — Люди это делали всегда..."

"Теперь там сражаются двое из Тех. И обоих могут убить".

"Если так — не они первые". Тоска накатывает стылой волной. словно наяву, свинцовые валы северного моря с рычанием грызут скалу под но-гами... Неужели это когда-то было?

Жаркие губы снова касаются лица. Печаль послушно уходит.

. . .

На высоком холме позади пиктского строя стоял седой человек. Его широкие плечи покрывал расшитый золотом багровый плащ, тяжелые складки которого лениво шевелил ветер. Владыка Пиктов, Горм, смотрел вниз, на поле битвы. Его грудь защищал стальной панцирь, инкрустированный золотом, татуированные ладони поглаживали рукоять тяжелого меча. За спиной Горма замер строй всадников. Всадники пиктов! Сколько лет прошло с тех пор, как первый из них сел на лошадь? Казалось бы, не-много, но сейчас эта кавалерия не уступит ту-ранской.

Горм создал эту силу, он поднял свой народ из пепла межплеменных войн. И стал Властелином Полумира. Но разве когда-либо он довольствовался половиной? Настала очередь Гандер-ланда. Захватив эту страну, пикты смогут сдержать киммерийцев, если те все же решатся спуститься на равнину. А потом следует подумать об удержании власти в разросшейся им-перии. И только когда крестьяне снова станут пахать и у него будет крепкий тыл, Горм зай-метя Тураном и немедийцами...

Но что там внизу? Вторая линия тяжелой пехоты теснит фалангу светловолосых. Кажется или на самом деле что-то мешает им? Ну конечно! Левый фланг гандеров построен довольно странно. Около десяти рядов по фронту и не менее сорока шеренг в глубину... Ему это сразу не понравилось. Теперь плотная колонна светловолосых двинулась вперед, сминая длинными копьями фланг пехоты Горма. Наступление пиктов замедлилось. Косая атака! Горм слышал об этой тактике. Говорят, ее применял еще Конан Великий. Что ж, эти изнеженные цивилизованные люди сами себя обманут. Справа их фланг прикрывает лишь легкая пехота...

Владыка Пиктов поднял руку. К нему тотчас подъехали офицеры.

— Лучникам на правом фланге открыть огонь по легковооруженным. И пошлите кого-нибудь к этим наемникам. Я хочу, чтобы их кавалерия отбросила прикрытие и ударила гандерам во фланг... — Он помолчал, обдумывая что-то. — И пусть пошевеливаются!

Горм знаком отпустил гонца и вернулся к созерцанию битвы. За его спиной затихал конский топот...

Отсюда хорошо видно, как летит на быстром коне посыльный, споро превращаясь в светлое пятнышко на фоне зеленой травы. Как взлетают тучей стрелы лучников и обрушиваются на пехоту врага. Та поспешно отступает ближе к тяжеловооруженным, попутно плотнее сбивая щиты. Похоже, одними стрелами их не обратить в бегство.

Но вот дрогнули и качнулись вперед квадраты полков тяжелой кавалерии, стоящие на пра-

вом фланге. Они гордо именуют себя "федератами" — союзниками пиктов. Недобитые баронские дружинники, искатели приключений — кого там только нет. Мясорубка большой войны перемолола не одну армию. И те, кто согласен с принципом, гласящим: "Если не можешь победить врага — присоединись к нему", поступили на службу к новому Императору. Горм не очень-то доверял этим людям, но признавал, что сражаться они умеют.

Гром копыт тысяч коней заставил холмы содрогнуться. Император смотрел, как федераты врываются в порядки легкой пехоты врага и, ломая сопротивление, гонят ее прочь. Часть сил командир кавалерии сразу направил во фланг наступающей гандерской колонне. Умно! Светловолосые уже взяли пехоту пиктов в полукольцо, ей приходится туго...

Горм снова подозвал офицеров. Некоторое время они слушали его молчание. Седой Император рассматривал высокий холм, прикрывавший правый фланг гандеров. За холмом протекала небольшая речка — по донесениям разведки, ее можно пройти вброд.

— Конных стрелков с левого крыла послать в обход холма. Пусть ударят в тыл. — Хриплый голос Горма походил на воронье карканье. — Если правда все, что рассказывают об этом Атли, принце светловолосых, то там, — меч Императора указал на вершину холма, — должен быть отряд пехоты. Даже если эти слухи верны, боссонцев не может быть слишком много. Уничтожьте их... А это стадо, — кончик клинка указал вниз, на беспорядочно столпившихся в тылу воинов первой линии пехоты, — постройте

заново. Битва еще не закончена. Да передайте: если они снова нарушат строй, я казню каждого десятого.

. . .

Благодаря своему высокому росту Хьялмар, вождь немедийских асиров, мог видеть поле боя через головы наступающей колонны гандеров. Вот, поднимая тучи пыли, двинулись вперед полки предателей, вот они смяли и рассеяли легкую пехоту, загнав ее в лес. Чтобы отразить их атаку, колонне пришлось остановиться. Теперь она охвачена врагами с трех сторон, и медлить больше нель-зя. Хьялмар нахлобучил на голову тяжелый шлем с полумаской и отдал команду.

Его отряд, до поры пристроенный в затылок гандерам, казался врагам частью колонны. Но когда колонна двинулась вперед, асиры прошли вместе с ней совсем немного и остановились. Теперь их строй приобрел форму клина, во главе которого стояли могучие, вооруженные секирами воины в пластинчатой броне. Следующие за ними бойцы заткнули свои секиры за пояс, а в руки взяли тяжелые копья с широкими лезвиями, выставив их в промежутки первого ряда. Северяне дружно топнули правой ногой, сотрясая землю, и двинулись вперед. Несмотря на то что теперь асиры служили немедийцам, никто из них еще не утратил привычек, присущих всем жителям Нордхейма. Могучие сыны Севера проревели имя вождя и бросились в атаку.

Федераты были слишком заняты гандерами, чтобы вовремя заметить опасность. Да и виданное ли это дело, чтобы пехота в чистом поле атаковала конницу. Поэтому, когда стальной клин секироносцев вонзился в порядки федератов, они ничего не смогли поделать. Часть успела развернуться навстречу опасности, но взять разбег им уже не удалось. Задние продолжали напирать, не видя, что происходит впереди, поэтому конница не смогла вовремя отступить и потеряла маневренность. Визг умирающих под секирами коней доводил невредимых животных до безумия. Целый полк кавалерии мгновенно превратился в одно бьющееся в судорогах существо. Клан асиров резал тело полка, как раскаленный нож, и, в конце концов, оставшиеся в живых кавалеристы обратились в бегство. Мчась не разбирая дороги, они смяли порядки соседних полков и увлекли за собой всю конницу федератов.

. . .

Паническое отступление кавалерии на правом фланге привело Императора в бешенство. Он поклялся отныне никогда не доверять наемникам. Эти псы не смогли защитить свою страну — как же он мог на них надеяться?

— Коня! — Голос старого вождя заставил офицеров вздрогнуть. В глазах Горма они увидели отсветы пожара аквилонской столицы. Тогда Владыка Пиктов первым ворвался на крепостную стену, опередив самых сильных на целых двадцать ударов сердца.

— Горм! Горм!!! — Всадники на холме испустили дикий вопль, как стая волков, почуявших добычу. Вождь с нами! Теперь светловолосым не устоять!

. . .

Диармайд помнил передышку в задних рядах фаланги. Свежие воины меняли уставших. Гандеры снова двигались вперед. Очень медленно, поливая кровью каждую пядь отвоеванной земли, фалангисты в очередной раз теснили пиктов. Хьялмар обратил в бегство вражескую кавалерию, левый фланг продолжал наступление. Победа медленно начала клониться на сторону северян. Но в какой-то момент все изменилось.

За спиной пехоты послышался шум, и Диармайд, оглянувшись, с удивлением увидел, как три сотни боссонских стрелков побежали в сторону правого фланга, где крыло строя гандеров упиралось в высокий холм со склонами, усыпанными крупными валунами. Вслед за стрелками бежали мальчишки, ведя в поводу лошадей, навьюченных тороками, полными стрел. Тогда у него не хватило времени сообразить, что все это значит, потому что наступление фаланги вдруг прекратилось и грохот сражения потонул в вое пиктов: "Горм!" Диармайд понял, что случилось самое страшное — варварский Император сам возглавил атаку. Теперь, чтобы победить, гандерам придется уничтожить пиктов. Всех до последнего. Потому что на этот раз они не побегут...

. . .

Хьялмар остановил воинов. Кавалерия предателей бежала без оглядки. Но с холма позади пиктских рядов уже спускалась железная лавина... Увидев ее, варвары приветствовали своего вождя. Натиск на гандеров снова усилился. Отступившая было первая линия пиктов перестроилась и пошла в лоб колонне гандеров. А лавина все стекала с холма. Земля задрожала, когда сверкающий сталью поток выплеснулся на равнину. Зоркие глаза северянина разглядели среди всадников Императора пиктов. Уставив пики, гвардия варваров неслась в атаку. "Они идут прямо сюда!"

. . .

Тревога... Предчувствие надвигается глыбой серого камня. Что? Откуда?

Все ближе, ближе...

Что-то... Что-то должно случиться. Невероятное усилие. Нужно сосредоточиться. Скорее!

Тяжкий грохот, такой, словно содрогнулись крепи мира. Трубы гнева ревут тревогу. Нет! Неужели опять?!

Ответ на безмолвный вопрос, как голос из темноты: "Да-а-а-а".

И сквозь туман полусна он увидел новое пробуждение Врага.

Конные стрелки пиктов пересекали речушку вброд. Поднимая фонтаны брызг, лошади выносили всадников на другой берег. Справа высился холм, а за ним, словно потревоженный в берлоге медведь, ревела и ворочалась битва.

Командир, приземистый воин с иссеченным ритуальными шрамами лицом, приказал спешиться. На деле стрелки были оседлавшей коней пехотой и владеть луком на скаку умели неважно. "Зато теперь, когда изведены под корень рыжие боссонцы, пикты — лучшие стрелки мира". Он усмехнулся, вытащил из седельной сумки белое перо и заткнул его за волосы. Клан Белохвостого Орла идет в бой!

Вождь махнул рукой и, придерживая бьющийся о бедро колчан, легко побежал к холму. Почти полторы тысячи воинов устремились за ним. У реки остались лишь стреноженные кони.

. . .

На другом конце поля, за лесом, стояла напряженная тишина. Деревья гасили звуки битвы, пропуская лишь слабые отголоски. Большой отряд тяжелой кавалерии ждал своего часа. Когда-то, во времена Аквилонской империи, немедийцы и гандеры были злейшими врагами. Когда-то, но не теперь. Пиктская угроза объединила бывших противников. Астер — немедийский граф — командовал девятьюстами катафрактами. Атли Длиннорукий, главнокомандующий объединенными войсками, оставил кавалерию Астера позади своего левого фланга.

Отсюда ничего не было видно, и графу приходилось довольствоваться донесениями наблюдателей, засевших на деревьях. Донесения были самые безрадостные. Проклятый столетний старикашка Горм лично повел конную гвардию в атаку. Друг Астера Хьялмар насмерть стоит против него со своей дружиной.

Лучники пиктов обходят асиров слева. Фаланга гандеров держится, но натиск пиктов ужасен. В тылу фаланги какой-то переполох — что-то происходит у подножия дальнего холма. Похоже, варвары вышли в тыл основным силам Атли. Но от Атли никаких вестей... Ожидание сводило Астера с ума. Где же сигнал к атаке? Как бы не оказалось слишком поздно...

. . .

Придорожный холм манил сочной травой. На его вершине стоял дольмен. Три титанические каменные глыбы, весом в десяток быков каждая, были составлены в виде ворот. Кто воздвиг здесь этот па-мятник? Какая бездна тысячелетий отделяет эго строителей от Диармайда?

Синее небо несло легкие облачка. Диармайд лежал на спине и наблюдал, как причудливо меняются их очертания. До сих пор как-то не верилось, что он выжил в чудовищной мясорубке, где фаланга гандеров потеряла половину убитыми. Тысячи изрубленных в бою, стонущих, мечущихся в горячке воинов переполнили обоз войска на обратном пути, а он... Он даже не ранен — так, пара царапин — и идет домой. Уже совсем немного осталось...

Но сначала нужно зайти на соседний хутор к матери Брессала. Они обещали это друг другу перед боем, и теперь Диармайд боялся подумать о том, как посмотрит в глаза молодой же не побратима. Брессал погиб, когда натиск пиктов был особенно страшен. Они лезли вперед, невзирая на потери, с пеной у рта выкрикивая имя своего вождя... Пальцы Диармайда

судорожно сжались, словно он снова бился в первых рядах, ворочая тяжелой сариссой...

. . .

Перед фронтом фаланги образовался завал из трупов. Первые шеренги взобрались на него и разили сариссами сверху, а пикты беспрерывно штурмовали это кошмарное укрепление. "Косая атака" гандеров окончательно захлебнулась. Колонне пришлось развернуться, образовав вторую, малую фалангу, и отступать, сдерживая напор. Пикты совсем обезумели. Они шли как саранча, сотнями погибая на копьях. Целые ряды валились мертвыми, но следом наступали другие. Казалось, этому не будет конца. Варвары выказывали полное презрение к смерти. Их натиск все усиливался, они меняли десятых на одного гандера, и фаланга пятилась. Мужество светловолосых воинов поколебал прибой стальных валов пиктского океана. Еще немного — и битва будет проиграна...

. . .

Стрелки Белохвостого Орла должны были занять холм и оттуда ударить во фланг и тыл светловолосым. Пикты быстро поднимались по склону, держа стрелы на тетиве. Коренастый вождь бежал впереди своих воинов, настороженно шаря вокруг взглядом. "Вот за теми камнями может скрываться засада... Или за этими кустами..." Повинуясь его знакам, группы воинов отделились от основных сил и поспешили проверить подозрительные места. "Нет, все в порядке... Но не может быть, неуже-

ли светловолосые настолько глупы, что не оставили здесь заслона?" Враг все не появлялся, и вождь забеспокоился не на шутку. Отсутствие противника казалось очень подозрительным. Разведчики перевалили гребень и исчезли. По-прежнему никаких звуков. До вершины осталось десятка два шагов...

. . .

Гребень холма казался срезанным гигантским ножом. Ровная, заросшая травой и сплошь усыпанная обломками каменных глыб площадка скрывала засаду боссонцев. Древнее капище укрыло почти триста человек, да еще двести засело у подошвы холма. Рыжеволосые воины ждали. Посреди площадки лежали убитые разведчики пиктов. Нужно подпустить врагов поближе — так, чтобы не ушел ни один...

Когда пиктам осталось десять шагов до вершины, настал час мести боссонцев. Разом вскочив на ноги, они пустили первые стрелы. На таком расстоянии мощный боссонский лук обладает страшной силой. Стрелы пробивали пиктов насквозь, зачастую находя и вторую жертву. Вождь пиктских стрелков погиб в первое же мгновение. Стреляя, боссонцы выпускали жуткий вопль, полный радости отмщения и ненависти к врагам. Невероятная скорость, с которой они посылали стрелу за стрелой, не представляла врагам ни-какой надежды.

Ответный залп вышел слабым. На голом склоне пикты представляли собой отличные мишени, так что спастись мог лишь тот, кто

поднимался последним. Однако от подножия ударил второй отряд боссонцев, и живым не ушел ни один варвар. Бойня закончилась в считанные мгновения. Полторы тысячи тел устилали холм кровавым ковром...

Командир засады посмотрел вниз, и лицо его искажил гнев.

— Собрать стрелы! — приказал он. — Живых ублюдков добить, и поскорее! У нас еще есть дела по ту сторону холма!

. . .

Первая волна кавалерии атаковала клин асиров в лоб. Всадники с пиками наперевес налетели лавиной... и разбились кровавыми брызгами. Строй асиров не дрогнул, словно утес, принимающий удары штормовых валов. На острие клина — Хьялмар.

Кавалерия откатилась, оставив перед строем трупы в растерзанных доспехах и бьющихся в агонии лошадей. Хьялмар видел, как Император пиктов отдает приказы. Вот колонна всадников отделилась от основных сил и направилась в обход, огибая клин слева.

"Окружают..." Хьялмар знал, что сейчас произойдет. Пикты бросятся на асиров со всех сторон и будут атаковать сменяющимися волнами. Клин не боится окружения — дружина может сражаться и так, но сколько продержится? Пехота пиктов теснит гандеров, они уже не смогут помочь, а Астер ждет сигнала. Если Атли убит, то сигнала может и не быть. И еще Хьялмар знал, что основная атака придется на острие клина и его углы — они самые слабые в оборо-

не. Ярл расправил плечи. Воины по обе стороны от него готовились к бою. Кто-то громко выкрикивал строфы из "Саги о Сильных". "Они знают, что Вальхалла ждет нас!" Из груди ярла исторгся свирепый рев, и дружина подхватила его.

Асиры шли в атаку. Зачем оттягивать встречу с богами?

. . .

Горм никогда не задумывался над тем, почему он живет так долго. Прошло чуть ли не семьдесят лет с тех пор, как в землях его клана появился немедийский жрец, принесший молодому вождю секрет металла... За это время рухнули царства, рассыпались в пыль великие армии, а Горм в глубине души так и остался вождем дикарского племени, сущим варваром. Лишь седина и сплошь иссеченное морщинами лицо говорили об истинном возрасте Горма. Какая магия охраняла его? Почему он почти не старился? Никто не мог ответить на этот вопрос, в том числе и сам Император. Его тело сохраняло силу и подвижность молодости. Странные желтые глаза, подобные глазам дикого зверя, не утратили блеска. Его многочисленные жены продолжали приносить здоровых детей. У старших сыновей Императора уже были внуки, а его младший сын еще не выполз из пеленок. Почему-то рождались только мальчики...

Верил ли Горм в свое бессмертие? Вряд ли. Однако среди воинов ходили упорные слухи о божественности Императора.

Горм и об этом не особо задумывался. К чему? Еще не все враги сложили головы... Человек, опрокинувший цивилизацию. Человек, которого проклинали и благословляли миллионы людей. Больше, конечно, проклинали... Одних он поверг, других поднял из праха. Горм Воитель поистине был велик. И его земной путь мог пресечься лишь столкнувшись с другим, более сильным путем столь же Великого Воина. Со времен Конана таких воинов было немало, но Горма ставили чуть ли не вровень с легендарным киммерийцем.

Увидев атакующий клин асиров, Император почувствовал странный толчок — сами боги вели сюда золотоволосых нордхеймцев. Горм вдруг понял, что именно сейчас свершится самое важное в его жизни и что только потом станет известно, кто поведет армию вглубь Гандерланда, на Немедию и дальше, дальше...

Почувяв это своей волчьей кровью, он выхватил у телохранителя пику и погнал коня навстречу стальной черепахе северян. Гвардия с воем ринулась за ним.

Словно пущенные друг в друга стрелы, два клина — конный и пеший — стремительно пожирали разделяющее их пространство.

Император заметил острие вражеского строя — гиганта в сверкающей пластинчатой броне. Он!

Копыта коня отбивали дробь все быстрее. Казалось, неистовый всадник пронзит строй асиров насквозь, как игла протыкает материю. Перед столкновением Горм успел увидеть синеву северного неба в глазницах шлема врага...

Должно быть, гул от удара достиг небес. Клинья сплющились друг о друга, разбрызгивая окалину мертвых тел. Пика Императора насквозь пробила щит Хьялмара и, сломав наплечник, сломалась. Тяжелое копьё нордхеймца проломило грудь белого императорского жеребца. Горм успел соскочить наземь и выхватил меч.

Столкновение опрокинуло и раздавило многих с обеих сторон, но пехота все же удержала строй. Большинство копий сломалось в первый же миг, и асиры взялись за секиры. Мгновения спустя северяне уже дрались в окружении — подоспели всадники, отправленные пиктом в обход.

. . .

Хьялмар бросил изувеченный щит. Теперь его тяжелый меч можно было держать двумя руками. Клинок Горма казался легче, но бойцы сошлись равные. Сражение кипело вокруг, как вода в походном котле. По примеру Императора многие пикты спешились, но в поединок вождей никто не вмешивался.

Мечи рвали воздух. Доспехи Хьялмара покрылись множеством щербин и вмятин, драгоценный нагрудник Горма пересекла уродливая борозда.

Под ногами исходила криком растерзанная земля. Небо исчезло, и в наступившей вдруг тишине раздался визг разорванного металла. Император пропустил смертельный удар.

Сила Хьялмара отшвырнула пикта на труп белого коня. Кровь хлынула из-под рассеченных

доспехов. Телохранители выхватили умирающего из-под меча северянина и вынесли из боя. На Хьялмара обрушился град ударов. Рыча от ярости, получив в один миг с десятков ран, он, отбиваясь, отступил к своим. В поданный сзади щит впилося сразу несколько копий. Северянин крикнул, обрубая древки, и провыл по-пиктски, перекрыв грохот боя: "Я буду гордиться этим поединком!"

. . .

В последние мгновения своей жизни Горм понял значение слов "Воин идет к жизни через смерть". Когда над старым вождем склонились капитаны его гвардии, он прошептал: "Я пришел..."

Видя безнадежность раны, кто-то из подоспевших генералов спросил о наследнике. Лицо Горма исказила ярость. Он всего добился сам, но лишь теперь, умирая, понял — у Императора могут быть лишь слуги, а вождь — первый среди равных. Доблесть пиктов дала трещину, когда Горм из лучшего воина стал повелителем рабов. И, осознав это, он закричал: "Никаких наследников! К демонам династию!" Кровь хлынула у него изо рта, и склонившиеся к холодеющим губам воины услышали последнее: "Трон — достойному!"

. . .

Снова жаркое дуновение. "Один мертв". Слова, выпавшие из бездны, повисели во мгле светящимися символами и растаяли.

"А второй?"

Свежий воздух ворвался в легкие. Утренний бриз. Восход. Небо в полыхающих облаках.

"Мы не видим его, но он жив".

"Хорошо..."

. . .

Весть о смерти Императора привела пиктов в неистовство. Не сумев уберечь Горма, гвардейская кавалерия навалилась на тающую дружину Хьялмара, будто намеревалась засыпать асиров своими трупами. Обе линии пехоты, смешав ряды, с безумным упорством ломались в лоб гандерским фалангам. Оборона союзников трещала по швам. Обойдя стороной свалку вокруг асиров, лучники пиктов начали обстрел правого фланга гандеров. Надежды уже не осталось, светловолосые держались лишь на одном упорстве, как вдруг у них в тылу поднялся высокий столб дыма. Атли, принц Гандерланда, до конца верный своему замыслу, подал сигнал. Настал час немедийцев.

Астер разделил своих всадников на три отряда и построил их ромбами — каждый по триста человек. Внешний периметр каждого отряда — спiry — составляли собственно катафракты. И коней и всадников защищали пластинчатые доспехи. Каждый воин был вооружен тяжелой пикой и длинным мечом. Вторая шеренга состояла из сариссофоров. Их защитное оружие было чуть легче, зато они имели сариссу — копьё, до пятнадцати локтей в длину. Для облегчения работы сариссой немедийцы первыми ввели специальную сбрую в виде цепочки или крепящейся к древку ременной пет-

ли, охватывающей шею и правую переднюю ногу коня. Благодаря этому сила столкновения передавалась непосредственно на корпус лошади, и удар сариссы сделался поистине страшен... Внутреннюю часть каждого ромба заполняли димахосы — всадники, способные сражаться в пешем строю и обученные стрельбе из лука.

Астер занял место во главе средней сперы и отдал приказ. Немедийцы двинулись побеждать.

Вырвавшись на равнину, тяжелая кавалерия Астера с ходу опрокинула и втоптала в пыль пиктских лучников. Часть гвардии Императора повернула им навстречу, в то время как остальные продолжали осаждать окруженных асиров. Туранские наездники не раз испытали на себе силу кавалерии, созданной Гормом, но немедийцы воюют иначе... Ромбы спир мгновенно раскрылись, перестроившись в клинья. С удивительной легкостью, подтвердившей славу конной фаланги, они рассекли пиктскую лаву на части. И тут на волю вырвались димахосы, многие из которых были гирканскими наемниками. Начался разгром. Меткие конные лучники разили наповал. Гвардия отчаянно сопротивлялась, но, в конце концов, была уничтожена.

Вновь собравшиеся в кулак сперы напали на отряды, окружившие асиров. Центральный ромб, под командой Астера, первым прорвал окружение. Нордхеймцы встретили катафрактов одобрительным ревом. Боковые ромбы сжали пиктов с флангов, и те, опрокидываясь, на-

чали отступление, вскоре превратившееся в повальное бегство.

Перестроив спира, Астер атаковал пехоту врага с тыла. Остатки дружины Хьялмара ударили пиктам во фланг, а с холма на головы оставшихся без вождя воинов обрушился ливень боссонских стрел. К закату все было кончено. В битве при Круах Моррин силе пиктов сломали хребет.

Они еще оправятся от страшного поражения, но уже никогда успехи их не будут столь велики, как во времена Горма.

Глава вторая

Свернув за последнюю рощу, закрывающую от глаз хутор Брессала, Диармайд в растерянности остановился. Ему показалось, что война, которую он считал уже законченной, настигла его. На месте добротных домов зловеще курилось свежее пепелище. Горело не раньше чем два дня назад. Диармайд не понимал, почему не увидел дыма по пути. Быть может, помешал лес?..

Он потерянно бродил по руинам, сам не понимая, что хочет найти. Каждый шаг поднимал в воздух жирный пепел. Здесь случилось нечто противоестественное. Если нападение — то почему враги не угнали скот, до сих пор бродивший на выгоне? Если пожар — то где следы, которые, несомненно, оставили бы хозяева, увозя добро? То, что хозяева уцелели, было ясно: костей среди обгорелых бревен Диармайд не нашел. Дом сгорел, люди исчезли. Большая семья — мать и отец Брессала, два его брата с женами и десяток ребят и... Хельга. Побратим

женился на ней недавно — еще и месяца не прошло...

А что же соседи? За холмами — хутор Диармайда, в полулиге — большое село. Неужели там не видели дыма? Человеческих следов вокруг пожарища не было.

Внезапно война охватил ужас. А что, если и на месте его дома осталась лишь выгоревшая проплешина? Он сорвался с места и побежал. Доспехи вдруг потеряли вес. Диармайд мчался, как поднятый волками олень. Мелькали, превращаясь в смутные полосы, проносящиеся мимо деревья и кусты. Холмы он одолел на одном дыхании и не сразу остановился, увидев внизу, у подножия, отцовскую ферму...

Вот сестры работают в поле, среди золотых колосьев проглядывают их белые рубахи. Братец Сигна гонит на пастбище коров.

На крыльцо отцовского дома вышла женщина в переднике и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела в сторону Диармайда. Постояла, приглядываясь, и, всплеснув руками, исчезла за дверью. "Мама!" — заорал Диармайд и припустил с холма. Сестры в поле разогнули спины, машут руками. Захлебывается лаем во дворе матерый волкодав. Диармайд ураганом ворвался в ворота, слезы застили ему глаза. "Живы! Все живы!"

Перед крыльцом стоял отец: седой, но крепкий, кряжистый, словно дуб. Рядом мать. Но почему так растерянны их лица? Почему отец прячет глаза? А где же Грайне? Что не встречается?

Диармайд замер. Сердце превратилось в каменную глыбу. Неизвестно откуда, но он уже

знал, что Грайне в беде. Что в беде брат Драгу и сестра Трайни.

Наконец отец сделал шаг вперед и промолвил: "Беда, сын..."

. . .

В огромном зале безлюдно. Алые портьеры стекают по стенам, прикрывая нагие тела колонн. В мраморном полу отражаются огни бесчисленных факелов. Вечер.

Человек, стоящий напротив, притягивает все внимание. Он один — его спутники отдыхают. Могучий воин в помятых доспехах, совсем не похожих на те, что носят в этом мире. Черные волосы, чтобы не лезли в глаза, стягивает тонкий ремешок. Лицо человека хранит странное, знакомое до боли выражение. Как если бы только долг удерживал его от некого поступка. Какого?

В руках воина — меч. Он протягивает его на раскрытых ладонях. Чтобы принять клинок, надо сделать несколько шагов вниз по ступеням. Что это за возвышение? Впрочем, неважно...

Клинок... Надо вытянуть руки и принять оружие, но почему-то не хочется торопиться. Меч в ладонях воина притягивает внимание.

Кованый узор на лезвии напоминает языки пламени. Металл клинка странного золотистого цвета. Кажется, будто меч горит внутренним пламенем. Длинное лезвие, широкое у перекрестья, сужается двумя ладонями ниже, а затем снова расширяется, образуя "лист лавра", и заканчивается острием...

Державшие оружие руки слегка поднимаются навстречу. "Бери". Синие глаза воина полны ледяного спокойствия, но где-то в глубине их за-тай-лась... Печаль?

Клинок мягко ложится в подставленные ладони. По жилам пробегает огонь, и на миг появляется ощущение, словно держишь в руках обнаженную женщину. В синих глазах воина — усмешка. Он-то знает, в чем дело.

Слова приходят не сразу. Странно слышать свой голос, будто говорит кто-то другой.

"Я очень много должен тебе, Конан. Ты спас мой мир. Надеюсь, что когда-нибудь смогу отплатить тебе тем же".

Синеглазый воин усмехается: "Хорошая была драка". И, уже повернувшись к выходу, бросает через плечо: "Прощай, король Страны Снов. Будешь в наших местах — заходи. Выпьем вина".

Видение тает. Мрак снова окутывает все, но остается вопрос — почему его назвали королем Страны Снов? И что это за страна?

Ответа нет.

. . .

История, которую рассказал отец, привела Диармайда в ярость. Пока воины Гандерланда насмерть стояли на южных рубежах, кто-то под шумок начал охоту на их беззащитные семьи.

Люди стали пропадать пол-луны назад, как раз когда принц Атли выступил из Фаль на соединение с немедийцами. В то время как сандалии фалангистов поднимали пыль на дорогах, ведущих к холмам Круах Моррин, в тылу воинства появился неведомый враг. Сначала исчез-

ли несколько охотников. Такое случалось и раньше: лес — опасное место. К тому же пропали люди из разных селений, поэтому случаи эти не сразу стали связывать между собой. Конечно, родственники искали тела, но следы охотников исчезли — словно в воду канули.

Потом начали пропадать пастухи на дальних выгонах и припозднившиеся путники. Таких было немало — селяне частенько наведывались друг к другу вечером, а возвращались за полночь...

Сперва грешили на волков, хотя в тех местах, где пропадали люди, волчьих следов никто не видел. Собрались горячие головы, устроили облаву. С десятков серых хищников заплатились жизнью, но ни костей, ни вещей жертв волчьего аппетита не нашли.

Тогда стали думать на бандитов. Мало ли, пробрался какой отряд пиктов и гадит. Убьют людей, ограбят, а трупы спрячут... Устроили вторую облаву. Ничего...

А люди продолжали пропадать, и чем дальше, тем чаще. Дошло до того, что ночью селяне опасались выйти за околицу. Люди исчезали даже днем, причем в первую очередь молодые.

Народ всполошился, ударили в набат. Собралось ополчение — несмотря на войну, в деревнях осталось еще немало крепких мужчин. Но с кем сражаться? Нельзя победить врага, если его не видно. Бросились к колдунам. Те ничего не хотели говорить: либо сами ничего не знали, либо боялись. Священники туманно возвещали о пришествии Древнего Ужаса, но толком объяснить ничего не могли. Зловещая тень накрыла страну.

Ополчение распустили. Люди брали оружие даже в поле и старались не оставаться в одиночестве. Однако исчезновения продолжались. Потом начались пожары. Горели дальние хутора. Соседи, сбежавшие на помощь, не находили ничего: ни костей, ни следов...

Селяне стали запирались на ночь, чего в Гандерланде отродясь не делали. К путникам начали относиться настороженно. Поползли слухи о темной, древней магии, о секте, которая приносит людей в жертву неведомому божееству...

Самое страшное заключалось в том, что враг не оставлял следов. Если бы его удалось выследить, гандеры, которые всегда были неробкого десятка, давно бы спалили дотла его поганое гнездо... А так приходилось держать оборону в домах и ждать возвращения принца. Все верили, что Атли Длиннорукий, надежда Гандерланда, разберется с напастью. Они не знали, что принц тяжело ранен, и хотя жизнь Атли вне опасности, он еще не скоро сможет взяться за меч.

В тот день, когда загорелся хутор Брессала, все работали в поле. Увидев за холмами клубы черного дыма, глава семьи повел своих домашних на помощь. Он, конечно, понимал, что помочь не сможет, но оставить соседа в беде не позволяла совесть. Однако на пылающем хуторе никого не оказалось...

Лишь по возвращении обнаружилось, что Трайни, Драгу и Грайне исчезли. Никто не заметил, как это случилось. Только что шли рядом и вдруг — исчезли...

Искали долго, хотя знали, что ничего не найдут...

. . .

Боль. Разрывающая нутро, такая сильная, что почти разрушила оковы многовекового сна. Туман в сознании поредел настолько, что пленник Слова увидел залитую кровью плиту алтаря. Безумная ярость обожгла душу. Он знал, чья это кровь и кто пролил ее...

Туман сна рвался на части. Он — на грани. Кровь, кровь! Она жжет душу! Еще чуть-чуть — и преграды рассыплются прахом. И придет день Гнева.

"Они принесли первые Жертвы". Голос Воздуха как глоток росы. Пальцы Огня коснулись его руки.

Они готовы поддержать его. Значит, время пришло. Он почувствовал, как пробудилась дремавшая несчетные века Сила... И тогда он ударил в ослабевшие оковы тумана всей мощью Воли.

"Я иду!!!"

. . .

Отец смотрел на сына — тот сидел за столом, уронив светловолосую голову на могучие руки. Диармайд вернулся с войны, чтобы очутиться в пекле другой, гораздо более страшной вражды. Отец вздохнул.

Словно услышав его мысли, сын встал из-за стола. В его серых глазах плескался гнев. Холодный гнев воина, начинающего опасный поединок.

— Я найду их, отец... — Голос сына словно дал трещину. Сказал, поклонился и вышел из

дома. Старый воин еще долго смотрел ему вслед, надеясь, что видел сына не в последний раз.

. . .

Солнце садилось за оком. Над западным лесом плыли мелкие облачка — багровые и рыжие с золотом. Они походили на пар — словно за горизонтом кипел, исходя жаром, исполинский котел жидкого металла. Лес чернел, иглами елей протыкая закатное пламя.

Путник не задавался мыслью, куда идти. Когда еще был жив дед Диармайда, которого все считали колдуном, он получил от него некое знание.

Впрочем, старик ничему не учил мальчишку. Он считал, что человеку вовсе не нужны учителя на пути познания мира. Заметив способности внука, он просто-напросто "подтолкнул" его. Всего несколько устных наставлений — чуть-чуть поправить здесь, предостеречь там, — и зерно ложится в благодатную почву.

Диармайд не умел метать пламя, двигать горы, поворачивать реки, но он всегда знал, откуда придет опасность, всегда был готов к трудностям. О его интуиции ходили легенды. В армии он очень быстро продвигался по службе и в два счета достиг звания командира пятидесятилетия. Его считали везучим, баловнем судьбы.

"Научись слушать себя настоящего, а не того, кто вечно болтает в этой голове", — говорил старик, тыча железным перстом в лоб внука. И мальчик усвоил урок. И теперь, будучи уже взрослым, Диармайд не раздумывал, где оты-

щет неведомого врага. Он просто шел по дороге, зная, что выбрал нужное направление.

"Если ты ищешь, полагаясь только лишь на разум, — это путь ученого осла. Откройся Духу, устрани жажду действия и оставь намерение свершить. Если ты действительно открыт Духу — тогда свершишь".

Становилось все темнее. Дорога свернула за высокий, поросший лесом холм, за ним устроилось небольшое селение. Дома сбились в кучу, хоронясь за щитами садов. Они походили на солдат, попавших в окружение. Редкие огоньки окон под шлемами крыш подозрительно смотрели из-за ставен, словно не зная, чего ожидать от позднего гостя. Собаки молчали, хотя давно уже должны были почуять приближение незнакомца. При дневном свете Айл Дунн — так называлось селение — выглядело совсем по-другому. Вечерние тени помогли Диармайду почувствовать разлитое в воздухе ожидание опасности и... страх. Он знал, что в большинстве домов его сейчас и на порог не пустят. А все потому, что он пришел, когда садилось солнце.

Но воин не собирался спать этой ночью. В Айл Дунн его привело ощущение, что здесь он узнает то, что прольет свет на все происходящее и поможет ему отыскать своих, а если они мертвы — отомстить.

Улицы встретили его тишиной. Лишь иногда ухо улавливало скрип запираемых ставен. И еще были взгляды. Невидимые наблюдатели оценивали, прикидывали возможности, опасно щурились, мрачно сверлили спину. Разные люди смотрели на него — храбрые и не очень, добрые... Словом, действительно разные. Не-

сколько раз Диармайд чувствовал, что смотрят поверх стрелы, тихонько натягивая лук. Однако всех наблюдателей, даже тех, кто целился, объединяло одно чувство — страх. И он не мог винить их за это. Наверняка многие узнали его, но все равно боялись. Слиш-ком много жертв.

На всякий случай Диармайд забросил щит за спину — вдруг у кого-нибудь не выдержат нервы. Получить стрелу между лопаток ему вовсе не хотелось...

И тут воин почувствовал на себе еще один взгляд.

По позвоночнику пробежал холодок. Этот кто-то смотрел спокойно. Смотрел, узнавая. Этот кто-то знал, зачем воин в доспехах идет по ночной улице. Диармайд обернулся на взгляд.

Высокий сплошной забор. И открытая калитка, которой только что не было. Оттуда, из густой бархатной темноты, сказали: "Заходи, кровь Игна".

Диармайд, на раздумывая, шагнул внутрь. Игном звали его деда.

Во дворе было гораздо темнее, чем на улице. Казалось, будто переступив порог, попал из позднего вечера в глубокую ночь. Черное небо зависло над головой — звезды как серебряные гвозди. В темноте смутно угадывались очертания деревьев и прячущийся меж ними силуэт дома. Диармайд направился к дому. Внезапно воин почувствовал, что он в полной безопасности. Это место могло защитить своего гостя.

Вдруг в темноте раскрылся освещенный прямоугольник двери. Высокая фигура переступила порог и, приглашающе кивнув, оста-

лась внутри. Щурясь на свет, Диармайд последовал за ней.

Посреди сколоченного из дубовых плах стола горела масляная лампа. Ее красноватый свет создавал уютную теплоту. Таинственности добавляли мятущиеся тени на стенах. Хозяин дома стоял у стола и смотрел на Диармайда. На миг воину показалось, что перед ним дед Игн. Но уже в следующее мгновение он знал — это не так. Человек этот ни ростом, ни чертами лица не походил на деда Диармайда. Но глаза... Бесконечно спокойные и в то же время пронизывающие насквозь, они сразу выдавали родство. Родство духа.

— Поставь оружие туда... — Жилистая рука с длинными пальцами указала в угол, где на стенах висели пучки каких-то сушеных трав. Диармайд подчинился, заметив в том же углу аккуратно составленную пирамиду из трех рогатин и тяжелого боевого копья. Свой щит и копьё он поставил туда же.

На столе уже стояла глиняная миска, распространявшая вокруг аппетитные запахи. Воспользовавшись безмолвным приглашением хозяина, воин выудил из-за пазухи деревянную ложку и принялся есть. Только теперь он вспомнил, что уже давненько не ел. В животе урчало...

— Ну, теперь время поговорить, — сказал хозяин, когда ложка в руках Диармайда звякнула о дно миски. — Меня в ваших краях на-зывают Кайрпре. Как ты понял, я знал твоего деда...

Воин тут же отметил, что, видимо, есть места, где этого человека называют иначе. Воз-

можно, он даже не гандер, хотя и говорит без акцента.

— Благодарю, — сказал Диармайд, отодвинув миску. — Тебя, наверное, тоже считают колдуном?

Кайрпре усмехнулся. Его иссеченное морщинами лицо выдавало преклонный возраст, но двигался этот человек на удивление легко. В нем чувствовалась сила. Но не такая, которая подавляет и сокрушает. Его сила была спокойной.

— Я и есть колдун. Но это особое колдовство — колдовство, каким обладал твой дед и которое подвластно тебе. Вижу, ты со мной не согласен. Ну конечно, ведь ты считаешь себя одним из нас. Но помни: знание — это сила, сила — это магия, а магия — знание... Впрочем, разговор не об этом. Я знаю, зачем ты пришел, но могу лишь помочь тебе увидеть направление.

— Этого достаточно.

— Что ж, посмотрим... Ты помнишь место под названием "Холмы"?

— Конечно! Мы с Брессалом частенько забивались туда в детстве. — Диармайд нахмурился, вспомнив, что его друг давно мертв. — Это примерно в четырех лигах на закат от нашего хутора. Дед говорил мне, что это злое место.

Как наяву перед Диармайдом встали огромные ели, окружающие небольшую поляну. Посреди нее возвышался плоский холм, на вершине которого виднелись какие-то руины. Камни поросли мхом, уйдя в землю почти до половины. В округе было еще три таких холма. И на них тоже ничего не росло, кроме травы. Ходили легенды о древних королях и несметных

богатствах, но почему-то никто не решался прийти туда с лопатой. Только мальчишки, испытывая свою храбрость, отваживались забираться на холмы, но не подходили к руинам ближе опушки леса. Обычно такие походы заканчивались паническим бегством через чащу, причем никто не мог ответить — что вызвало испуг.

— Это не просто злое место... — Глаза хозяина полыхнули огнем. — Зло этих Холмов не имеет никакого отношения к человеческому роду. Когда-то мы не знали этого... Я говорю о нас с Игном и еще об одном человеке — ты его никогда не видел. Мы считали Холмы просто плохим, враждебным нам местом. Никто и не подозревал, что же на самом деле там скрывается... А теперь я остался один, и время, отпущенное мне здесь, кончилось...

— Но есть и другие колдуны. Я слышал, в Бира Ниве живет один...

— Нет! — Кайрпре снова усмехнулся. — Они на самом деле другие. Их дело — ворожба и заговоры. Они заигрывают с Силой. А Сила не терпит баловства. Мне с ними не по пути...

Он говорил, но Диармайд с трудом улавливал смысл. Ему не давал покоя взгляд хозяина, то был взгляд неведомого зверя, чьи глаза сверкают, как луны древнего мира.

Кайрпре почувствовал растерянность гостя, и его глаза вновь превратились в озера огня.

— Не сомневайся, — сказал он. — Я человек, точнее, был им. Любой из нас, подойдя к Порогу, становится не похож на обычных людей. Мое время приходит, но я еще могу дать тебе

оружие. Нет, это не меч и не заклинание. Это — Слово...

— Имя Силы? Но против чего я должен сражаться? Кто похищает людей? И зачем?

Некоторое время Кайрпре молча смотрел на Диармайда. Глаза его отливали серебром. Воин чувствовал опасность, исходящую от хозяина дома, но не боялся. Он знал — это Сила искала выход.

— Хорошие вопросы... — Голос хозяина, казалось, стал ниже. — Да, это имя Силы, и может оно лишь в том случае, если Древний Ужас действительно вырвался на свободу. В нашем языке нет названия для тех тварей, что спали под холмами. Но теперь они проснулись... Я не знаю, что пробудило их, да это сейчас и неважно. Важно, что оружие людей может убить их, но они владеют странной магией, которая совсем не похожа на мою.

Он покашлял в кулак. Диармайду показалось, что тело Кайрпре стало золотым.

— Еще до рождения этого мира существовал иной мир, в котором тоже жили люди. Но тот мир был гораздо опасней. Он походил на утренний туман, на зыбкую рябь, что возникает на воде по воле ветра. И все из-за того, что рядом с людьми жили неведомые существа, ведущие свой род от начала времен. В этом мире так же, как и сейчас, лилась кровь, гибли империи и рушились королевства.

Люди победили ужасных тварей прошлого, пытавшихся их уничтожить, но те, понимая, что гибель неминуема, бежали в будущее. Тогда у людей было оружие против них, но сейчас...

Хозяин поднялся со скамьи.

— Возьми свой щит. Луна всходит.

Следом за Кайрпре Диармайд вышел из дома. Все вокруг было залито мертвенным лунным светом. Полный диск "Волчьего солнца", казалось, зацепился за конек соседней крыши. Ночь черная с серебром. Полнолуние.

Кайрпре смотрел на небо.

— У тебя мало времени, — сказал он. — Если поймешь, что не справляешься, ключ: "Кровь и огонь". Сделаешь это — назови имя. Но помни: даже я не знаю, кого оно вызовет. Быть может, этим ты убьешь себя... Если же останешься жив — возвращайся в этот дом. Он многому тебя научит. Впрочем, возможно, ты не захочешь учиться.

Диармайд не стал спрашивать, как можно учиться у дома. Ведь дом — это всего лишь строение... Или?..

— Теперь иди, тебе не обязательно видеть то, что здесь произойдет. Спеш! Если луна успеет скрыться — ты пропал. И еще. Когда войдешь в лес — молчи здесь, — он показал на лоб, — иначе они найдут тебя раньше, чем ты их...

Фигура Кайрпре странно увеличилась и засияла золотом.

Диармайд сделал нерешительный шаг к калитке, но голос подстегнул его:

— Живее! Мое время пришло! Убирайся отсюда! — И уже тише: — Удачи тебе, кровь Игна...

. . .

Он не смог пробить стену. Сгустившийся туман отбросил его назад. Но он не сдавался. Кровь на алтаре. Кровь человека!

Жажда убийства разрывала сердце. За века своего плена он впервые испытал такое сильное чувство. Ему хотелось добраться туда, где пролилась кровь. Но туман выставил новый барьер. Пленник тьмы осознал, что не помнит своего имени...

"Почему он назвал меня королем Страны Снов? Что это за страна? Почему я не помню? Ведь я помню, как попал сюда и за что. Но имя! Имя!"

Голос Огня — радужный поток. "Если ты вспомнишь сам — нарушится ход событий. Тебя должны призвать..."

В ее словах — горечь.

"Мы не можем сказать тебе... Но мы поможем тебе ждать..."

Он понял, что проснулся окончательно, но Забвение еще не отпустило его. Упругая стена упорно отодвигала его обратно. Имя! Он должен вспомнить!

И тогда он стал сражаться за каждый шаг. Теперь отступить поздно.

. . .

Казалось, за оградой бушевал пожар. Рыжие отсветы танцевали на кронах деревьев. Диармайд стоял и смотрел, как уходит старый колдун.

Наконец за оградой что-то вспыхнуло, вздулось радужным куполом. Шар огня бесшумно взметнулся в небо. Кайрпре обрел свободу.

Диармайд не сомневался, что тело не найдут. Как не нашли тело его деда. В ночном воздухе гас радужный след. Воин повернулся к нему спиной и побежал. Он должен успеть, пока не скрылась луна.

Глава третья

Все было готово к жертвоприношению. Светило ночи находилось почти в зените. Младший Жрец прислушался. Из загона с жертвенным скотом доносились странные звуки. Они пытаются говорить? Эти обезьяны, некогда уничтожившие великую цивилизацию?!

В мозгу Младшего Жреца возникли картины хаоса и смерти, он вспомнил, как Народ Земли покидал горящие города. Черный Враг преследовал их повсюду, землю устлали кости великих. Да, они пытались сражаться. Их воины были сильны, им подчинялись дикие звери. Но эти обезьяны владели Оружием Ужаса. И сгинули непобедимые легионы... К счастью, мудрые предвидели это. По их приказу было создано это место, и перед войной лучшие из Народа Земли уснули здесь на тысячи лет. Теперь они проснутся...

Младший Жрец потянулся своим сознанием к Воинам, охранявшим лес. "Все тихо. Сегодня захватили еще двоих". Улыбка тронула тонкие губы Жреца. "Эти макаки даже не подозрева-

ют, откуда приходит смерть". Он снова взглянул на луну. Она уже достигла нужной точки.

— Приведите первую жертву. И сообщите Великому, что обряд начался, — приказал Жрец.

. . .

Перебираясь через лес, он убил двоих. Насколько он сумел рассмотреть, они были похожи на людей, высокие и широкоплечие, только глаза их светились в темноте и казались чересчур большими. Впрочем, умирали они совсем как люди. Диармайд сражался не раздумывая. Его ум был пуст, уподобившись глади горного озера. Наука деда и здесь сослужила ему хорошую службу. Твари не заметили, как он приблизился.

Ночной лес обнял воина, открывая потаенные тропы, предупреждая об опасностях. Растворившись в море ветвей и стволов, Диармайд слышал каждый звук и шорох, чувствовал присутствие лесных обитателей, их дружелюбное внимание. "Свой идет!.." И еще чувствовал — там, впереди, его поджидает нечто. Нечто настолько мерзкое и противоестественное, что волосы становились дыбом, грозя пронзить металл шлема.

Лес помогал Диармайду, зная, зачем человек идет в проклятое место.

Воин достиг опушки и увидел алтарь, дымящийся от человеческой крови. Некто, стоящий к нему спиной, деловито расчленял очередную жертву. Уста умирающего не издали ни звука,

когда его трепещущее сердце упало к подножию алтаря.

Младший Жрец подождал, пока Послушники очистят алтарь. Груды жертвенного мяса высились вокруг зеленоватого камня. Привели очередную жертву. Самка. Жрец брезгливо поморщился. Когда-нибудь он тоже станет Великим и во время жертвоприношений будет направлять силу, которую добудут на алтарях Младшие Жрецы, делая за него всю грязную работу. Когда-нибудь... Он не сомневался, что такой день наступит, даже в тот миг, когда почувствовал, как что-то раскаленное пронзило его насквозь. Жрец непонимающе уставился на высунувшееся из его груди острие копья. Черная кровь хлынула из раны, и он упал на алтарь, придавив собой уже приготовленную к закланию жертву.

Диармайд недаром славился умением метать тяжелое копьё. Серебряная молния рассекла темноту... Убитый еще падал, а воин уже был рядом, ухватился за древко и рванул. Тело на алтаре дернулось от рывка и завалилось набок. И тогда в лунном свете Диармайд увидел лицо своего врага... Нет, не лицо — морду.

Плечи Жреца венчала голова огромной змеи. Страшная пасть судорожно открывалась и закрывалась. Глаза чудовища затаились мутной пленкой, когтистые пальцы скребли пробитую грудь, тело дергалось в конвульсиях, словно пытаясь отвлечь смерть. Диармайд спихнул тварь с алтаря, выхватил кинжал и перерезал путы жертвы. Трайни пришла в себя и вскрикнула, предупреждая об опасности. Еще несколько чудовищ напали на воина сзади.

Первая тварь оказалась так близко, что Диармайду пришлось отшвырнуть ее щитом. Не давая ей восстановить равновесие, он вонзил копьё прямо между горящих огнем глаз. Остальные, увидев ее судьбу, остановились и, взяв воина в полукольцо, стали медленно приближаться. Их лапы сжимали прямые короткие клинки. Доспехов они не носили. Диармайд рассмеялся. Глупые твари дали ему шанс. Им бы надо сразу прорываться поближе: в ближайшем бою копьё против мечей немногого стоит. Теперь поздно.

Он бросил щит, взял копьё в обе руки и шагнул вперед. Тварь слева напала с быстротой молнии — и тут же, получив удар тупым концом копьё, рухнула с проломленным черепом. Воин крутанул древко еще и еще раз. Две твари упали наземь. Оставшиеся разом бросились на Диармайда, надеясь, что со всеми он не справится.

В руках Диармайда тяжелое копьё гандеров превратилось в бешеный вихрь. Наконечник с хрустом врубался в тела, твари разлетались в разные стороны. Последняя попыталась удрать, но воин прикончил и ее, настигнув "брошенным" колющим ударом.

Он перевел дух и оглянулся посмотреть, как там сестра. Трайни уже подобрала щит брата и, вооружившись кинжалом одного из убитых, охраняла тыл. "Крепкий все же народ в Гандерланде", — подумал Диармайд. Откуда-то из темноты донесся шум. Воин разобрал человеческие голоса. Видимо, убив Жреца, он снял с пленников чары. "Нужно помочь им выбрать-

ся". Он двинулся на звук, зная, что Трайни следует за ним.

. . .

Великий Жрец вышел из транса. Поток энергии, шедший с поверхности, внезапно иссяк. Здесь, в глубине подземелья, царил тишина, но Великий уже чувствовал возмущение Сил, вызванное тем, что ритуал прерывался. Это грозило большими неприятностями. Что же случилось? Он привычно потянулся к сознанию Младшего — тот переступал Границу Вечности. Убит! Но это невозможно! Воины в лесу задержат любого. Ни одна мысль этих обезьян не может ускользнуть от них... Однако Младший убит.

Великий прикрыл глаза. Надо разобраться. Его Ка отделилось от тела и, легко пронзив каменную толщу, оказалось наверху. Жуткая картина открылась взору. Вооруженные мечами Послушники атаковали человека в доспехах. Огромная фигура врага двигалась с поистине удивительной быстротой. В несколько мгновений он перебил всех. Конечно, Послушники не Воины, но все же их было десять на одного... На миг это зрелище повергло Великого в ужас. Ему показалось, что сам Черный Убийца воскрес и снова пришел мешать им. Нет, разумеется, это не он. Этот без Мечей, и хотя Сила у него немалая, вряд ли он сравнится с Черным. А раз так — Воины с ним справятся... Тем более что враг все же нарушил внутреннюю тишину, с помощью которой обманул охрану.

Великий Жрец вызвал Воинов из Внешнего кольца. Ему предстояло решить, как быть с ритуалом. Видимо, придется дожидаться новолуния. Оно тоже неплохо подходит для Великой Цели.

. . .

Кто-то помогал ему. Кто-то старался открыть путь.

Этот помощник наверняка из Открывающих. Может, тот самый, что вы-жил в недавней битве. Даже здесь чувствовалось, какие могучие усилия он прикладывает. Только знает ли он, кого хочет впустить?

Станный вопрос, особенно когда сам не знаешь — кто ты.

. . .

— Забирайте оружие и уходите! — В ответ на его слова люди начали мрачно перешептываться. Кто-то крикнул: "Когда это в Гандерланде оставляли своих?" Толпа одобрительно загудела. Диармайд выругался.

— Вы не можете помочь мне. Твари снова околдуют вас, а защита есть только у меня. — Он видел, что люди еще сомневаются. — Зажгите побольше факелов и выбирайтесь из леса. Потом соберите ополчение и сравняйте это место с землей...

Властный тон сработал. Здесь все мужчины знали свое место в шеренгах фаланги. Люди двинулись к лесу. Вот зажглись факелы — один, другой. Но, проходя мимо алтаря, толпа приос-

тановилась. Раздались гневные голоса. Кто-то остервенело топтал труп одной из тварей.

— Проклятие! — Голос Диармайда яростно зазвенел. — Да уберетесь вы наконец или нет?! Живее! Они уже рядом!

Люди нехотя подчинились. Вскоре огни факелов затерялись в лесу. И вовремя. Диармайд чувствовал, как сжимается кольцо вокруг поляны. Как нечто неотвратимое надвигается из темноты. В этом кольце был разрыв, и именно по нему уходили сейчас освобожденные пленники. Диармайд направил их туда, где убил в лесу двух тварей. "Значит, сюда идут те, кто умеет сражаться. По-смотрим".

В первую очередь нужно развести огонь. Воин выхватил из поясного кошелья огниво и принялся разжигать костер.

В первый миг ему показалось, что лес шагнул на поляну. Они были очень высокими — самый низкорослый на полторы головы выше Диармайда. Их тела защищали чешуйчатые доспехи. Головы в круглых шлемах повернуты к костру. Змеиные глаза сверкают.

На границе светового круга они остановились. Два десятка. Немного. Но Диармайд видел, что это Воины. "Попался мышонок". Правда, на его стороне осталось преимущество в дистанции боя: в руках твари держали что-то вроде коротких алебард. Костер прикроет спину, но... Слишком велик перевес. Он подумал, не воспользоваться ли сразу именем Силы.

. . .

Губы Огня у самого лица. Ее грудь, обдавая жаром, касается плеча.

"Тот человек, что назвал тебя королем Страны Снов... Вспомни, ты ведь действительно явился ему в сновидении. И он сделал так, чтобы мы с тобой встретились".

Преграда истончилась до предела. В мгновенной вспышке рухнула стена тумана. Теперь лишь тонкая грань отделяет его от мира... Он вспомнил все, но имя... "Проклятие! Как звучит мое имя?!"

. . .

Они не смогли убить его ни в первой атаке, ни во второй. Похоже, его техника владения копьем обескуражила тварей. Однако Диармайд не нанес им серьезного урона — один убитый, два легкораненых. Два удара он пропустил, но, к счастью, доспехи выдержали. Самый опасный был направлен в шею, и если бы не полные наплечники с "крыльями", Диармайд лишился бы головы. Зато нанесший удар валялся перед костром с распоротым брюхом — колющий удар сделал свое дело. "Панцири у них слабые — еще один плюс".

Твари собрались на границе освещенного пространства и будто бы совещались. Диармайду послышалось тонкое шипение. "Поганые змеи!"

Он вдруг поймал себя на том, что продолжает разговаривать сам с собой. А ведь старик предупреждал... Правда, теперь они все равно видят его, но лишняя предосторожность...

Они снова двинулись вперед. Теперь не все вместе. Две тройки с флангов, одна прямо. Знакомая тактика. Из каждой тройки будет сражаться только один, потом смена — и свежий боец вступает в сражение...

Тварям снова не удалось убить Диармайда. Он напал первым. Ведь сражение по их правилам — неминуемая гибель.

Атака на крайнюю правую тройку. Двойной укол, враг отбивает древком алебарды, перевод, полупетля, выпад! Сосед слева не успевает. Его горло взрывается фонтаном черной крови. Отбив, еще отбив. Удар! Оружие врага падает наземь вместе с кистями рук. Тварь издает душераздирающий визг. Сдохни! Последняя отскакивает назад. Отворачиваясь, древком в брюхо. Не спи!

Остальные шесть уже рядом. Поставить их спиной к огню. Быстрое перемещение. Вот угол! Они закрыли его друг от друга! Атака! Двойной колющий, полупетля, веер! Хрясь! Тяжелое лезвие раскалывает шлем. Банг! Гремит наруч — достали-таки! В ответ снова визг — тупой конец копья вломился кому-то в пах... Взяли в кольцо! Маятниковый удар — еще два тела корчатся в свете костра. Оставшиеся двое пятятся к границам круга. Неужто бояться? Это хорошо.

Диармайд посчитал свои потери. Онемело плечо — пропущенный удар был очень сильным. В ушах звенит — неужели попали по шлему? Но когда?

Теперь твари совещались дольше. За это время Диармайд успел окончательно восстановить внутреннее безмолвие. Чувства мгновенно

обострились, и он услышал, как из глубины леса спешит новая волна тварей. Не меньше пятидесяти. И еще что-то. Будто бы где-то рядом горит живой кусочек солнца. Человек?

Наконец твари закончили совещаться. Самая крупная вышла вперед. Вождь? Предлагает поединок? Диармайд шагнул навстречу и, лишь скрестив оружие с противником, понял, что на этот раз его переиграли. Крупная тварь связала его боем, а остальные напали с боков. Первый же удар едва не прорубил набедренник. Диармайд пошатнулся. Наконечник его копья с хрустом вломился под чей-то шлем... и застрял! Он рванул древко на себя, одновременно прыгая вперед, ударил ногами пробитое копьем тело. Наконечник освободился... В тот же миг звездное небо упало ему на голову. Воин рухнул на колени и сквозь застилающий глаза кровавый туман увидел падающую с небес алебарду...

Что-то взорвалось серебряным звоном. Щит отразил падение. Проскрежетав по щиту, алебарда вонзилась в землю, а ее хозяин рухнул рядом, подхватив вываливающиеся внутренности. Враги отпрянули.

Диармайд нащупал среди травы древко копья и попытался подняться. "Кто? — вертелось в его мозгу. — Кто?!" Крепкая рука подхватила его под локоть.

— Вставай, любимый! — Голос Грайне слышался будто издалека. — Они сейчас поймут, что я всего лишь женщина...

. . .

Второй раз за эту ночь Великий Жрец вышел из транса. Все его существо содрогнулось от омерзения — наверху происходило нечто настолько отвратительное, что Великий даже утратил способность рассуждать спокойно. Когда его Ка снова оказалось на поверхности, он понял, что требуется немедленное вмешательство. Откуда взялась человеческая самка, Жрец не знал. Да это и неважно. Эти самец и самка составляли "Истинную пару", против которой трудно устоять даже Старшему Жрецу! Рядом с ним горел костер. Ненавистный Огонь — враг Народа Земли! Оставшиеся в живых воины первого отряда испуганно жались к опушке леса. Даже второй отряд Воинов, что находился на подходе, не смог бы спасти положение. Значит, остается последнее — он сам. Он не Старший, он — Великий Жрец, и он справится с "Истинной парой". Жрец поднялся с трона. Корона из лунного камня мрачно блеснула во тьме подземелья. Воздев когтистые руки, он начал готовиться к переходу.

. . .

"Ничего себе — всего лишь женщина!" — подумал Диармайд, когда их поцелуй прервался. Кроме убитой им твари перед огнем валялось еще три. Одна — с выпущенными кишками, и две — с подрезанными поджилками. Диармайд посмотрел на Грайне. В отсветах костра девушка казалась богиней войны. Сильное стройное тело, русая коса до пояса, глаза горят яростью битвы — не женщина, боевой лук! Он даже не

спросил, зачем она здесь, и не стал уговаривать уйти. Это ее выбор. К чему тратить последние мгновения жизни на глупости? Воин почти не сомневался в том, что они действительно последние. Твари перед костром перестали нападать — видимо, ждали подкрепления. Но хуже всего было то, что начало шевелиться под холмом. Диармайд чувствовал его ненависть, древнюю, как сама Земля. Холодный огонь пробежал по его жилам. Он понял, что пришло время Слова.

Когда он повернулся лицом к костру и вонзил копьё древком в землю, Грайне не спросила — зачем. Она просто встала рядом и сказала, ударив по щиту коротким мечом:

— Я взяла это у Трайни. Решила, что тебе он больше не нужен. — Помолчав, девушка добавила: — Прикрою тебе спину.

"Каким воинам могла бы ты стать матерью, любимая! — подумал Диармайд, доставая кинжал. — Жаль — не судьба нам детей вырастить". Он отстегнул пластину наруча, защищающую левое предплечье, и вонзил лезвие в руку. Хлынула кровь. Пламя костра взвилось навстречу тяжелым багровым каплям, и вспыхнул огонь. Грайне всхлипнула. Диармайд, не поворачиваясь, понял: явилось то, что пряталось под холмом. И сказал слово! И это слово было "Кул"!!!

. . .

Его имя, произнесенное Там, отдалось во тьме громовым ревом. Плотина сна взорвалась. Неистовый поток воспоминаний растерзал ее

на части и унес в небытие. И пленник Слова вспомнил.

В неистовых битвах он сокрушил нечеловеческое племя змеелюдей. Его флот обогнул весь мир, уничтожая врагов. Их кости покрыли поверхность земли, их города исчезли... Но он не выполнил клятву, данную страшными именами. Ведь он дал Слово уничтожить всех тварей. Они обманули его и уснули в гробницах, а он не смог найти спящих. Тогда боги отняли у него смерть и жизнь, оставив лишь забвение. Бесчисленные века он ждал своего часа, а Духи мечей Огня и Воздуха охраняли его сон...

Другие помогали ему. Но осталось еще место, где сотни чудовищ ждали своего пробуждения. Из безвременья он чувствовал их присутствие, но не мог дотянуться. Но вот кто-то позвал его по имени, и пленник собственной клятвы освободился. Осталось сделать лишь шаг.

Кулл встал на ноги и потянулся. Битва грядет. А что потом — неважно...

. . .

Жрец заставил самку человека подчиниться своей воле и приказал ей: "Убей!" Она повернулась к самцу и... рассмеялась! Нет! Она должна подчиниться! Неужели он, Великий Жрец, не справится с этой обезьяной?! Он удвоил усилия, и тут... человек у костра назвал Имя! Он произнес его тихо, но Имя громом прокатилось по поляне. Устремившиеся в атаку Воины замерли каменными изваяниями. Глаза Великого Жреца вылезли из орбит. Он открыл пасть, чтобы закричать, но не успел.

Костер посреди поляны взвился столбом режущего пламени. В его недрах почудилось движение. В струях огня изгибались чьи-то тела. Потом они разошлись в стороны, и могучий воин в черных доспехах шагнул на поляну. За его плечами развевался плащ из языков багрового огня. Голова в шлеме с гребнем повернулась в сторону Великого Жреца, и тот увидел, как полыхнули рыжим пламенем глазницы. Воин вытянул руки в стороны, и женские фигуры тоже шагнули на поляну. Одна — сполох огня, другая — вихрь ветра. Миг — и в руках воина два меча. Огонь и Воздух!

— Черный Убийца... — прохрипел Великий Жрец, и его поглотила волна чудовищного жара.

. . .

Наутро ополчение гандеров окружило холмы. В воздухе носилась черная копоть. Пахло паленым мясом. Сохраняя осторожность, воины ступили на проклятое место. Их взорам предстала картина смерти. Кое-где земля была выжжена на несколько локтей в глубину.казалось, что в глубине земли образовались полости. Всюду валялись обугленные кости чудовищ, а на месте самого большого холма зияла яма с оплавленными краями. По рядам воинов прокатился вздох изумления.

На дне гигантской воронки зеленел островок травы. И на этом островке, укрытые плащом немыслимо алого цвета, спали двое. Их светлые волосы смешались на яркой зелени. Сильная рука воина обняла обнаженное плечо женщи-

ны. Доспехи были разбросаны вокруг, но меч Диармайд положил рядом...

— Эй! — крикнул кто-то из воинов. — Диармайд! Зарю проспишь! С тебя свадебный пир и сага о битве!

Диармайд приподнялся на локте, глянул наверх и сказал:

— А ну уберите отсюда свои бесстыжие глаза! — А потом, невпопад, добавил: — Он сказал, что свободен...

ЖУМ

ВЛУЗЫЙСКЕ
БОИ

..B.

ВАЛУЗИЙСКИЕ БОИ

Существует ли настоящая любовь? Во времена короля Кулла далеко не все задумывались над этим. Многие мужчины и женщины просто жили парами, порой даже не помня, когда и как их свела судьба. Жены покорно ждали мужей, а те неизменно возвращались в семью после трудов или битв. Где-то на полках пылились древние законы о супружеских отношениях — авторитет предков весьма чтили, — но в жизни мужчина обычно добивался расположения своей будущей спутницы при помощи меча, кошелька или, на худой конец, родового титула. Мало кому приходило в голову называть это естественное течение жизни каким-то особым возвышенным словом. Может быть, и зря. Вот история Парафта и Сэлы.

. . .

Днем журчание ручья, протекающего вдоль руин древней крепостной стены, напоминает беззаботный детский лепет, но вечером, когда лунный свет разбивается в воде на мириады серебряных звездочек, вся местность наполня-

ется звуками дивной чарующей музыки. Кажется, что где-то среди развалин притаился и выводит свою грустную мелодию одинокий флейтист. Раньше эти огромные камни помогали валузийцам защищать столицу от постоянно осаждавших ее врагов. Потом город разросся, вокруг него возвели новые стены, а старые, разобрав, где было необходимо, оставили мирно доживать свой век. С годами валуны осели в землю, потрескались, обросли кустарником и стали похожи на стариков, присевших отдохнуть да порадоваться вечному обновлению жизни.

Неизвестно, кто соорудил в укромном уголке дикого сада нехитрую деревянную беседку для встреч влюбленных, но, несомненно, это был мудрый и благородный человек. Не счесть состоявшихся здесь свиданий, вырвавшихся признаний, жарких клятв и уверений в вечной любви. Не в первый раз пришла сюда и эта парочка.

Мысли влюбленных парили в будущем. Парафг ласково гладил колени своей подруги и купал лицо в ее черных как уголь волосах. Сэла была прекрасна. Большие, чуть раскосые, карие глаза смотрели на него преданно и влюбленно. Щеки молочного цвета алели при каждом прикосновении кавалера, а розовые губки с нетерпеливой истомой ждали очередного поцелуя. Каждый день Парафг благодарил богов за то, что одна из первых городских красавиц благосклонна к нему — незнатному парню с заурядной внешностью, нескладному и грубоватому. Его постоянно терзало жгучее желание совершить какой-нибудь великий подвиг, что-

бы показать всему миру, что выбор девушки правилен. Но в жизни, которую вел молодой человек, места для таких подвигов не было.

— Мой милый Парафт,— прощепетала Сэла, к которой после бурных долгих поцелуев возвращалась присущая ей словоохотливость,— ты опять покинешь меня? Я с трудом переношу разлуку. Всякий раз боюсь, что ты не вернешься, места себе не нахожу. Вышиваю — пальцы колю, потому что думаю только о тебе; воду мимо кувшина лью; только справлюсь с делами — бегу к окошку на улицу поглядеть: вдруг ты мимо пройдешь? Вчера забыла, как новую служанку зовут. Надо бы позвать, а мне на язык одно просится: «Парафт, Парафт!» Я глупая, правда? Зато я люблю тебя, как никто не любит на белом свете!

Девушка, смеясь, обвила шею Парафта прелестными руками. Порывы ее нежной души сменялись с такой стремительностью, что часто, начав говорить об одном, Сэла незаметно для себя перескакивала на другое. Но молодой человек уже хорошо изучил характер своей возлюбленной и понимал, что за этими перепадами скрывается тревога и озабоченность. И обнял-то она его, чтобы скрыть внезапно нахлынувшие слезы. Однако чем Парафт мог ее утешить?

— Любовь моя,— неуверенно пробормотал он, повернув лицо девушки к себе и осторожно смахнув с ее щеки слезинки,— что ж ты плачешь?

Улыбнись немедленно, ведь у тебя такая красивая улыбка. Я не покину тебя, я приехал на-

долго. Ты знаешь, что начинаются Большие Валузийские Бои?

Сэла кивнула.

— Я буду там,— продолжал Парафт.— Конечно, не ради победы — я еще молод, а на Боях соберется много сильных, опытных воинов. Я хочу посмотреть на них. Все это время я буду рядом с тобой, мы будем видаться часто-часто. Я ведь всегда возвращался к тебе, правда?

— Правда,— отозвалась девушка.— Но потом снова куда-то уходил.

— Мы с тобой не раз говорили об этом.— Стараясь скрыть досаду, Парафт тщательно подыскивал нужные слова.— Я вынужден часто бывать в разъездах, иногда очень долгих. Но где бы я ни был, всегда вспоминаю тебя, думаю о тебе. Только воду мимо кувшина не проливаю... Со временем я навсегда вернусь в Валузию. У нас будет свой дом, дети... Все будет хорошо.

— Все будет хорошо,— словно эхо повторила девушка и мечтательно вздохнула.— Я так хочу этого. Все мои подруги уже вышли замуж, стали такими важными. Теперь от них только и слышу: «муж подарил мне ожерелье», «муж скоро займет важный пост при дворце», «мы приглашены на прием к королю». А на меня смотрят как-то странно...

— Почему? — неожиданно для самого себя спросил Парафт, прекрасно зная, что услышит в ответ. В последнее время их свидания не обходились без подобных разговоров, и увильнуть от них стало невозможно.

— Ах, милый,— кокетливо затараторила Сэла,— как будто ты не понимаешь... Я ведь заси-

делась в невестах. Все только об этом и говорят. Мои ненаглядные подружки, старушки какие-то неизвестные, родственники — их, оказывается, у нас очень много! — все ищут мне жениха. Даже прислуга, подумай только! Каждый день мне приносят приглашения на балы: «Там будет этот, там будет тот...» Я ведь красивая? Вот и ищут подходящую партию. А все потому, что никто не знает, что у меня есть ты. Встречаемся-то мы тайно... и редко.

Девушка зарыдала и вновь обняла Парафту.

— Надо подождать,— только и смог проговорить юноша.— Верить и ждать.

— Почему ты не поговоришь с моим отцом? — спросила красавица, заглянув ему в глаза.— Он поймет. Мой отец — добрый человек и души во мне не чает. Он все сделает, лишь бы я была счастлива. Ты ему понравишься, я чувствую, и он поможет нам. Его уважает король, он устроит тебя на службу. Может быть, тебя даже возьмут в Алые Стражи — ты ведь сильный. Поговори с моим отцом!

Слезы девушки вмиг высохли. Сэла снова улыбалась, в ее глазах замелькал игривый огонек:

— Кстати, отец тоже будет искать мне жениха, и как раз на Больших Валузийских Боях. Сам вчера сказал мне: присмотрю, мол, тебе жениха посмелее да половчее. А вдруг в самом деле найдет? Что мы тогда будем делать? Отец добр, но если ему что в голову взбредет — не отстанет. Непременно поговори с ним. Обещаешь?

И Парафту ничего не оставалось, как сказать:

— Обещаю.

Тем временем совсем стемнело и похолодало. Влюбленным пришла пора расставаться. Вплоть до последнего поцелуя они больше не проронили ни слова. Проводив Сэлу домой и подождав, пока ее силуэт растает в тени увитой плющом стены, Парафт медленно побрел к себе. Вырвавшееся обещание не давало ему покоя. Отец Сэлы был богатым ремесленником, уважаемым в столице человеком. Разве он удостоит вниманием юношу без роду и племени? Может, даже и в дом не пустит... А если и пустит, то наверняка лишь для того, чтобы поднять на смех и выгнать уже навсегда. Что скажет ему Парафт, чем сможет подкрепить свои притязания на его красавицу дочь?

Молодой человек брел по безлюдным улочкам Хрустального города и даже представить себе не мог, как выполнить то, что сгоряча пообещал своей возлюбленной.

. . .

Утром Кулл вместе с верным другом Брулом отправился проверять, все ли готово к началу Больших Валузийских Боев. Состязания проводились на построенной между холмами арене, там, где раньше шли бои гладиаторов. Протекавшую в долине речушку отвели в сторону через искусственную протоку; старое русло/засыпав опилками и песком, тщательно утрамбовали, многократно прогнав конские табуны. Площадку окружили невысокой каменной оградой, за которой расположились трибуны для зрителей. Особое впечатление производила

отделанная розовым мрамором королевская ложа. К ней примыкали несколько десятков именных лож аристократов, украшенных резбой и чеканкой. Сиденья для уважаемой, но все же незнатной публики сложили из тесаного камня. Простой народ занимал места на деревянных скамьях, а то и на вершинах близлежащих холмов.

Пройдя в ложу, друзья осмотрелись. Арена была аккуратно подметена, деревянные настилы в проходах обновлены. С противоположной трибуны доносился перестук топоров — мастеровые спешно сколачивали навесы. Повсюду маячили фигуры стражников.

— Знакомые места,— вздохнул Кулл.— Немало я пролил здесь чужой крови. И своей не жалел. Для чего? Для кого? Для глупцов, которые на войне прячутся за кустами, а в мирное время жаждут хруста чужих костей?

— Забудь,— посоветовал Брул.— На твоём месте я, наоборот, приказал бы установить на Арене гранитную плиту и высечь на ней какую-нибудь историческую фразу. Например: «Здесь впервые предстал перед народом Валузии великий король Кулл».

— Да, золотые денечки,— усмехнулся атлант.— Валка дал мне силы пройти это испытание. Теперь буду сидеть в королевской ложе и наблюдать, как такие же глупцы или их отпрыски дубасят друг друга палками, изо всех сил стараясь заслужить мое внимание. Игра судьбы!.. Не понимаю я таких забав, а смотреть придется. Вчера Ту целый день твердил мне о древних традициях, о королевском долге, о святой обязанности монарха на праздниках быть

рядом с народом. Пришлось дать старику слово, что буду вести себя благопристойно. Есть ли разница между гладиатором и королем, если тот и другой вынуждены подчиняться: один — чужой прихоти, другой — дурацким обычаям?

— Позволь и мне задать вопрос, — лукаво усмехнувшись, сказал пикт. — А гладиатор Кулл тоже не усматривал разницы между ареной и ложей? Думал ли ты, что человек с короной на голове способен сочувствовать тебе, но не в силах пойти наперекор свихнувшейся от скуки толпе? Он тоже мог дать кому-то честное слово. Сдается мне, что тогда ты точно знал, у кого из вас больше свободы, и не предавался подобным размышлениям.

Кулл не нашел что сказать в ответ и примитивно махнул рукой. Толпившиеся поодаль слуги поняли этот жест по-своему и мгновенно выставили на стоявший в углу стол кувшины с нектаром и блюда с фруктами. Следом за ними в ложе появился смотритель Арены и вопросительно взглянул на короля. Его красный от волнения лысый череп был покрыт испариной, а глаза беспрерывно моргали.

— Как дела? — лениво спросил Кулл, кивком головы показав чиновнику на стол. — Все в порядке?

— Именно так, Ваше Величество! — бодрым голосом отрапортовал тот. — Весь мусор убран, имущество приведено в порядок, сиденья отремонтированы. Охрана выставляет на ночь Алых Стражей... то есть, виноват, Алые Стражи выставляют ночь на охрану... Тьфу, прошу прощения, Ваше Величество, Алые Стражи выставляют на ночь охрану. Пикеты установлены

и на подходах к Арене, так что беспорядков не будет. Места на трибунах размечены и продаются с наибольшей выгодой для казны — таково указание Главного советника Ту.

Выпалив все, что считал нужным, смотритель попытался взять кубок, но из-за нервной дрожи пролил напиток на белую скатерть, отчего его череп стал просто пунцовым.

— А там что строят? — спросил Брул. Ему стало жаль беднягу, для которого провалиться в этот момент сквозь землю было бы наилучшим выходом.

— Загон для женщин, — хрипло выдавил из себя чиновник.

— Что? — в один голос изумленно воскликнули друзья.

— Виноват, — вконец растерялся хранитель Арены, — заговорился... По распоряжению Главного советника Ту сооружаем особую, изолированную от других, трибуну для женщин.

— Разве женщины допускаются на состязания? — удивился Кулл. — Я считал, что нет.

— Именно так... то есть не совсем, Ваше Величество, — пролепетал чиновник. — В прежние времена категорически не допускались. Виновным в нарушении запрета даже, бывало, вырывали язык, чтобы они не могли рассказать о том, что увидели. Но женщины все же ухитрились проникать сюда тайком. Переодевались в мужское платье, обольщали стражников... В общем, их почему-то неудержимо влекло на Арену, и постепенно на их присутствие стали смотреть сквозь пальцы... Теперь решено построить трибуну только для них. Пять нижних рядов — кресла со спинками, остальные —

обычные, только накрытые скамейками, ковры... Ох, наоборот, Ваше Величество. Все почти готово, заканчиваем натягивать навесы от солнца. Так велел Главный советник Ту.

Кулл с Брулом расхохотались. Смотритель с ужасом в глазах навывтяжку стоял перед ними и, как только король разрешил ему уйти, ментально исчез.

— Довели старика Ту дворцовые интриганки! — восхищенно воскликнул атлант. — Это он мне, королю, смеет говорить о традициях! Это я, Кулл, обязан их соблюдать. А с женщинами справиться не смог! Тоже мне, «железный канцлер».

Копьебой согласно кивал, а потом, справившись с приступом хохота, заметил:

— Однако при тебе смотритель Арены чересчур робеет. Видимо, он застал то время, когда король служил гладиатором. Ты его не помнишь?

— Нет, не помню, но, похоже, ты прав. Не могу же я одним своим видом нагонять такой страх.

Король еще раз напряг память, но безрезультатно.

— Нет, не помню, — вздохнул он. — Тогда они все были для меня на одно лицо. И кстати, многие служители Арены относились к нам хорошо. Не то что публика.

Брул уже пожалел о том, что напомнил королю о прошлом:

— Кулл, хватит воспоминаний. Надо жить настоящим. Соплякам, которые будут лупить друг друга на Арене, неведомы твои переживания. Они верят в свою удачу и хотят отличить-

ся в присутствии короля Валузии. Они мечтают прославить свое имя и проложить себе путь наверх. Конечно, многих ждет разочарование. Юношей побьют более опытные мужи. Но это закалит их характер и пойдет на пользу государству. Ты должен поддержать их, а не вспоминать, что в молодости бился тут не на жизнь, а на смерть. Они-то при чем?

— Мужчины прокладывают свою дорогу иначе,— нахмурился король.— Для этого существуют войны.

— Ты заблуждаешься,— не сдавался пикт.— Войны — это совсем другое. Убивая врага в сражении, настоящий мужчина не кичится своим боевым умением. Он просто применяет его, не замечая. Ведь не обращаем мы внимания на то, что дышим... А это — состязание. Убивать никого не надо. Важно оказаться сильнее. Хитрее. Удачливее.

— Ты случайно не впал в детство? — усмехнулся Кулл.— Может, и ты захотел стать победителем Больших Боев? — с нескрываемым сарказмом спросил атлант.— Копьебой полюбил клоунаду!

— Да,— серьезно проговорил Брул.— Я бы не отказался от такой чести.

Кулла поразили стальные нотки в голосе пикта. Он внимательно посмотрел на друга, проверяя, не шутит ли. Но тот явно не шутил.

— Валка! — простонал король.— А тебе известно, что Алым Стражам и другим воинам короля запрещено участвовать в Боях? Поехали во дворец, я попрошу Ту рассказать тебе об этом законе.

— Он мне известен,— вздохнул Брул.— Но ведь я не на службе у тебя. И к тому же я чужеземец. На них этот запрет не распространяется.

— Брул, я умру со смеху,— воскликнул король,— если увижу тебя с деревянным мечом в руках! Ну и ну! Ты — поклонник дурацких игрищ?! Запрет предков свят и нерушим!

И, не желая продолжать казавшийся ему нелепым разговор, Кулл молча повернулся и вышел из ложи.

. . .

Для оружейника Скирка этот день выдался богатым на события, из тех, что запоминаются на всю жизнь. Когда солнце стало клониться к закату, он извлек из сундука свой лучший наряд — белоснежный, расшитый золотом хитон, подпоясался широкой голубой шелковой лентой, перекинув ее концы через плечо, и отправился в королевский дворец. Там его уже ждали и без промедления провели в Зал Совета.

— Дружище Скирк! — оживился Кулл, увидев мастера.— Рад тебя видеть! Ты принес свой чудо-меч? Надеюсь, он не из дерева, которое вдруг полюбили в этом королевстве.

Атлант выразительно посмотрел на стоявшего поблизости Брула. В ответ пикт как-то странно улыбнулся.

— И я счастлив лицезреть правителя Валузии в добром здравии и хорошем расположении духа.— Как всегда, Скирк был исключительно любезен.— Благодарю тебя! Изготовить приз для победителя Больших Валузийских Боев большая честь! Да, моя мастерская выполнила и другой

заказ — снабдила атлетов деревянным оружием. Я прихватил с собой несколько образцов. Это отнюдь не детские игрушки, при желании ими можно серьезно изувечить человека. Принес я и главную награду. Но говорить о ней ничего не буду, ибо с нетерпением жду оценки такого знатока, как великий король Валузии Кулл...

Атлант давно знал Скирка, снабжавшего армию первоклассным оружием. Мечи, кинжалы и копья получали в его кузницах великолепную закалку, а отделка удивляла своим изяществом самых дотошных ценителей. В народе даже говорили: «В Валузии армия большая — Скирк, Кулл и остальные. Один кует, другой воует, остальные празднуют победу». Вдобавок мастер зачастую сопровождал короля в походах, хорошо разбирался в военном деле и весьма умело орудовал мечом. Поэтому Кулл снисходительно прощал Скирку высокопарность речей, так раздражавшую его в остальных.

Вот и сейчас, лишь завершив длительную тираду, Скирк подал слугам знак, и те положили к ногам короля продолговатый футляр из слоновой кости. Нетерпеливо открыв его, Кулл восторженно присвистнул: внутри длинной коробки лежал невиданной красоты меч. Бережно взяв оружие в руки, атлант сразу почувствовал, что за утонченностью формы скрывается грозная разящая сила. Обоюдоострый стальной клинок длиной почти в три локтя, на самом острие был чуть скошен, что придавало особую опасность колющим ударам. Отполированная до зеркального блеска поверхность клинка только на первый взгляд казалась хрупкой: ис-

пользуя лишь ему известные сплавы, Скирк добивался поразительной прочности металла. Под стать клинку была и рукоять. Удобная для захвата как одной, так и двумя руками, она позволяла держать меч уверенно, без чрезмерного напряжения мышц. Специальными зажимами к рукояти крепился узкий бронзовый кинжал, а ее основание украшали две крупные сапфировые звезды и рубиновый шарик.

Не в силах сдержать возбуждение, король выбежал на середину зала и сделал несколько замахов. Легкий и послушный меч с грозным свистом рассек воздух, заставив находившихся поблизости невольно попятиться к стенам. Окинув зал взглядом, Кулл радостно крикнул Скирку:

— Где твои деревяшки?

Слуги быстро выложили перед королем горку из деревянных мечей. Коротким ударом атлант тут же разрубил их в щепки. Но и этого ему показалось мало. Позвав одного из Алых Стражей, Кулл приказал ему что есть силы ударить по мечу

Скирка. От столкновения клинков посыпались искры. На мече стражника появилась большая зазубрина, а оружие Кулла осталось целым, без единой царапины.

— Великолепный меч! — восторженно воскликнул король. — Ради него я даже готов снова выйти на арену.

— Я делал его для себя, — поведал мастер, но, спохватившись, поправился: — Вернее, как бы для себя. Это мой самый лучший меч. Только боги знают, как усердно я трудился над ним. Вложил всю душу, все знания, накопленные в

нашем роду за много поколений. Несколько лет подбирал сплавы, определял нужную температуру огня. Даже новый молот сделал. Теперь он словно продолжение моей руки. Прошу прощения, я увлекся. Мне приятна твоя похвала, Кулл. Я счастлив.

Главный советник Ту принял из рук короля удивительный меч и окинул его одобрительным взглядом. Хитрый старик знал, что Скирк, скорее всего, откажется от предложения, но ради приличия все-таки сказал:

— Должно быть, меч обошелся тебе слишком дорого. Мы можем возместить понесенные тобой расходы...

— Что ты говоришь, Ту? — негодуя пре-
рвал его мастер. — Это мой подарок королевст-
ву. Но одна просьба у меня все-таки есть. Моя
дочь ни с того ни с сего захотела присутство-
вать на Больших Валузийских Боях. Знать бы
заранее, мы бы купили место. Но молодые дамы
так переменчивы: вчера — одно, сегодня —
другое... Не могли бы вы помочь?

— Это все? — поразился Кулл. — Какой пус-
тяк! Завтра же на Арене появится именное
кресло для дочери Скирка. Ту распорядится.

Главный советник поморщился, представив,
сколько скандалов вспыхнет из-за непредви-
денной перепланировки заранее распределен-
ных мест, но предпочел промолчать, чтобы не
разгневать монарха. Обменявшись с королем
еще парой фраз, Скирк поспешил откланяться.
А Кулл, сидя на троне, долго размышлял о том,
какие необычные просьбы звучат теперь в Зале
Совета.

. . .

Вечером оружейнику Скирку пришлось принимать посетителя. Слуги доложили, что в гостиной его ожидает неизвестный юноша. Сквозь замаскированное под зеркало смотровое окно мастер разглядел устроившегося в углу зала высокого, немного неуклюжего парня с открытым лицом. Его светлые волосы были аккуратно собраны на затылке в перевязанный узкой ленточкой пучок.

«Должно быть, это и есть тайный воздыхатель моей девочки,— усмехнулся Скирк.— Она, конечно, умница, прощелыгу к себе близко не подпустит, но все же... Что-то я его раньше нигде не видел. А видеть я мог, пожалуй, всех настоящих мужчин Валузии».

Оружейник велел слуге сообщить гостю, что хозяин только что вернулся с приема в королевском дворце и скоро выйдет к нему. На лице юноши ничего не отразилось, он лишь затеребил в волнении полу своего плаща. Это понравилось Скирку, но, входя в гостиную, он нахмурил брови и постарался придать голосу строгость:

— Кто ко мне пожаловал в столь позднее время? Я устал и прошу изложить суть дела без лишних слов.

А про себя подумал: «Наверное, я сейчас похож на короля». Скирк очень уважал Кулла и порой невольно стремился походить на него.

— Меня зовут Парафт,— быстро поднявшись, ответил гость.— Я пришел поговорить с тобой, достопочтенный мастер Скирк. Этот

разговор очень важен для меня, поэтому прошу уделить мне время.

Скирк нахмурился и недовольно взглянул на молодого человека. Когда король говорил ему «ты», прославленный мастер считал это честью для себя. Но какой-то никому не известный юнец...

— Не знаю, где ты научился так бездарно тратить драгоценное время,— сердито сказал оружейник,— но в этом доме тебе не удастся применить это умение. Говори, зачем пришел, а не сотрясай воздух впустую.

Юноша опустил глаза, но лишь на миг, затем вскинул голову и твердо произнес:

— Я люблю твою дочь Сэлу и хочу взять ее в жены.

Бесхитростность и прямота его слов обезоружили Скирка. Мастер вдруг почувствовал необъяснимую симпатию к необычному гостю, напомнившему ему собственную молодость. Давным-давно еще совсем юный Скирк вот так же наивно и храбро вошел в дом коменданта пограничной крепости и попросил руки его единственной дочери. От возмущения комендант — выдававший виды бывалый вояка — лишь потрясал в воздухе огромными кулаками. Скирк был с позором изгнан, а на следующую ночь вместе с красавицей Лиганой бежал куда глаза глядят.

Воспоминания о жене, через несколько лет после рождения дочери злодейски убитой разбойниками, омрачили душу Скирка. Он тяжело вздохнул и, присев на первый попавшийся стул, отсутствующим взглядом уставился на

Парафта. Не понимая причин возникшей паузы, юноша в отчаянии прошептал:

— Сэла тоже любит меня. Спросите ее, если не верите мне.

Скирк рассеянно усмехнулся:

— Зачем спрашивать? Я и так знаю.

— Знаете? — удивился Парафт.

— Молодой человек, — устало махнул рукой оружейник. — Неужели ты думаешь, что отец Сэлы наивен, как ребенок, и слеп, как старик? Что я знать не знаю, где она пропадает по вечерам? Я выгнал прежнюю служанку, но моя красавица и с новой уже договорилась, чтоб та помогала ей тайком уходить из дома и бегать к тебе на свидания. Я же ей не чужой человек, я отец... и я никому ее не отдам, никому... то есть кому попало не отдам. Вот так. А то, в чем вы там друг другу клянетесь, — это быстро проходит. Забывается, как вчерашний день...

И Скирк монотонно забубнил что-то ужасно назидательное. Он говорил о нравах нынешней молодежи, потом со слезами на глазах начал вспоминать свою нелегкую молодость и, уж конечно, не забыл упомянуть, что теперь все трудности позади и ему, Скирку, есть чем гордиться. Парафт догадался, что сейчас хозяину не до гостя, ему важнее собственные переживания, и счел разумным дать мастеру выговориться.

Наконец Скирк замолчал, вздохнул, нахмурил брови и испытующе посмотрел на Парафта.

— Вот что, Парафт. Ты, может быть, и неплохой человек. Скажу больше — ты мне нравишься. Я знал, что рано или поздно ко мне явится какой-нибудь ухажер моей дочери. Но

пойми меня правильно: ведь так не бывает — пришел, попросил, получил. Взгляни на себя со стороны. Кто ты такой, чтобы я отдал тебе единственную дочь? «Меня зовут Парафт»! Ну и что? Понимаешь, о чем я говорю?

— И дурак поймет! — В глазах юноши сверкнула обида.— Я все понял. Завтра пойду на базар, куплю камзол с позолотой, одолжу у друзей кошелек потолще, брошусь в ноги королю и умолю его подарить мне самый никудышный графский титул — тогда у нас будет другой разговор. Не так ли? Как не понять...

— Эх, ты и в самом деле дурак! — беззлобно рассмеялся Скирк.— Запомни: ни за титулом, ни за богатством я не гонюсь. В них, конечно, ничего плохого нет, но и счастье, я давно это знаю, состоит не из них. Впрочем, до таких мыслей ты еще не дорос... Надо же! Взял и явился ни с того ни с сего... Ты бы сначала показал себя в деле!

Доколе в прятки играть? Сэлу я больше никуда не пущу — запираю стану, если потребуется. А ты... В армию подайся, что ли. Мужчина должен быть при деле.

Парафт понял, что разговор подходит к концу.

— Если я выиграю Большие Валузийские Бои, отдашь за меня Сэлу?

— Что? — растерялся Скирк.

— Завтра начинаются Большие Валузийские Бои,— стараясь говорить спокойно, повторил юноша.— Я в них участвую. Если я их выиграю, ты дашь согласие на нашу свадьбу?

— Ты спятил! — негодуя вскричал мастер.— Большие Бои — это мечта каждого валу-

зийца! Каждого! Таких, как ты, там отшвыривают в сторону. И ты говоришь о победе? Послушай, мальчик, я же не Сэла, чтобы сказки слушать!

— Может, не будем зря тратить время? — пожал плечами молодой упрямец. — Ты просто ответь — да или нет?

«Безумец! — В душе оружейника все кипело от возмущения. — Вот до чего договорился! Видать, и впрямь ничего не умеет, кроме как прихвастнуть. И ведь пришел, наглец, в мой дом!»

Скирк решительно поднялся со стула, но, прежде чем показать нахалу на дверь, приблизился к юноше, грозно сдвинув брови:

— Вижу, что ты не слабак. Руки крепкие, шея и плечи как у хорошего борца. Видно, есть в тебе какая-то сноровка — я в этом никогда не ошибаюсь. Но насчет победы ты загнул, мальчик. Выдержки не хватит. Закалки... Но все же я согласен на такой уговор: выиграешь Большие Бои — отдаю тебе Сэлу.

— Не передумаешь?

— Не передумаю, — отрезал Скирк. — Приходи и забирай. Но не забудь сначала выиграть. А не выиграешь — чтоб ни слуху ни духу. Значит, недостоин Сэлы.

Пристально посмотрев Скирку в глаза, Парафт молча повернулся и, не прощаясь, быстрым шагом вышел из дома оружейника.

. . .

Большие Валузийские Бои проводились всякий раз, когда страна целый год не участвовала в войне. В державе, на границы которой посто-

янно покушались враги, такой повод возникал крайне редко. Да и сама Валузия в былые времена из-за агрессивности и непомерного честолюбия своих правителей частенько выступала зачинщицей кровавой сечи. Старики еще могли припомнить два или три состязания, но большая часть народа знала о боях лишь по летописям и легендам.

Поэтому с раннего утра толпы горожан двинулись к Арене, намереваясь забраться на вершины окружавших ее холмов, откуда — хотя и с трудом — можно было наблюдать за происходящим на ристалище. Однако их надежды не сбылись: и холмы, и росшие на них деревья уже облепили такие же любители зрелищ, для верности занявшие места со вчерашнего вечера. О местах на трибунах нечего было и мечтать — их раскупили в считанные часы после первого объявления о проведении Боев. Некоторые кварталы Хрустального города обезлюдели настолько, что для предотвращения ограблений торговых лавок пришлось выставить дополнительные дозоры и секреты Алых Стражей.

Об этом сообщил Куллу за завтраком командир его личной гвардии Келкор. Быстро расправившись с легкой трапезой, атлант в сопровождении офицера и роскошно нарядившегося Ту отправился на Арену. Отсутствие Брула не смутило короля: он только усмехнулся, решив, что неугомонный пикт уже давно устроился в королевской ложе. Дорогу именитым всадникам то и дело преграждали шумные толпы празднично одетых валузийцев: они без устали махали самодельными знаменами, били в барабаны и горланили здравицы в честь короля и

армии. Скакавшие впереди Алые Стражи бесцеремонно расчищали путь, но, увидев монарха, люди прямо-таки лезли под копыта лошадей и плети охранников. «Кулл! Кулл! Кулл!» — неслось со всех сторон.

Еще большее столпотворение царило на ближних подступах к Арене. Смирившиеся с тем, что на состязания им поглазеть не удастся, горожане разбили здесь лагерь. В небе развевались воздушные змеи, вился дымок от костров, аппетитно пахло жареным мясом. Бойкие купцы торговали безделушками, вином и фруктами, а не менее пронырливые бродячие комедианты на наспех построенных помостах потешали публику фарсами из жизни силачей.

«Жалкая чернь,— презрительно думал Кулл, оглядываясь по сторонам,— Крикни я сейчас, что на Валузию напали враги и мне нужна новая армия,— половину как ветром сдует. А может быть, и всех. Останутся единицы, да и те спяну».

И все же ощущение грандиозности праздника понемногу начало овладевать королем, и вскоре он решительно отогнал грустные мысли. Конечно, его подданные заслужили право на зрелища!

К счастью, солдаты и Алые Стражи предусмотрительно выстроили живой коридор для проезда, и последние лиги король и его свита преодолели без задержек. В королевской ложе Брула не оказалось, но зато рядом с заставленным яствами столом сладко подремывал посол пиктов Кану. Предаваться любимому занятию ему не мешали ни многотысячный гул переполненных до отказа трибун, ни уже начавшее

припекать полуденное солнце. При появлении короля седобородый старец почтительно кивнул, однако поднимать удобно устроившееся в кресле грузное тело ему вовсе не хотелось.

Когда в королевской ложе мелькнул пурпурный плащ правителя Валузии, рокочущие трибуны как по мановению волшебной палочки разом стихли. Перед тем как сесть, Кулл обменялся взглядами с Келкором и Ту, затем величественно поднял правую руку. Тотчас десятки выстроившихся по всей окружности Арены музыкантов заиграли задорный военный марш, а из ведущих на площадку ворот стройными рядами стали выходить участники состязаний. Большие Валузийские Бои начались.

Парад бойцов затянулся надолго. Велико было их число — свыше тысячи смельчаков из всех провинций королевства и даже из сопредельных стран прибыли в Хрустальный город, лелея мечту об успехе. Слава и уважение, до могилы сопровождавшие победителей предыдущих состязаний, подогревали их честолюбивые помыслы. Под бурные приветствия публики колонны рослых и грозных мужей постепенно заполнили всю Арену, расположившись на ней четкими квадратами. Немедленно перед каждым квадратом появились убеленные сединами и брэнчавшие множеством боевых регалий ветераны королевской армии. Они обратились к борцам с напутственными речами. В шумном многоголосии зрители не могли ничего расслышать, но общий смысл сказанного поняли все.

Затем вновь взметнулись вверх длинные золоченые фанфары, и музыканты исполнили ве-

личественный старинный гимн. Наступила минута торжественной клятвы, которая обязывала атлетов бороться честно, уважать друг друга, чтить боевые обычаи предков и государственные законы Валузии. Слова клятвы прямо с балкона ложи произносил Келкор. Его энергичные отрывистые выкрики долетали до противоположной трибуны и эхом возвращались обратно. После каждой фразы вставшие на одно колено бойцы дружным могучим хором повторяли: «Клянусь!» Громовые раскаты обрушились на вытянувшихся по струнке зрителей и звучали так мощно, что, казалось, были слышны во всех Семи Королевствах.

После Келкора пришла очередь выступить Куллу. Король обвел глазами коленопреклоненные колонны и, сообразив, что слов уже сказано немало и вполне можно обойтись чем-нибудь лаконичным, громовым голосом прорычал:

— Я люблю каждого из вас и каждому желаю победы!

Восторженный рев трибун был ему ответом.

«Напрасно я сомневался в пользе Боев,— пришло в голову атланту.— Приятно видеть молодых и здоровых мужчин, готовых сию минуту умереть ради тебя. Это же готовая армия!»

Вспомнив, что еще недавно он думал совсем иначе, Кулл смутился и в этот момент поймал на себе торжествующий взгляд Ту. «Старик доволен, что мне нравится праздник,— усмехнулся король.— Он много для этого сделал. Но не так просто одержать победу над Куллом!»

Придав лицу равнодушное выражение и для пущего правдоподобия зевнув, атлант пере-

брался поближе к Ка-ну и, отхлебнув из кубка, спросил посла:

— А где Брул?

— Что значит «где»? — сонно пробормотал посланник, даже не соизволив поднять веки. — А-а... Значит, он тебя не добудился.

— Послушай, Ка-ну, — не отступал Кулл, одновременно наполняя вином пустой кубок посла, — так с королями не разговаривают. Что значит — «не добудился»?

Ласкающее слух бульканье заставило Ка-ну сбросить дремоту.

— Он хотел сам рассказать тебе, но, видимо, ты так крепко спал, что он не стал тебя тревожить. Поздно ночью приехали люди из нашей страны. В роду Копьебоя вспыхнула ссора, и он потребовался для примирения. Вроде судьи. Авторитет как-никак.

— Почему он не сказал мне? — растерялся Кулл.

— Собирался, да, выходит, передумал. Пойми, это дело пиктов. Только их дело. Даже не мое — я из другого рода.

— Это не опасно? — хмуро спросил атлант.

— Нет, — лениво усмехнулся Ка-ну. — Брул только выслушает обе стороны и примет решение. Спорщики уже дали слово, что беспрекословно подчинятся любому вердикту... Конечно, он взял с собой несколько верных людей, но это скорее чтоб не умереть в дороге от скуки. Обещал вернуться к решающему бою.

— Тебе не придется потом краснеть из-за своей беспечности? — продолжал тормозить посла король, но тот лишь отрицательно покачал головой и припал к вождьенному кубку.

Настроение у Кулла сразу испортилось — отлучек Брула он не переносил. «Хитрец,— раздраженно думал король, возвращаясь на прежнее место.— Недаром пикты его боготворят. Взял с собой товарищей, чтобы болтать в пути. А мне придется изнывать от скуки. Ка-ну сонлив, Келкор молчалив, Ту надоедлив — их лучше не трогать».

Атлант печально вздохнул и обреченно устался на Арену.

. . .

Меж тем торжественная церемония завершилась. Пользуясь перерывом, участники изучали друг друга. Парафту это занятие доставляло истинное удовольствие. Компания ловцов удачи подобралась весьма любопытная. Конечно, преобладали мало чем примечательные здоровяки, для устрашения соперников свирепо вращавшие глазами и демонстрирующие раздутые мускулы, но юноша понимал, что почти все эти «чемпионы своих деревень» — так окрестил эту категорию Парафт — сойдут с дистанции после одного-двух боев. На большее у них не хватит ни честолюбия, ни опыта, ни знания особых, неведомых остальным, приемов боя. Его внимание приковывали другие, гораздо реже встречавшиеся в толпе, атлеты.

Неподалеку о чем-то беседовали два соплеменника — смуглолицые воины с островов Каау. Об их дикарском происхождении свидетельствовало отсутствие какой-либо, кроме узких набедренных повязок, одежды, нелепо выдвинутые вперед нижние челюсти и резко скошен-

ные низкие лбы. Эти пришельцы с запада считались непревзойденными мастерами рукопашного боя, встреча с которыми один на один не сулила ничего хорошего. Парафт, разбиравшийся во множестве наречий, был бы не прочь узнать, о чем идет разговор, но варвары говорили так тихо, что он ничего не разобрал.

Посмотрев в другую сторону, Парафт приметил и постарался запомнить еще одного бойца, чей внешний вид не позволял с уверенностью судить о том, откуда он пожаловал. Молодой черноволосый парень с впалыми щеками и большими, странно сверкавшими глазами, скрестив ноги, сидел на песке и, казалось, не замечал ничего вокруг себя. Его полная отрешенность от происходящего говорила об абсолютном самообладании. Парафту незнакомец понравился.

— Понаехали, на наши головы,— раздался совсем рядом чей-то негромкий голос.— Ладно, сами напросились. Теперь надолго запомнят простого валузийца Шикана.

Говоривший — а им оказался широкоплечий рыжебородый гигант с такой же огненной шевелюрой и приплюснутым, видимо от частых драк, носом — дружелюбно посмотрел на Парафта и шепнул, кивнув на черноволосого:

— Его берегись. Эти гады все умеют. Любят мечом помахать перед носом и еще... очень высоко прыгают. Первым делом по ногам бей.

Хлопнув Парафта по плечу, Шикан, должно быть, устыдился своей откровенности и поспешно отошел в сторону. «Он прав,— подумал юноша.— Собралось много настоящих масте-

ров. Когда еще встретишь их всех в одном месте?»

Опять протрубили фанфары, и атлеты подошли поближе к своим судьям. Нервное напряжение достигло пика. Первым испытанием было перетягивание каната. Соревновались группы из трех человек, определяемых жребием. Обычно не терявший хладнокровия в самых сложных ситуациях, Парафт с удивлением обнаружил, что от волнения у него вспотела спина. Слишком велика была цена проигрыша — неудачники немедленно покидали Арену. А выигрыш, к сожалению, предопределялся не столько усилиями самого участника, сколько волею рока: попади сейчас Парафт в команду послабее или достанься ему в противники парочка тех же Шиканов, и все — мечта о победе, о красавице Сэле рассыпалась бы в прах.

Поэтому, вытягивая судейский камешек, молодой человек страстно просил богов о благосклонности. И высшие силы вняли его мольбам, послав в напарники «чемпионов своих деревень» — двух здоровенных детин с мускулистыми руками и мощными, как стволы деревьев, ногами. Правда, и в соперники им достались три дюжих силача, к тому же братья-близнецы, но Парафта это не смутило. Грубой физической силой он теперь был обеспечен, а в своем умении воспользоваться ею юноша не сомневался.

Окинув взглядами ничем не примечательную фигуру новоявленного товарища и даже крикнув с досады, здоровяки молча поставили Парафта первым в своем ряду и поспешно схватились за канат, стремясь покрепче обвить им запястья и плечи. Подивившийся их необуз-

данной первобытной силе юноша замешкался и едва успел сбросить сандалии, как судья подал команду к началу противоборства.

Из шестерых глоток одновременно вырвался яростный, почти звериный крик. Поначалу чаша весов стала клониться на сторону противников. Но когда до роковой, разделяющей команды, черты оставалось меньше локтя, Парафт сумел-таки нащупать пяткой крохотный окаменелый бугорок и, упершись в него обеими ногами, встал, как стена.

Воцарилось хрупкое равновесие. От чрезмерного напряжения мышц и мощного притока крови к голове у борцов заложило уши — никто из них не слышал ни голосов зрителей, ни криков боровшихся по соседству команд, ни собственных стонов и ругательств.

Припав к канату всем телом, Парафт поймал еле уловимый ритм равномерных толчков туда-сюда и старался накопить хотя бы кроху энергии для решающего рывка. Напряженные до предела мышцы были готовы лопнуть. Юноша посмотрел на соперников. Три одинаковых лица, с дико выпученными глазами и скрежещущими зубами, со злобой взирали в его сторону. Тогда Парафт, по-обезьяньи оскалившись, неожиданно показал близнецам язык. На мгновение братья опешили — и этого хватило, чтобы натяжение каната слегка ослабло. Уловив момент, здоровяки из команды Парафта радостно охнули и разом рванули. Сопротивляться было бесполезно, и вскоре противники повалились на землю.

Но обида и злость вмиг подняли близнецов на ноги. С негодующими криками они обступили

ли судью, указывая на Парафта. Однако вершитель турнирной судьбы не реагировал на жалобы — он то ли не видел выходки юноши, то ли не придавал ей значения. Так или иначе, безжалостным властным жестом указал братьям на ворота Арены. Проигравшим пришлось подчиниться.

Далее предстояли кулачные бои. В любом из них Парафт мог проиграть, но ощущение, что отныне будущее зависит только от него самого, приводило юношу в восторг. Отдыхая, он присел на землю, а его напарники, посчитав успех исключительно своей заслугой, радостно обнимались и хлопали друг друга по плечам. О существовании Парафта они уже успели забыть.

Но жребий рассудил иначе, в первом же поединке столкнув юношу с одним из его недавних товарищей по команде. Воодушевленный удачным, как ему казалось, выбором, здоровяк даже виновато развел руками — дескать, не я так решил. Затем он повернулся к королевской ложе, опустил на колено и в порыве верно-подданных чувств потряс поднятыми руками. Провинциальное простодушие выплескивалось наружу, но теперь Парафта не интересовал внутренний мир соперника — более пристально он посматривал на его огромные кулаки.

«Бычок» не владеет приемами борьбы, решил юноша, и будет колошматить меня напрямую, надеясь разделаться одним ударом. Он не ошибся. Едва прозвучала команда судьи, как здоровяк выставил вперед свои кулачища и глубже втянул голову в плечи, из-за чего и впрямь стал похож на бычка. Уверенный в сво-

ем превосходстве, он немедленно пошел вперед и нанес первый удар правой. От этого удара, как и от следующего, Парафт легко увернулся, а еще несколько принял на руки.

Обнаружив, что юноша не оказывает должного сопротивления, и приняв это за трусость, «бычок» шел напролом. Число наносимых им ударов все возрастало и возрастало, но они по-прежнему не достигали цели. Здоровяк не догадывался сменить тактику и отдышаться. Ему казалось, что победа близка, что юноша вот-вот упадет, надо лишь ударить поточнее и посильнее.

«Так он, пожалуй, быстро выдохнется,— испугался Парафт.— Мне это совсем ни к чему. Надо его встряхнуть». Улучив момент, когда неистово молотивший кулаками соперник потерял всякую осторожность, юноша сделал резкий выпад и сильно ткнул пяткой в незащищенное правое плечо «бычка».

Хотя бои по традиции назывались кулачными, правила позволяли почти все, за исключением выдавливания глаз, ударов в пах и явного членовредительства. Противнику Парафта пора было сделать выводы из случившегося, но силач предпочитал не думать, а бить. Злость всецело овладела им. Тогда-то юноша и осуществил задуманное — подставил неприятелю грудь. Удар страшной силы отбросил Парафта на несколько шагов, дыхание перехватило, голова налилась свинцовой тяжестью, перед глазами поплыли круги. «Спокойно, спокойно,— говорил себе Парафт, увиливая от новых атак здоровяка.— Ничего особенного не случилось. Надо только поглубже вздохнуть».

Когда спустя несколько мгновений ситуация повторилась, Парафт устоял, лишь немного уклонился назад. А после третьего удара юноша вообще не сдвинулся с места. Боль стала привычной, голова не кружилась, дыхание не прерывалось. Отныне подобные удары были Парафту не опасны — его тело само защищало себя. Задача, которую поставил перед собой юноша, была выполнена.

Наконец «бычок» сообразил, что происходит неладное, и на миг остановился, недоумевающе уставившись на соперника. Парафт опустил руки и дружелюбно улыбнулся. Ярость, бешенство, злоба, неосознанный панический страх перед необычным противником — все вместе взятое заставило здоровяка, вложив в кулаки всю свою силу, броситься вперед. В это мгновение юноша присел и в полушпагате наступил на ступню опорной ноги противника. Раздался хруст костей. С нелепо вытянутыми вперед руками, словно ныряя в воду, «бычок» рухнул на землю.

Судья недоуменно посмотрел на почтительно поклонившегося ему Парафта и молча протянул карту, дающую право на следующий поединок. А оравшего от нестерпимой боли здоровяка стражники потащили к лекарям.

. . .

До поры до времени в королевской ложе стояла тишина. Вельможи и чиновники изредка перешептывались, осторожно поглядывая на хранившего молчание Кулла. Оживленнее стало, когда утомленный царившей на арене суто-

локой король пригласил свиту к обеденному столу. Зазвучали хвалебные речи в честь монарха. За едой никто и не заметил, что начались кулачные бои.

— Обрати внимание на того светловолосого парня,— вдруг сказал Ка-ну, обращаясь к королю.— Он странно дерется.

— На кого? — переспросил Кулл, и этого было достаточно, чтобы присутствующие разом умолкли. Картина действительно впечатляла: крепко сложенный детина с торсом рудокопа или каменотеса яростно дубасил кулаками долговязого юношу, вынуждая того все время отступать.

— Он не дерется, а только убегает,— высказал свое мнение Ту и с презрительной усмешкой добавил: — Трус и слабак.

— Зачем таких допускают на Большие Бои? — поддержал Главного советника кто-то из аристократов.— Силач запросто убьет его. Этой молодежи лишь бы покрасоваться на Арене, а там хоть трава не расти. Позор!

— Да-да... должно быть стыдно... народ глуп,— раздалось еще несколько голосов, но король резким взмахом руки пресек дальнейшие разглагольствования. Он начал понимать, что юноша не беспомощен, как казалось на первый взгляд. Его передвижения ставили противника в тупик, а цепкая защита была безупречна. Когда же молодой атлет свалил соперника, Кулл вскочил с места и громко захлопал. Свита в полном составе последовала его примеру, наградив юношу бурными овациями.

— Ошибся ты, советник,— произнес король, обрадовавшись возможности посмеяться над

стариком Ту и хоть немного развеять скуку.— Ну какой же он трус? Два раза махнул ногой — и победил! Молодец! Тебе бы поучиться у него так ловко и незаметно побеждать, тогда наша казна горя бы не знала...

Опростоволосившийся Ту обиженно поджал губы, зато в беседу вступил доселе молчавший Келкор:

— В Грондаре есть племя, поклоняющееся Верховному Зверю. Оно живет обособленно и не подпускает к себе чужаков. Его воины сильны и беспощадны; каждый из них может в одиночку расправиться с целым отрядом, если враг не успеет выхватить оружие из ножен. Дикари не любят мечей и предпочитают короткие кривые клинки и летающие копыя. Колдуны племени учат воинов рукопашной борьбе — этот парень сейчас дрался в их манере. «Танцующие львы» — так они себя называют — не приближаются к противнику, а используют его же силу и нерасчетливость в движениях.

— Откуда такие сведения? — подал голос Кану.— Алые Стражи воевали с сыновьями Верховного Зверя?

— Нет,— покачал головой Келкор.— Я слышал о них от одного грондарца. Он попал в плен к «танцующим львам», но сбежал, успев узнать много полезного.

— Получается, чем сильнее враг, тем легче дикарь его одолеет. Он ведь использует чужую силу,— удивленно проговорил Кулл.

— Да,— согласился командир Алых Стражей.— Было бы интересно посмотреть на парня вблизи.

Королю понравилась идея Келкора, и он попросил Ту после очередного боя пригласить юношу в ложу. До сей поры Кулл не придавал особого значения тому, как люди борются и какие приемы при этом используют. Природа одарила атланта совершенным телом, мгновенной реакцией и железной хваткой — этого казалось достаточно. Но от того, что Кулл только что увидел, захватывало дух, и король с все возрастающим интересом принялся наблюдать за боями.

Пары борцов непрерывно сменяли друг друга на огороженных канатами площадках. Ото всюду сквозь неумолчный гомон то восторгающей, то негодующей публики доносились вопли и стоны атлетов, но не боль вызывала их, а радость победы или горечь поражения. Одни поединки заканчивались быстро, другие растягивались надолго и отличались необыкновенным упорством.

Поначалу Кулл ничего необычного не увидел. Однако, перехватив пристальный взгляд Келкора, он обратил внимание на коренастого атлета в зеленой шелковой маске. Издревле участникам Больших Боев разрешалось скрывать свое лицо. Одни считали, что подобным образом обходили запрет на участие военачальники и — если верить слухам — сами правители королевства. Другие находили более простое объяснение, утверждая, что маски используют те, кто заранее смирился с поражением и надеется избежать публичного позора. Как бы то ни было, выступать в маске никто не только не запрещал, но и не считал зазорным.

Атлет в зеленой маске — судьи прозвали его Воином-тайной — боролся так, как борется любой, не обделенный силой мужчина: он старался либо сразить противника прямыми и боковыми ударами в грудь и в голову, либо обхватить в ближнем бою и сбить с ног при помощи подсечки или рывка руками. Но короля, равно как и Келкора, поразила необычайная целеустремленность и напористость Воина-тайны. Он не давал сопернику — судя по выправке, пехотинцу — ни мига на передышку. Несколько раз тому удалось высвободиться из могучих рук нападавшего, но Воин-тайна наседавал на него вновь и вновь, дополняя натиск мощными ударами. Наконец, в очередной раз обхватив торс неприятеля, Воин-тайна сумел оторвать его от земли и, высоко подняв над собою, швырнул к ногам судьи. Затем он протянул сопернику руку, желая помочь подняться и продолжить бой. Однако поверженный пехотинец счел за благо прекратить поединок, и судья провозгласил Воина-тайну победителем.

Его бесхитростная манера борьбы вкупе с достойным поведением нравились Куллу больше, чем уловки светловолосого юноши. Но, поразмыслив, атлант отдал должное им обоим: мир многообразен, и ничто не может считаться лучшим, пока существует нечто другое, не хуже. «Пожалуй, Брул был прав: состязания нужны, — опять пришло Куллу в голову. — Они заставляют людей встряхнуться, учат их совершенствоваться... Наверняка Келкор уже посмотрел с десятков новых Алых Стражей».

Как раз в эту минуту в ложу привели Парифта. Узнав, как зовут юношу и откуда он ро-

дом, Кулл поинтересовался, был ли тот в Грондаре.

— Я бывал в разных местах,— уклончиво ответил молодой атлет.— Много путешествую.

— Зачем скрывать правду? — В голосе короля зазвучал металл, взгляд посуровел.— Ты бо-решься, как грондарец. Значит, ты был там. Так и скажи. В этом нет ничего плохого.

Многие, столкнувшись с недовольством Кулла, страшно пугались и начинали оправдываться. Парафт же остался спокоен, он только помедлил с ответом, чтобы найти наиболее точные слова:

— Я не скрываю правду, Ваше Величество. Я ненадолго заезжал в Грондар, но боевому искусству «танцующих львов» учился в другом месте. И моим наставником был не грондарец, а туранийский жрец.

— Вот как? — встрепенулся Ту, почуявший возможность оправдаться в глазах короля. После недавнего конфуза он испытывал неприязнь к молодому человеку.— Твои путешествия подозрительны — посещаешь Грондар, якшаешься с туранийцами. В этих странах у Валузии друзей нет. С какой целью ты прибыл в Хрустальный город?

Юноша вдруг звонко, с подкупающей искренностью, рассмеялся:

— Главный советник глубоко заблуждается. Друзья у человека могут найтись в любом месте. Да, я учился у жреца из Турании, более того — он очень не любит Валузию, но ведь мы с ним были в плену у фарсунцев, и нам предстояло вместе бежать оттуда... А в Хрустальный

город я прибыл для того, чтобы выиграть Большие Бои.

Советник озадаченно взглянул на юношу и покачал седой головой:

— Так уж и выиграть... Ты хоть представляешь, о чем говоришь?

— Представляю,— твердо ответил Парафт.— Выиграть Большие Бои трудно. Но другого выхода у меня нет. Если я проиграю, я никогда больше не увижу свою возлюбленную. Такое условие передо мной поставил ее отец. Значит, я выиграю.

— Что за чушь? — изумился Кулл.— Кто этот деспот? Назови имя — и я научу его ставить условия женихам!

— Это только наше дело,— спокойно ответил юноша.— Не твое.

В ложе наступила полная тишина. Ее нарушил лишь аппетитно хрустнувший яблоком Кану.

— Ты говоришь дерзко, но достойно,— после паузы произнес король.— И борешься, как настоящий мужчина. Желаю тебе выиграть... хотя это будет нелегко.

«Если он будет биться так же смело, как беседует с королем,— подумал атлант, когда, почтительно поклонившись, Парафт покинул ложу,— то... кто знает, может, и выиграет. Надо посмотреть, как он владеет мечом... Нет, ему не победить — слишком молод. А жаль».

— Ты бы взял его в Алые Стражи? — спросил Кулл Келкора, когда они возвращались с Арены во дворец. Тот утвердительно кивнул, даже не став уточнять, о ком говорит король,— о Пара-

фте или о Воине-тайне. Видимо, Келкору понравились оба.

. . .

Сказочная феерия открытия Больших Боев, торжественные звуки фанфар, буйство красок и новизна впечатлений очаровали горожан — от самого нищего бродяги до величайшего из правителей Валузии. Ничто не предвещало драматических и едва ли не роковых событий, которые произошли на следующий день, поставив под угрозу мир и благополучие в королевстве. В исторических хрониках говорится: «Случилась смута в народе; возроптали подданные против единодержца своего, упрекали короля и двор в бесчестии и клятвоотступничестве, говорили, что запятнали варвары валузийский трон,— и лилась хула отовсюду...» А вот что случилось на самом деле.

Накануне Куллу приснился удивительный сон. Будто бы от ослепительного, до одури палющего солнца король решил укрыться в холодных, ни разу еще не пройденных им до конца, дворцовых подземельях. Он долго петлял по извилистым коридорам, пробирался сквозь тускло освещенные факелами анфилады залов и комнат, опускался и вновь поднимался по узким винтовым лестницам. Повсюду валялись ржавые доспехи, полусгнившая мебель и прочая рухлядь. Кое-где пылились обглоданные крысами человеческие кости.

Устав отпирать бесчисленные двери и напрягать глаза во мраке сырых, пахнувших плесенью, каморок, король решил вернуться, но

странным образом забыл дорогу назад. Вконец обессилив, в одном из залов он наткнулся на приставленное к стене огромное старое зеркало и от нечего делать осветил факелом свое отражение. Приступ страха сковал его тело, с уст сорвался вопль изумления. В зеркале был не он! Спящий атлант понимал, что зеркало не обманывает, что он видит себя, Кулла, но другого — с неуловимо изменившимися чертами лица, узкоглазого, с обтянутыми дряблой старческой кожей скулами. Мужчина в зеркале был напроць лишен королевской стати и походил на человека, впервые поднявшегося с постели после изнурительной болезни. Кулл в ярости разбил зеркало валявшимся рядом стулом, но под рассыпавшимся слоем стекла оказался еще один, в котором было то же самое отражение. Король не смог уничтожить чудовищный портрет...

Куллу редко снились тяжелые сны, и он постарался поскорее выбросить из головы этот кошмар. Обсудив за завтраком с Ту срочные государственные дела, а таковых, к счастью, оказалось немного, вчерашняя компания почти в том же составе заняла места в ложе. Отсутствовал лишь Ка-ну, предупредивший, что приедет только на решающий бой.

На второй день участники Больших Боев взяли в руки оружие — деревянные мечи, кинжалы и щиты. На этот раз они выходили на поединки в легких металлических кольчугах и шлемах. По сравнению с кулачными боями способности и места нанесения ударов значительно ограничивались; кроме того, судьи внимательно следили за тем, чтобы кто-нибудь из атлетов

тайком не заточил свои клинки сверх положенного. И все равно, риск получить увечье, и порой весьма тяжелое, оставался велик, что очень будоражило разгоряченную публику и невольно заставляло ее ждать именно этого.

Собравшиеся в королевской ложе бурно обсуждали ход каждого единоборства. В молодости изнеженные, растолстевшие от чревоугодия или, наоборот, усохшие вследствие вялого образа жизни аристократы изрядно помахали мечами, делая карьеру в армии и при дворе, и потому считали себя знатоками воинского искусства. Король не мешал свите высказываться, но и не обращал внимания на порой наивные, но чаще заносчивые и полные самомнения утверждения. Кулл ждал выхода на арену тех двоих, что так заинтересовали его вчера.

Первым появился Воин-тайна. Облаченный в свисавшую до колен кольчугу и плотно закрывавший лицо шлем, из-под которого выбивались пряди темных волос и края зеленой маски, таинственный незнакомец, не мешкая, обрушил на противника град ударов. Бедолагу ошеломил столь стремительный натиск, и, хотя он сумел отразить с десятков ударов, исход боя был предreshен. Вскоре его щит разлетелся на куски, затем такая же судьба постигла меч. Еще один удар плашмя по шлему, и — Воин-тайна оглушил соперника, свалил с ног и для большей убедительности приставил клинок к груди поверженного. Победа! Трибуны разразились восторженным ревом, публика неистовствовала, приветствуя победителя и восхищаясь увиденным, — ведь в бое, начавшемся одновременно по соседству, противники еще не успели сде-

лать ни единого мало-мальски опасного удара, а только с опаской присматривались друг к другу.

Одобрительно хмыкнув, Кулл повернулся к Келкору:

— Каков молодец, а? Под стать самому опытному из Алых Стражей!

— Увы, не каждый из Алых Стражей столь напорист в бою,— сдержанно отозвался Келкор.— Мы всегда учили их действовать разумно и предусмотрительно и, может быть, даже переусердствовали. Кое-кто стал излишне рассудителен, предпочитает ждать ошибки неприятеля, бережет свои силы. Воин-тайна поступает совсем не так. Он сразу атакует врага и поэтому властвует над ним. Старая проверенная тактика! Впечатление такое, будто под маской скрывается хорошо знакомый мне человек. Будто я видел его в деле, но когда и где именно — не помню. Наверное, в бою все умелые воины похожи друг на друга.

— Э-э, излишняя рассудительность Алых Стражей проникла и в головы командиров,— усмехнулся король.— Чем рассуждать, лучше признайся, что под зеленой маской скрывается твой лучший солдат. Из-за безграничной любви к ним я, уж так и быть, прощу вопиющее нарушение правил Больших Боев.

Келкор промолчал, все так же пристально всматриваясь в Воина-тайну, которому рукоплескала восторженная публика.

Вскоре на арене появился Парафт, легко узнаваемый из-за светлых волос,— что редкость для валузийцев. Памятуя о вчерашнем приглашении юноши к монарху, судьи отвели ему для

боя ближайшую площадку к ложе и как бы случайно задержали остальные поединки. Оказалось, что мечом честолюбивый жених владеет не хуже, чем руками и ногами. Вновь проявился его озорной характер: действуя аккуратно и расчетливо, в типичной для большинства опытных воинов классической манере, юноша время от времени легонько тыкал соперника мечом в незащищенные места.

Эти тычки приводили в бешенство низкорослого, но кряжистого атлета с бугристыми плечами. Он стал спешить, ошибаться в движениях и понемногу пренебрегать правилами, норовя ударить Парафта ниже пояса. В конце концов он совсем рассвирепел и, широко замахнувшись, приготовился для опаснейшего бокового секущего удара по коленям Парафта, что категорически запрещалось на состязаниях. Зрители испуганно охнули — и тут же восторженно зааплодировали: юноша неожиданно прыгнул навстречу мечу, в полете перевернулся через голову и, приземлившись за спиной соперника, толкнул его щитом. Крепыш-корогышка потерял равновесие и свалился на землю, неуклюже дергая руками и ногами. Парафту даже не потребовалось, как полагалось в подобных случаях, приставлять меч к груди побежденного: подбежавший судья немедленно отобрал у поверженного деревянный клинок, а затем, подозвав к себе стражников, решительно указал на ворота Арены. Под возмущенные крики и негодующий свист публики злостного нарушителя правил Больших Валузийских Боев выставили вон.

«Ловок мальчишка,— восхищенно подумал Кулл, только сейчас осознав, насколько всерьез он все это время переживал за Парафта.— И до чего же здорово прыгает! Лучше всякого акробата. Подумать только, и все из-за какой-то смазливой девицы!.. На войне его лучше держать под рукой, в гуще битвы он вряд ли сможет проявить такие способности. Там ему будет трудно развернуться — сомнут или затопчут лошадьми».

Слабых бойцов, вроде «чемпионов своих деревень», к этому времени почти не осталось. Теперь все поединки были затяжными и упорными. Предвкушая новый выход на арену Воина-тайны, Кулл подкрепился горячими лепешками, запил их кисловатым вином и решил немного вздремнуть. Но едва лишь дрема смежила веки короля, как перед его глазами возникло злосчастное зеркало из подземелья. Сон как рукой сняло. Кулл мысленно выругался и больше уже глаза не закрывал — слишком неприятные ощущения вызывало это наваждение. Тяжело вздохнув, атлант повернулся к Арене, терпеливо ожидая выхода Воина-тайны.

Резко усилившийся гул трибун и взметнувшиеся над ними воздушные змеи говорили о том, что король не одинок в своих симпатиях. Часть зрителей дружно поднялась с мест и принялась скандировать наспех сочиненный боевой клич. Воин-тайна стал кумиром Арены.

Он неторопливо вышел на площадку и почтительно поклонился королевской ложе и публике. На этот раз жребий послал ему достойного противника. Всеобщий любимец слегка подустал в предыдущих поединках, и его сопер-

ник — смуглолицый дикарь с западных остров — был не прочь этим воспользоваться. Он передвигался, наносил удары и делал выпады так же часто и четко, как атлет в маске, а один раз даже исхитрился приложиться рукоятью меча к шее соперника. Все попытки Воина-тайны найти и использовать выгодную позицию к успеху не приводили: при первом же намеке на опасность варвар умело избегал ее.

Келкор прав: в действиях Воина-тайны, в его манере двигаться, в ладно скроенной фигуре было что-то очень знакомое королю. Где-то Кулл видел этот ловкий пружинистый шаг, энергичные взмахи рук, горделиво поднятую голову. Но где?

Отличавшие атлета мастерство и сноровка могли запомниться королю только на поле битвы, однако Кулл с гладиаторских времен знал и помнил всех, кто при нем обнажал оружие. Очень мешала маска, но, когда Воин-тайна надевал шлем, сходство с кем-то очень знакомым усиливалось еще больше.

Тем временем атлет в маске столкнулся с настойчивыми попытками соперника навязать ему ближний бой. Дикаря такой поединок устраивал больше, чем незнакомца, предпочитавшего мощь и точность размашистых ударов коварству коротких уколов. Несмотря на старания Воина-тайны, избежать навязанной ему тактики боя не удалось — чересчур быстро у него таяли силы.

Зрители начали требовать от судьи, чтобы тот почаще разнимал бойцов,— они хотели видеть фехтование мечами, а не руками, но арбитр не вмешивался: происходящее не наруша-

ло правил. Вскоре ставшие едва ли не обузой мечи были отброшены в сторону, а в ход пошли доселе висевшие на поясе кинжалы. Но дикарь, решив, что отныне он диктует ход поединка, ошибся. В какой-то момент Воину-тайне удалось схватить руку противника, броском через спину свалить его на землю, а затем с размаху ударить щитом по шлему, защищавшему голову дикаря... После того как поверженного противника привели в чувство, судья громогласно объявил о победе Воина-тайны.

И в тот миг, когда под ногами шатавшегося от усталости победителя от дикого рева обезумевших от радости зрителей задрожала земля, в тот самый миг король вдруг понял, кто скрывался за зеленой маской, и удивился, что не догадался об этом раньше:

— Да ведь это же Брул!

. . .

Сначала Кулл просто рассмеялся — но смех получился невеселым и вымученным. Атлант обиделся. Короля возмутило не то, что пикт нарушил древний обычай, приравненный к государственному закону. Кулл считал себя глубоко оскорбленным, потому что его обманул лучший друг.

«Брул просто посмеялся надо мной,— полезли в голову горькие мысли.— Предал нашу дружбу. Раз он друг короля, значит, ему все простится. А я всегда верил, что между нами нет никаких тайн и недомолвок. Вот Парафт... Он отчаянно сражается, поставив все на карту, ради красавицы невесты. А Брул? Из-за мелкого тщесла-

вия? Он знал, что я обещал Ту соблюдение всех законов. Знал, но все равно поступил по-своему. Предал меня...

Вот цена чрезмерной привязанности к человеку. У короля не должно быть друзей!»

Стиснув зубы, чтобы не обрушиться с руганью и проклятиями на тех, кто сидел рядом, и не разметать железным мечом фехтовавших с деревяшками внизу, Кулл постарался успокоиться и взять себя в руки. Вокруг вроде бы ничего не изменилось, но атланту вдруг стала понятна никчемность происходящего. Он словно очутился на представлении комедиантов, где все фальшиво и лживо.

— Келкор,— сухо приказал Кулл,— пришли ко мне начальника вчерашней ночной стражи дворца.

Не выказав удивления, командир Алых Стражей тотчас вышел из ложи. Скакать во дворец ему не пришлось: сегодня начальник караула нес службу неподалеку. Келкор подвел его к королю, и офицер, отдав честь, почтительно вытянулся.

— Скажи, ночью накануне Боев подходил ли к моей спальне Брул? — негромко спросил король.

— Да,— последовал незамедлительный и четкий ответ.

— Чего он хотел?

— Точно не могу сказать, Ваше Величество. Он хотел разбудить вас, чтобы сообщить нечто важное. Но, заглянув в опочивальню, передумал и ушел.

Отпустив начальника караула, Кулл не стал ничего объяснять Келкору и погрузился в раз-

мышления. Итак, Ка-ну не солгал: пикт действительно хотел поговорить с ним ночью. Но о чем? О том, что срочно едет к своим сородичам? Или о том, что задумал обмануть всех и выступить на состязаниях под маской? Но, увидев спящего Кулла, передумал и в последний момент решил сделать жертвой своего дурацкого розыгрыша и самого короля? Тогда он сурово поплатится за это.

«Разговор с Брулом будет коротким,— твердо решил атлант.— Укажу ему на дверь и велю немедленно покинуть Валузию. Не вызывать же его на бой с деревянными мечами! Пусть лучше разбирает ссоры своих соплеменников-дикарей».

Придумав наказание, король успокоился и сменил гнев на милость. Действительно, чего это он так разъярился? Ничего особенного не случилось: состязания продолжаются, народ упивается грандиозным зрелищем, советник Ту сияет от самодовольства и счастья. Надо просто найти Брула и уговорить... нет, запретить ему продолжать нелепую и постыдную авантюру.

Кулл ухмыльнулся, представив, с каким недоумением воспримут известие об исчезновении Воина-тайны участники и зрители Больших Боев. Первые будут оскорблены тем, что безусловный фаворит и любимчик публики покинул Арену до конца состязаний, как бы говоря, что больше не желает тратить на пустяки свое драгоценное время, а вторые примутся злословить и потешаться над первыми по этому же поводу. Нет, затея Ко-пьебоя выходила не такой уж глупой и безрассудной, надо было только вовремя остановиться. И незачем оби-

жаться, а тем более обдумывать способ расправы над шутником — можно просто его простить.

Король спросил себя: не малодушничает ли он, легко прощая пикту содеянное? Все же тот поставил под угрозу доброе имя правителя, мог внести сумятицу в тщательно организованное важнейшее государственное мероприятие, а за такое не ждут награды...

«Что со мной происходит? — растерянно думал король. — Какой вздор мне лезет в голову? Сначала одно, потом другое... В любом случае надо отыскать Брула и безо всяких недомолвок разобраться с ним, пока не случилось чего-нибудь похуже. А думать... теперь пусть он сам думает, как выкарабкаться из ямы, в которую прыгнул».

Кулл молча встал и покинул ложу. Ни Келкор, ни Ту не успели вовремя броситься вдогонку, а когда все-таки отправились следом, никого не увидели. Экс-гладиатор прекрасно знал все коридоры Арены.

. . . .

Кулл не представлял, как отыщет Брула, но знал, где могли собираться бойцы в перерывах между боями. В пристроенных к трибунам и расположенных прямо под ними помещениях раньше располагалась гладиаторская школа. Понадеявшись, что Арена не подвергалась серьезной перестройке, король туда и направился. В коридорах и комнатах, через которые он проходил, было грязно и сыро, двери противно скрипели, а одна и вовсе сошла с петель,

стоило атланту коснуться ее. Разница между внешним убранством и внутренней убожеством Арены была непомерной. Покопавшись в памяти, король так и не смог вспомнить ни одного своего указа или устного распоряжения о приведении этих помещений в порядок.

«Да уж,— недовольно поморщился Кулл,— старый скряга Ту явно не расточителен, бережет для казны каждую монетку. Где наскоро покрасит, где заплатку подошьет. А то, что эта гниль запросто рухнет и погребет под собой почтенную публику, его не волнует. В крайнем случае вздернет на дыбе хранителя Арены...»

Король боялся признаться себе, что придираясь к Ту он начал только ради того, чтобы прогнать вновь нахлынувшие на него видения из дурного сна. Неубранный мусор, размазанные по столу остатки еды, сваленные в углы груды досок не могли не напомнить ему о кошмаре и опять испортили настроение.

Не улучшило его и то, что он вскоре услышал. Сначала, как только впереди раздались чьи-то голоса, король решительно двинулся на шум и даже снес по пути ветхую дощатую перегородку, но потом, когда удалось разобрать отдельные слова, в недоумении остановился. Речи тут велись крамольные! Неизвестные заговорщики, видимо, так увлеклись, что не обратили внимания на шум ломающихся досок. Из приоткрытых дверей, ведущих в большую темную комнату, донеслось:

—...это их не волнует. Нас, валузийцев, с малых лет приучают чтить законы предков, и мы, дураки, верим своим отцам. А пришлым зачем наши традиции и реликвии? Их родина там,

где пожрать дадут. Атланты, пикты, лемурийцы — все, кому не лень, окопались во дворце. Столица, говорят, ваша, валузийская, — но разъезжают-то по ней пикты с мечами и копьями! И так мчатся, что только искры из-под копыт. Народ по стенкам жметя: как бы не задавили! Я тут одолжил меч у знакомого солдата, иду готовиться к Боям, вдруг — стража налетела. Скрутили. Говорят: подозрения вызываешь, с оружием по городу разгуливаешь, иностранных гостей пугаешь. Довел варвар страну — простому валузийцу нельзя мечом побаловаться.

— Отчего же? — рывкнул потерявший терпение король и, пинком распахнув дверь, решительно вошел в комнату. — Мечом всегда можно побаловаться, если руки чешутся. Валузийцу, пикту, атланту — всем можно. Я разрешаю. Ну, кто тут главный баловник?!

Король огляделся. При свете с трудом проникавших сюда редких солнечных лучей захламленный донельзя зал более напоминал хлев или конюшню. В нем находилось несколько десятков человек, которые либо валялись на лежанках у стен, либо сидели на придвинутых к низкому столу скамейках. Бунтовщики производили странное впечатление. Среди них не было ни военных, ни аристократов, ни типичных для подобных сборищ таинственных личностей в длинных, наглухо застегнутых, плащах и надвинутых на глаза головных уборах. На собравшихся в комнате были только кольчуги или простые холщовые рубахи.

Когда король понял, что попал отнюдь не в логово заговорщиков, а всего лишь в комнату отдыха для участников Больших Боев, он улыб-

нулся. И впрямь, в этот день и обстоятельства, и переживания Кулла сменяли друг друга с быстротой полета стрелы, так что атлант не успевал ни порадоваться, ни огорчиться, ни тем более испугаться как следует. Однако королевская честь ценится высоко, поэтому Кулл, свирепо нахмурив брови, угрожающим тоном повторил вопрос:

— Кто же все-таки желает помахать мечом?

Для устрашения атлант вытащил из ножен короткий бронзовый клинок, который часто выручал его в трудную минуту.

«Заговорщики» постепенно приходили в себя. В их глазах полыхал ужас, только сейчас они сообразили, какую зловещую участь уготовили себе, слушая преступные речи смутьяна. Взгляды оцепеневших от страха людей невольно обратились к стоявшему возле дверей рыжему бородачу, статью и ростом походившему на подпиравшую потолок колонну.

Кулл приставил клинок к его груди:

— Это тебе пикты жить мешают? Это тебя я довел? Я жестоко накажу стражников, отпустивших тебя с миром: посади они тебя в тюрьму — сегодня бы не стало на одного валузийца меньше. На колени, подонок!

Король слегка надавил на клинок, чтобы тот сквозь кольчугу царпнул тело. Впрочем, гигант и без этого молча повиновался. По его покорности и по охватившей собравшихся панике Кулл понял, что случившееся — не тайный умысел спевшихся злоумышленников, а лишь досадный эпизод, случайно вырвавшееся наружу негодование обиженных на что-то людей. Подобные разговоры случались когда-то и среди гладиа-

торов, но тех гнали на Арену насильно, в то время как эти атлеты пришли сюда добровольно... Наказывать их король не собирался, но возможностью выговориться не пренебрег.

— Эх вы, жалкие ублюдки! — Он обвел комнату взглядом.— Что вам еще надо? С тех пор как я на троне, вы реже воюете, богаче живете. Я прекратил произвол, я построил дома и мосты, я нанял лемурийцев и пиктов, чтобы народ Валузии жил, а не погибал в битвах... Разве при Борне проводились Большие Бои?

Последние слова были обращены к коленопреклоненному исполину. Тот отрицательно мотнул головой.

— Вот! — гневно выкрикнул Кулл.— Сидящий на троне варвар чтит валузийские обычаи. Печется о благе королевства. И если у короля в друзьях пикты, то они будут разъезжать по столице когда хотят и сколько хотят!

Атлант умолк и, посмотрев в лицо рыжеволосому, убрал клинок в ножны. Верзила поднялся и облегченно вздохнул, но язык явно не принадлежал к числу его друзей.

— Ваше Величество может считать себя правым, а меня — безмозглой скотиной,— пробормотал он, сам поражаясь своей смелости.— Но разве валузийский обычай позволяет воинам короля участвовать в Больших Боях? А если этот воин к тому же одно из главных лиц при дворе? Как тогда быть мне, простому валузийцу Шикану? Я хочу выиграть Большие Бои...

— А-а,— перебил Кулл, у которого при словах Шикана внутри что-то оборвалось: тайну Копье-боя раскрыл не он один.— Так ты хочешь

выиграть и желаешь разделаться с соперниками при помощи гнусных измышлений?

— Нет,— уже довольно твердо возразил Шикан.— Я хочу выиграть в честной борьбе. Но я не верю в справедливость, когда в состязаниях участвуют близкие друзья короля. Кто из судей осмелится зачесть им поражение? Кто из прислуги откажется подсыпать мне дурмана перед поединком с ними? Кто из зрителей решится приветствовать меня, а не их? А я сам? Разве не появится у меня соблазн поддаться и проиграть соратнику Кулла? Да как я вообще посмею поднять на него руку? Древний закон мудр — он строго запрещает воинам короля выходить на Арену. Вы пренебрегли им, Ваше Величество.

Несмотря на то что к концу тирады голос Шикана ослабел и задрожал от волнения, его слова были услышаны всеми и прозвучали как грозное обвинение. Король невольно положил руку на рукоять меча. Атлеты стояли не шелохнувшись, но теперь в их глазах помимо страха Кулл читал еще и разочарование.

— Ваше Величество говорили на открытии,— бесстрастно, будто бы лишь озвучивая собственную мысль, проговорил кто-то в углу,— что каждого из нас любит и каждому желает победы. Нас это очень вдохновило...

Не известно, как и чем закончилось бы это молчаливое противостояние, если бы за дверями вдруг не раздался крик:

— Бездельники! Только бы трепать языками! — воскликнул ворвавшийся в зал хранитель Арен.— А там такие дела творятся! Король ушел из ложи! Ему скучно смотреть на вас! Да-

же побить друг друга как следует не можете! Лентяи! Без-дель-ни-ки!

При виде короля с уст хранителя стали слышаться лишь бессвязные звуки, однако многолетняя служба при дворе приучила его быстро находить выход из любой ситуации.

— Ваше Величество здесь?.. Ах, вот оно что... Мы глубоко обязаны Вашему высочайшему вниманию. Тут, Ваше Величество, отдыхают атлеты. Условия созданы неплохие, жалоб нет. Все согласно смете Главного советника Ту... А что здесь происходит?

Вопрос был задан скорее для порядка — чиновник успел сообразить, что происходит неладное. И тут хранитель Арены совершил, быть может, единственный подвиг в своей жизни. Короткими, но быстрыми шагами пройдя по комнате, он встал между королем и Шиканом и, обращаясь к бородачу, требовательно повторил вопрос. Контраст между гигантом и орущим на него тщедушным человечком с покрытым испариной лицом был настолько велик и комичен, что Кулл и атлеты безудержно захохотали.

— Мы просто беседовали об условиях отдыха,— ответил за Шикана король.— Жалоб нет.

...В ложе Ту поделился с Куллом приятной новостью: Парафт, к которому советник тоже стал относиться с искренней симпатией, вошел в число соискателей главного приза. Попал туда и Воин-тайна, который, как сказал Ту, «только что разделал под орех» очередного соперника.

. . .

Над серебряными крышами Хрустального города грустила в одиночестве желтая луна. Торопливый ручей ублажал слух мелодичным журчанием. Парафт и Сэла сидели в заветной беседке, увитой диким плющом.

После страстных поцелуев и долгожданных объятий влюбленные принялись искать на небосводе свою счастливую звезду, но никак не могли прийти к согласию. То девушке не нравилось ее сияние, то юноша не одобрял созвездия, в котором находилась общая избранница, то сама звездочка, вроде бы устраивавшая обоих, таинственным образом пропадала. В перерывах между этим глубокомысленным и увлекательным занятием Сэла в который раз с веселым смехом рассказывала о том, как быстро она подружилась с новой служанкой, толстушкой Тирой, и как хитро они усыпили бдительность отца, чтобы ускользнуть на свидание с любимым. А Парафт посвящал подругу в подробности Больших Валузийских Боев, с увлечением описывал особенности противоборств у разных племен и народов и, наконец, поведал о визите в королевскую ложу. А еще они вновь и вновь целовались.

— Моя бедная Сэла,— сказал юноша, задумчиво глядя в бездонные глаза красавицы.— Ты измучилась от переживаний. Наверное, тебе становится страшно, когда ты видишь меня на арене. Не бойся — я многому научился за эти дни. Никто не причинит мне боль.

— Мой храбрый Парафт.— Девушка порывисто прильнула к нему.— Я так волнуюсь за тебя.

Каждый раз, когда ты выходишь на бой, мое сердце готово разорваться. Знаешь, я и боюсь, и люблюсь тобой. Ты такой смелый, сильный и красивый! Правда, иногда я от страха закрываю глаза и молюсь за наше счастье. Открываю — и вижу, что боги нам помогают: ты всегда побеждаешь... А еще я скоро научусь свистеть. Важная дама, которая сидит справа от меня, уже научилась. Представляешь, она кладет два пальчика в рот и так громко-громко свистит! А та, что слева, возмущается и бранит ту, что справа. Они ругаются долго-долго... А я сижу между ними, глаза зажмурю и молюсь за тебя... Правда, смешно?

Сэла вдруг всхлипнула, а затем и вовсе разразилась безудержными рыданиями. Парафт нежно обнял ее за плечи.

— Любимая, что ж ты плачешь? Ведь осталось совсем немного. Завтра я выиграю состязания, и потом мы будем вместе. Всегда. Всю жизнь! Будет так, как мы мечтали. А сейчас все идет лучше некуда, Сэла. Потерпи последний день.

Но девушка продолжала рыдать:

— Ах, Парафт! Не надо больше этих ужасных боев! Я не перенесу этого... Ведь ты уже и так сделал достаточно. Отец видел тебя на Арене, и ты ему понравился. Он мне сам сказал: «Твой жених бьется, как настоящий мужчина». Теперь он тебя уважает. Зачем обязательно побеждать? Я могу сегодня привести тебя в наш дом и сказать отцу, что ты просишь ночлега. Он все поймет, он у меня добрый. Вы с ним славно побеседуете у очага. Зачем ждать, когда придет завтра? Только не возражай, слышишь?

Парафт хотел было что-то сказать, но Сэла приложила палец к его губам, сверкнула бело-снежной улыбкой и восторженно прошептала:

— Ты видел Кулла... Неужели он предлагал тебе службу во дворце?

— Не надо сейчас об этом,— нахмурился юноша.— Я же тебе объяснял: сейчас у меня полно своих дел. Пока я не смогу перейти на королевскую службу, даже если Кулл меня позовет.

— А я все равно буду говорить подружкам, что мой муж служит при правительстве и выполняет личные поручения короля,— упрямо стояла на своем Сэла.

Напустив на себя строгость, Парафт погрозил ей пальцем:

— Никогда не надо врать. Говори, что я путешественник, обещаешь?

— Обещаю. Ах, Парафт! Не ходи завтра на Арену. Лучше возьми меня в путешествие... далеко-далеко, в волшебную страну.

Красавица опять зарыдала. Напрасно Парафт убеждал ее не расстраиваться — глаза Сэлы оставались полными слез до самого прощания. Она еще не раз пыталась отговорить своего кавалера от участия в последних поединках, но, столкнувшись с решительным сопротивлением, смирилась и притихла. Последние минуты их свидания прошли в полном молчании.

Расставшись с любимой, Парафт неспешно шел по главной улице. На перекрестках горели костры ночной стражи, прохладный ветерок шелестел листвою в окружающих богатые особняки садах. Над столицей по-прежнему висела одинокая луна.

На душе у юноши было светло и тихо. Его не пугал завтрашний день. Он знал, что выиграет Большие Бои, и поэтому не думал о них. Сейчас Парафта беспокоило лишь то, что они с Сэлой так и не смогли отыскать свою счастливую звезду.

. . .

— Брул совершил дерзкий и возмутительный поступок! — кричал разгневанный Ту. — Он бросил вызов не только королю. Он посягнул на большее — на государственный закон! На наши традиции! На священные устои предков! На народ Валузии, в конце концов!

Когда Главный советник узнал, кто скрывается под зеленой маской, он испугался — но не настолько, чтобы в присутствии Кулла метать громы и молнии в адрес Брула. В ярость Ту приводило то обстоятельство, что секрет Воинатайны стал известен не одному королю, а многим, как выразился советник, «совсем посторонним» людям. Старик был вне себя от возмущения. С трясущимися руками, бледный и взъерошенный, он метался из угла в угол, продолжая ругать пикта на чем свет стоит.

— У тебя все? — невозмутимо спросил король, дождавшись, когда советник сделает паузу. — Тогда сядь и успокойся. Мы здесь не для того, чтобы судить Брула. Надо решить, что делать завтра. А оно, кстати, уже наступило.

Кулл, Келкор и Ту собрались на ужин в гостиной с большим, украшенным ажурной бронзовой решеткой и причудливыми изразцами, камином. Еда давно стояла на столе, но к ней

никто не притронулся. Время от времени Кулл подбрасывал в огонь сухие поленья.

— На ночь я усилил охрану дворца и удвоил охрану Арены,— сказал Келкор, не сводя глаз с играющих на поленьях языков пламени.— С утра Алые Стражи возьмут под присмотр все проходы и ворота на трибуны. Один отряд солдат расположится в комнатах отдыха для участников, а другой займет позицию за близлежащим холмом. К самому узкому участку дороги, ведущей от Арены к центру города, мы подогнали сотню повозок с камнями и песком — в случае наступления толпы на дворец перекроем путь. Кроме того, завтра площадка для боев будет уменьшена, на освободившееся место поставим своих людей. С хранителем Арены я уже договорился. Подозрений это не вызовет, так как многие стражники дежурили два дня в городе и не смогли посетить состязания... Это все наши силы. Вводить в город армию пока нецелесообразно.

— Как будут действовать Алые Стражи, если бунт все-таки начнется? — хмуро спросил Кулл.— Вам будет не так-то просто пробиться к дворцу.

— Если мятеж начнется на Арене, стражи попытаются раздробить толпу и не дать ей соединиться в общую колонну. Тем временем мы успеем прибыть во дворец и принять всех, кто пожелает в нем укрыться. Разумеется, в наших руках останутся и основные крепостные сооружения. Армия начнет выметать бунтовщиков из жилых кварталов уже к вечеру, но, поскольку мы будем стараться избегать кровопролития, это может затянуться на несколько дней

и неизбежно пострадают ни в чем не повинные люди. А это крайне нежелательно.

Келкор умолк, и в комнате стало совсем тихо, лишь дрова потрескивали в камине. Главные действующие лица королевства погрузились в невеселые размышления.

— А не лучше ли арестовать эту банду? — наконец подал голос Ту. — Сейчас же, немедленно! Их мало, мы справимся — это не десятки тысяч зрителей, превратившихся в большое непослушное стадо.

— Нет, — покачал головой Кулл. — Этого сделать нельзя по многим причинам. Во-первых, они — участники Больших Боев, а, согласно древним предписаниям, на время состязаний всем атлетам гарантируется неприкосновенность. Во-вторых, они всегда держатся вместе, арестовать их без шума и скандала невозможно, так что мы можем лишь навредить себе. В-третьих, они все-таки не банда, а всего лишь горстка недовольных и обозленных на нас людей. Думаю, уже этих причин достаточно, чтобы вопрос об аресте больше не поднимался.

— Но Брула-то можно найти в городе? — не унимался Ту.

— Копьебоя искать не надо, — вздохнул король. — Сидит в посольстве и пьет нектар с Кану. Не станешь же ты, Ту, предлагать обыск в дружественном Валузии посольстве? У Брула теперь выхода нет: или полная победа, или...

Ту открыл рот, чтобы возразить, но Кулл раздраженно ударил кулаком по столу:

— Хватит! Нечего паниковать раньше времени. Келкор предусмотрителен и рассказал нам о самом худшем варианте. Самом худшем!

Но он возможен, только если случится нечто из ряда вон выходящее.

— Да,— кивнул Келкор.— Думаю, что ничего опасного не произойдет. Пошумят, покричат, отправят к нам делегацию борцов за справедливость. А тем временем Ту организует в центре города бесплатную раздачу прошлогодних арбузов, и все снова будут довольны и счастливы.

Впервые за весь вечер Кулл и Ту улыбнулись, и хотя на душе по-прежнему оставалась тревога, напряжение спало. Спокойная рассудительность Келкора и властный тон Кулла наконец-то привели советника в чувство. Он перестал нервничать и суетиться — ведь теперь было необходимо заняться подготовкой к последнему, решающему дню состязаний.

— А все-таки стоит съездить к Ка-ну,— задумчиво произнес советник.— Если даже мы не найдем там Брула, то хотя бы попросим посла рассадить на трибунах своих людей, чтобы они, если что, попытались притушить страсти. Знаете, я поеду прямо сейчас. Все равно заснуть не смогу.

Торопливо простившись, Ту ушел, а вслед за ним из-за стола поднялся и Келкор, решивший проверить посты у Арены. Оставшись один, король поудобнее устроился в мягком кресле возле камина и закрыл глаза. Он редко засыпал сразу — по многолетней привычке сначала вспоминал минувший день, затем планировал дела на день грядущий.

Глупая выходка Брула вызвала возмущение среди участников состязаний, и это могло привести к самым непредсказуемым последствиям. Недовольных властью — какой бы справедли-

вой по отношению к подданным она ни была — всегда найдется предостаточно. Однако в данном случае король и сам в душе признавал, что его лучший друг совершил нечто из ряда вон выходящее, так что повод для недовольства был вполне обоснованным. Конечно, о том, что под Куллом зашатался трон, речь не шла, но репутация, о которой испокон веков пекутся монархи, оказалась под угрозой. Кроме того, возмущенные подданные могли натворить неизвестно сколько бед — от поджогов до кровавой резни.

Король отдал должное Келкору, заранее предугадавшему эту опасность и сделавшему все возможное для ее предотвращения, а также упрекнул себя за излишне резкий тон в разговоре с Ту.

Советник ведь запаниковал, лишь почуяв угрозу благополучию в королевстве, а вот он, Кулл, прежде посчитал уязвленным себя самого, и эта личная обида едва не привела к кровопролитию при встрече с Шиканом и его товарищами. Атлант, случалось, и раньше давал волю своей дикарской необузданности, за что постоянно получал нагоняи от Ту, с пеной у рта втолковывавшему ему, что Валузия — страна цивилизованная и ее правитель обязан вести себя соответственно высокому званию монарха и достойно венчать собою огромный государственный механизм.

«Конечно, я бы схватил бы меч и поговорил со смутьянами на самом лучшем языке в мире, понятном всем и каждому,— языке звенящей стали,— думал Кулл, погружаясь в предрасветную дремоту.— А они за ужином спокойно

и деловито планируют войну с собственным народом, прикидывают, сколько людей погибнет и успеем ли мы в случае чего добежать до дворца... Кто же из нас более цивилизован?»

. . .

Над волнующимися трибунами нависла напряженная тишина. В воротах арены появились и стали сближаться два воина. Было слышно, как скрипит песок под их сандалиями да слегка позвякивают доспехи. Право оспаривать звание победителя Больших Боев в решающем поединке добились Воин-тайна и Парафт.

Теперь они стояли в десяти шагах друг от друга, крепко сжимая мечи и пока еще не поднимая щиты. Противники не двигались. Напряженное ожидание решающей схватки достигло такого накала, что зрители не выдержали — тысячи голосов слились в единый мощный крик. Толпа, взбудораженная слухами о том, что под зеленой маской скрывается один из самых приближенных к королю людей, к тому же чужеземец, высокомерно поправший древние обычаи и правила состязаний, начала неистовствовать. В глазах народа вчерашний кумир превратился в презренного обманщика, достойного лишь освистания. А его соперник, доселе воспринимавшийся как случайно побеждавший молодой выскочка, стал для зрителей прямо-таки олицетворением валузийского достинства.

Кулл не сводил глаз с обоих противников. Его последние надежды на то, что Воин-маска —

все-таки не Брул, рухнули. Пикт так и не появился в ложе, хотя Ка-ну говорил, что он собирается поспеть к решающему поединку. Горечь наполнила душу атланта — лучший друг, которому он верил, как самому себе, и так коварно обманул! Кому же теперь верить...

А между тем бой продолжался. Станный, необычный бой, рождавший в сердцах зрителей смутную тревогу. Все будто чувствовали, что для обоих противников этот бой значил нечто гораздо большее, чем просто поединок за звание победителя Больших Боев. И победа для каждого из них приносила не просто славу и почет, а нечто куда более важное. Слишком отточенным было каждое их движение, словно именно от него зависела их судьба.

Гулкое эхо прокатилось над трибунами — ни от кого не укрылось, что Парафт начал сдавать позиции. Силы его были на исходе, каждый шаг отдавался жгучей болью прежних и новых ран. Юного влюбленного охватило отчаяние. Все усилия, все самые замысловатые приемы, которые он применял, пропадали даром — ни одного слабого места у противника он так и не обнаружил.

Почувствовав, что Парафт теряет самообладание, Воин-тайна вдруг позволил себе легкую насмешку: приглашающим жестом он подозвал юношу к себе. К таким штучкам Парафт обычно относился спокойно — он сам частенько пускал их в ход, чтобы вывести врага из себя. Но сейчас злость закипела в нем с такой силой, что он с трудом сдержал себя.

«Спокойно, Парафт, спокойно.— Юный атлет изо всех сил пытался сохранять самооблада-

ние.— Я ведь сам использую такие приемы, а он всего лишь подражает мне... Но как же его одолеть? Боги, подскажите! Он безупречен в бою... Значит... Если враг совершенен, надо бить по его оружию!»

Теперь Парафт знал, что делать. Отвесил противнику учтивый поклон, как бы благодаря за приглашение. Потом несколько раз взмахнул мечом перед собой, как бы готовясь к решающему удару. А затем вдруг отступил на шаг и опустил оружие.

Воин-тайна слегка растерялся. Он понимал, что маневры противника явно маскируют нечто опасное, но что именно, пока определить не мог. И тут Парафт стремительно бросился вперед. Боковой правый в шею, прямой рубящий сверху вниз, колющий в грудь — удары один за другим посыпались на воина в зеленой маске. Он отбивал их по всем законам боя, но теперь в его действиях чувствовалась скованность и осторожность, а именно этого и добивался его молодой противник.

И тут произошло неожиданное. Внезапно Парафт бросил свой щит и, схватившись за рукоять меча двумя руками, с силой прижал клинок противника острием к земле. Воин-тайна попытался ударить Парафта своим щитом, но юноша, опередив его на одно мгновение, прыгнул прямо на прижатый к земле меч соперника.

Раздался треск. Трибуны охнули. Оружие Воина-маски разломилось пополам, и, не удержав равновесия, он рухнул лицом вниз. Взметнувшись над ним, Парафт занес свой меч для последнего удара.

...Сквозь звенящую тишину, через головы разинувших для победного крика рты зрителей, откуда-то издалека, словно дуновение ветра посреди замершего поля, раздался едва слышный, но такой родной и милый голос:

— Нет, Парафт, нет!

Может, почудилось? Но той доли мгновения, на которую Парафт замешкался, противнику хватило, чтобы, изловчившись, вогнать обломок меча в правый бок юного атлета. Не издав ни звука, Парафт откинулся назад, вяло пощупал рукою воздух, пытаясь найти какую-нибудь опору, и медленно опустился на землю.

Воин-тайна выиграл Большие Валузийские Бои.

. . .

От досады Кулл сжал кулаки. Келкор заиграл желваками и невольно положил руку на рукоять меча. Ту нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Разочарованная и обозленная публика молча сидела на трибунах, осмысливая случившееся.

— Сейчас начнется,— мрачно вздохнул король.— Что будем делать?

— Не надо объявлять его победителем,— посоветовал Ту.— Пусть поднимется в ложу, а там что-нибудь придумаем. Объявим, что по обоюдному желанию бой будет продолжен... завтра.

— Нет,— устало махнул рукой король.— Не получится.

Трибуны пришли в движение. Тысячи голов поворачивались в сторону королевской ложи,

куда не спеша шел Воин-тайна. Краем глаза король заметил, что кое-где взявшиеся за руки стражники с трудом сдерживают натиск взбужденной толпы.

«Произошло самое худшее,— с горечью подумал атлант.— Воин-тайна не просто победил: он взял верх из-за замешательства противника, воспользовался тем, что в последний момент кто-то отвлек несчастного юношу. Но если я отменю результат боя, это будет не по правилам. Меня обвинят в нарушении обычаев, зато никто не пострадает. Но они все слишком чтут свои правила. Валузия — страна цивилизованная...»

Воин-тайна поднялся в ложу.

— Ты победил! — громко произнес король.— Все было честно.

Он протянул атлету футляр из слоновой кости. Ту и Келкор хранили молчание. Внизу как-то неуверенно и вразнобой запели фанфары. Первые группы негодующих зрителей просочились на арену.

— Теперь хватит смелости снять маску? — отвернувшись в сторону, бесстрастно спросил Кулл.

— Да... конечно,— прохрипел победитель, и в то же мгновение внизу раздался шум.

Под возбужденные возгласы охраны в ложу вошли Ка-ну и Брул.

— Брул? — не веря своим глазам, воскликнул король. В недоумении повернувшись к победителю, он увидел перед собой улыбающегося Скирка.

— Что такое? Скирк? — Атлант уставился на оружейника так, словно видел его впервые.— Но как же...

Договорить он не успел. Схватив мастера за шиворот, Келкор рывком подтащил его к перилам ложи и, перекрывая гул толпы, громовым голосом прокричал:

— Славьте оружейника Скирка — победителя Больших Валузийских Боев!

— Славьте Скирка... Скирка... Скирка...— в разных концах Арены подхватили Алые Стражи. Им уже вторили те, кто успел приблизиться к ложе и видел все своими глазами. Настроение толпы стремительно менялось. Негодующий ропот перерос в недоверчивый шепот, который, в свою очередь, превратился в восторженный гул. Миру и спокойствию в Хрустальном городе больше ничего не угрожало.

— Почему ты выступал в маске? — подал голос пришедший в себя Ту.

Сиявший от радости Скирк смущенно развел руками.

— Я счел неудобным сражаться без нее. Не хотел снисхождения от судей.

«Ему, видите ли, было неудобно»,— зло подумал Кулл. Он вдруг представил себе, как беснующаяся толпа швыряет булыжники в солдат, как вырываются языки пламени из домов знати, как вода в придорожных канавах чернеет от человеческой крови.

— Ладно, ты молодец, Скирк,— вслух сказал он.— Только вот парня жаль.

Король кивнул на приближающегося Парафта, который, узнав, кто скрывается под зеленой маской, решил поздравить победителя.

— Ему надо было выиграть Большие Бои, чтобы жениться на возлюбленной. Есть такие изверги-отцы, которые издеваются над женихами своих дочерей.

— Да, Ваше Величество.— Тяжело вздохнув, оружейник опустил голову.— Они еще имеют наглость стоять перед тобой. Этот изверг — я. В оправдание могу сказать, что я встретился с Парафтом лишь накануне состязаний. Я и сейчас не знаю, откуда он и чем занимается. Правда, теперь я с радостью отдам ему Сэлу — он настоящий мужчина. Надо же, сломал мой меч!

Король лишь покачал головой и взглянул на вошедшего в ложу Парафта.

— Поздравляю, Скирк,— с трудом произнес раненый юноша.— Она знала об этом?

— Да,— кивнул оружейник.— Но я строго-настрого запретил ей раскрывать тайну. Особенно тебе.

— Парафт,— откашлявшись, обратился к раненому Келкор.— Алые Стражи не прочь увеличить свою численность. Давай вечером потолкуем об этом.

— Нет-нет! — решительно возразил Скирк.— Сегодня вечером я буду ждать тебя дома. Вместе с Сэлой...

Парафт обвел присутствующих взглядом.

— Значит, все хорошо...— Он попытался усмехнуться, но силы уже оставляли его.— Дело лишь в одном: я обещал выиграть Большие Бои — и не выиграл. Подвига не получилось. Я не сдержал слова. Поэтому я не приду, Скирк. Лучше бы она... научилась свистеть...

Последние, скорее похожие на бред, слова он произнес уже еле слышно. Закрыв глаза, Парафт начал сползать на пол, но его тут же подхватили чьи-то сильные руки. Ту распорядился отправить раненого во дворец.

Некоторое время все молчали.

— Да,— виновато пробормотал оружейник,— руки себе оторвать хочется.

— Он скоро придет в себя,— уверенно заявил Ту.— Полежит, поправится, успокоится, а потом придет к тебе, Скирк. И к тебе, Келкор.

— Он не придет,— неожиданно раздалось из угла. Все обернулись и увидели Ка-ну, возлежавшего у стола с вином и фруктами.— Ни к Скирку, ни к Келкору.

— Откуда ты знаешь? — нахмурился Кулл.

— Это мой человек,— бесстрастно пояснил посол.— Среди нашей молодежи один из самых-самых. Слово держать умеет.

— Парафт — твой лазутчик? — поразился король. Так вот почему бедный влюбленный не мог рассказать отцу своей невесты, чем он занимается.— И он не вернется?

Что мог ответить Куллу старый пикт? Его люди могли прыгнуть в чан с кипящей смолой и умереть от страшных мучений на дыбе, не проронив ни слова. Они знали цену слов и понапрасну их не произносили.

И Ка-ну промолчал.

. . .

Брул никак не мог понять, почему король принял Воина-тайну за него, и еще долгое время надоедал с расспросами, пока в конце кон-

пов Кулл не приказал ему забыть эту историю. За образцовое проведение состязаний хранителю Арены пожаловали графский титул и небольшое поместье близ столицы, чему тот был несказанно рад,— оказывается, он всю жизнь мечтал иметь собственный сад. Гораздо дальше судьба забросила Шикана — рыжего гиганта поставили во главе пограничного гарнизона, и он стал стеречь рубежи королевства от ненавистных ему чужеземцев.

Ложась спать полным надежд на счастливое будущее своей дочери, наутро Скирк проснулся самым несчастным отцом на свете. Прихватив с собой толстушку Тиру, Сэла сбежала из дому и отправилась на поиски Парафта. Выяснив, что накануне ее видели у посольства пиктов, оружейник нашел Ка-ну и долго беседовал с ним. О чем шла речь, никто не знает, но с тех пор Скирк замкнулся, передал дела и кузницы своим ученикам и почти не покидал маленькую мастерскую, колдуя над вечно раскаленными тиглями. Говорят, он выполняет какие-то специальные заказы для людей Ка-ну, не беря за это никакой платы.

Вечерами усталый оружейник спускается в гостиную и допоздна сидит у пылающего камина. За его спиной висит меч-красавец. Огненные блики играют на гранях лезвия, а две сапфировые звезды и рубиновый шарик своим сиянием напоминают кусочек звездного неба, на которое так любят смотреть влюбленные.

ВЫБОР БОГОВ

Косматые гребни волн безудержно вздымались к небесам. Жестокий шторм разыгрался внезапно. Его сопровождал злобный рев ветра, не смолкающий ни на секунду. Низкие свинцовые тучи стремительно пронеслись над kloкочущей поверхностью моря, закрывая солнце непроницаемой завесой из облаков. Линия горизонта превратилась в сплошную беспросветную стену мрака, расчерчиваемую частыми вспышками молний. Казалось, что все безбрежное пространство Западного Океана стало одним гигантским котлом с кипящей водой. В этом ураганном пекле, вблизи затерянного острова, тонула тяжелая боевая галера. Судно все еще каким-то чудом удерживалось на плаву, но высокие крутые волны настойчиво раскачивали избитую посудину из стороны в сторону, грозя в любой момент поглотить ее в морской пучине. Многовесельный корабль, напорвшись на подводные камни, медленно переваливался с боку на бок, словно гигантское морское животное, безжалостно выброшенное на рифы. Вокруг него, в черной взбаламученной воде, среди

пенистых бурунов плавали пузатые скользкие бочки, поломанные перила и множество разбитых в щепки досок. Галера, жалобно поскрипывая снастями, доживала последние мгновения. Ее такелаж, истерзанный шквальными порывами ветра, обрушившаяся на корму мачта и огромные зияющие пробоины в обнаженном днище без долгих разъяснений давали понять, что судно отправится отсюда только на морское дно.

У самой кромки грохочущего прибоя копошилась орава людей.

— Вытаскивай лодку из воды! — донесся сквозь свирепый вой ветра зычный громогласный голос Кулла. — Навались, ребята!

Ватага разбойников во главе с Куллом, стиснув зубы от напряжения, с ухающими криками выволакивала тяжелую широкую шлюпку на пологий песчаный берег.

— Давай, давай, парни...

Моряки оттащили большой глубокий челн подальше от разгневанных волн. На дне утлой посудыны плавали раздувшиеся кули с запасом сушеного гороха, черный от копоти котел и мокрый ворох какого-то грязного тряпья. Разбитый нос суденышка украшал увесистый боевой топор, воткнутый в дерево чуть ли не по самую рукоять.

— Давно я такой бури не видел, — тяжело дыша, обронил высокий жилистый парень. На мочке его облупленного уха болталась крупная золотая серьга. Ветер сорвал с его головы шапку и унес куда-то вдаль.

— А чего ты, Серьга, видал, — со злостью проворчал кто-то и сердито сплюнул на землю.

Двое мужчин чуть было не вцепились друг другу в глотки, но их тут же разняли, надавав обоим крепких тумаков.

— После налаетесь, ребята,— сурово заявил Кулл.— Когда Пекун до берега доберется.

— Не сплеховал бы валузиец в эдаком пекле,— беспокойно отозвался чей-то грубоватый, с хрипотцой голос.

— Ничего, ничего,— успокаивающе произнес один из моряков.— Не впервой, справится...

Мужчины с тревогой уставились на море.

После кораблекрушения к тому месту, куда причалили остатки команды, подплывал большой, наспех сколоченный плот. Маленькие фигурки людей с длинными шестами в руках суетно копошились по разным сторонам шаткого плавучего средства. Высокая груда ящиков и разнообразного барахла, кое-как привязанная к его грубой дощатой поверхности, неотвратимо таяла, жадно слизываемая клокочущей водой. Хлипкое сооружение мотало из стороны в сторону, как невесомую бесполезную щепку, грозя в любой момент перевернуть его вверх тормашками. С берега громко закричали, махая руками:

— Сюда, Пекун, сюда, давай!

Сразу несколько человек кинулись в воду, стараясь забросить длинные концы веревок на помощь тем, кто находился на плоту.

С грехом пополам пристав к берегу, морские бродяги, без лишних разговоров, деловито и сосредоточенно высаживались на сушу. Привыкшие к трудностям мужчины, не обращая внимания на бушующие брызги соленых волн, оказывающие их с ног до головы, торопливо сни-

мали с плота оружие, одежду, мотки веревок, кое-какие инструменты и все, что им удалось наспех прихватить с собой из трюмов гибнущего корабля. Брошенный плот тут же подхватил набежавший вал и с силой выбросил его на прибрежные рифы. Ударившись об острые подводные камни, плоский квадрат древесины с грохотом разлетелся на куски, оставив после себя только жалкую кучу раздолбанных, измочаленных бревен и досок. Отойдя подальше от черной взбаламученной воды, измученные непогодой люди без сил опускались на твердую почву, вновь обретенную под ногами после многих дней плавания.

— Капитан! — громко прокричал кто-то. — Сорока человек недосчитались! Успокой Валка их мятежные души!..

Кулл отошел в сторону, размышляя о превратностях судьбы: Что ни говори, но, в отличие от корабля, команде повезло несколько больше, и хотя не все моряки выбрались на сушу, хвала богам и за эту милость — ведь морские глубины могли с легкостью поглотить всех без остатка.

Будто читая безрадостные мысли северянина, промозглый и пронизывающий до костей ветер завыл с новой силой, словно вознамерился смести с поверхности земли все живое. Атлант глубоко вздохнул и с надеждой огляделся. Лицо его выглядело хмурым, но глаза смотрели твердо и ясно.

Увязая по щиколотку в рыхлом песке, к нему подошел шкипер галеры и, стараясь пересилить шум ветра, прокричал:

— Капитан, похоже, боги разгневались на нас, если устраивают такие суровые испытания тем, кто искренне верит в их благосклонность?

На какое-то мгновение показалось, что грохот бури стих, словно угрюмый небосвод вдруг лишился сил от столь бесцеремонной речи. Кулл встряхнул спутанной гривой черных волос, пожал широкими плечами и, наклонившись к спутнику, мудро заметил:

— Друг, прошу тебя, оставь веру в покое, ибо чистая вера никому еще не повредила...

— Кроме, разумеется, самих верующих,— лукаво изрек шкипер.

Серые глаза атланта холодно блеснули, сунувшись, как у дикой кошки.

— А я говорю тебе,— сурово сказал он, положив тяжелую ладонь на плечо собеседника,— не трогай веру, шкипер, потому как не следует всерьез сетовать на тех, чьи симпатии к людям меняются так же быстро, как и цены на восточном базаре.

Толстые губы шкипера растянулись в широкой белозубой улыбке, и он, не скрывая иронии, произнес:

— О, капитан, твои слова полны тонкого знания жизни, поскольку если люди хоть чему-то и научились у светлых богов, так это умению везде и всюду открывать базары и вести бурную торговлю...

Кулл замер на месте. Он застыл, словно каменное изваяние. По лицу искушенного жизнью воина пробежала хмурая тень невеселых воспоминаний. Он недолго помолчал, затем повернулся к собеседнику и внушительно сказал:

— Послушай меня, дружище. У богов могут быть сотни причин, для того чтобы быть недовольными нами, но, однако же, этот остров все, что послано нам небом...

После таких справедливых слов ветер как будто сжалился и немного поутих.

— Да, конечно,— со смехом заявил шкипер, потирая узловатый шрам на правой щеке.— Чего-чего, а щедрость небес хорошо известна и слишком часто не знает меры...

Ответом ему были отдаленные, рассерженные раскаты гулкового грома.

Шкипера звали Заремба. Он был высок и силен, мало в чем уступая Куллу как по ширине плеч, так и в росте. Атлант недавно познакомился с ним, взяв его на борт галеры, как человека, хорошо знающего здешние воды, и уже успел понять, что на этого чернокожего мускулистого парня можно смело положиться. Его неукротимому оптимизму, веселому нраву и покладистому характеру стоило позавидовать. Заремба оказался не только хорошим знатоком своего ремесла, но и отличным бойцом, доказав это в шумной стычке с матросами Кулла, в первый же день своего появления на корабле. В том рукопашном побоище было разбито и выбито немало носов и зубов, однако после столь убедительной проверки на прочность вольные искатели приключений безоговорочно приняли его в свою команду.

— Эх, капитан,— не унимался наблюдательный и разговорчивый шкипер.— Может, я, конечно, чего-то и не понимаю в этой не слишком дружелюбной жизни.— Заремба удрученно покачал головой.— Но, по-моему, «Высокие Небе-

са» частенько посылают испытания тем, кто все же предпочитает больше надеяться на себя, чем на тех, кто скрывает свои божественные лики за кучерявыми облаками...

Кулл ухмыльнулся.

— Клянусь Валкой! — мрачно обронил он. — Ты болтлив Заремба, как добрая сотня женщин в гареме туранийского султана. Но в твоих словах звучит немалая доля истины. И хотя мне невдомек, чем же мы рассердили небесных покровителей, но бывает порой, что их переменчивое настроение не знает меры, а недовольство переходит всякие границы...

Шкипер молча оглядел пустынный берег и согласно кивнул.

Они высадились среди песчаных дюн, покрытых чахлой растительностью. К югу, шагах в ста от kloкочущей линии прибоя, начинался лес. Ряды высоких коричневых стволов причудливо терялись в его таинственной сумрачной глубине. Те из деревьев, что стояли ближе к берегу, от постоянных ураганных порывов ветра, дующих со стороны моря, выглядели жалко. Только дикие базальтовые утесы давали им хоть какую-то надежду на выживание, заслоняя их от непогоды. Но чем дальше росли деревья от холодного, негостеприимного берега, тем ярче и гуще становилась растительность.

Острый взгляд северянина живо подмечал разнообразные детали местности. Его внимательному взору предстали изломанные вершины гор, возвышающиеся вдаль. Куллу, несмотря на приличное расстояние и полумрак, удалось разглядеть, что их склоны покрыты мелким кустарником. Ближе к морю, за песчаными

дюнами, насколько видел глаз, обильно разрослись плотные заросли можжевельника. Оттуда еле слышно доносился звон ручья, бегущего по камням.

Не тратя слов попусту, атлант поправил на поясе тяжелый топор, пошевелил широкими плечами, устраивая на спине поудобнее щит, и неспешным шагом направился на звук журчащей воды. Чернокожий шкипер без промедления последовал за ним.

Воины продирались сквозь колышущийся строй густого высохшего тростника, достигавшего в высоту не менее полутора метров. Тонкие тростниковые колосья широкой желто-грязной полосой отделяли границу лесного мира от морской хляби. Сухие прогнившие растения шелестели на ветру тревожными подозрительными голосами. Мокрая одежда неприятно сковывала движения. Мелкие колючки, беспрестанно цеплялись за штаны, одергивая людей назад. Щедрое переплетение поникших к земле стеблей заставляло Кулла и Зарембу то и дело спотыкаться, отчего оба воина изобретательно ругались на всю округу. Почва под ногами, набухшая от влаги, неприятно чавкала и липла к сапогам. Чем ближе подходили чужаки к прибрежной кромке леса, вдыхая запахи незнакомой растительности, тем громче и явственней становилось журчание ручья. Потом где-то совсем близко закричала невидимая птица, потревоженная незваным присутствием человека. Пернатое создание, громко захлопав крыльями, поспешило перелететь в более спокойное место.

Обнаруженный ручей был, как нельзя, кстати, поскольку запасы питьевой воды на судне

давным-давно подошли к концу. А та мутная неприятная жидкость, что плескалась на дне заплесневелых бочек, источала ужасное зловоние, и даже после долгого утомительного процеживания ее невозможно было пить. Моряки уже потихоньку начали роптать, бросая косые взгляды на капитана, но так неожиданно грянувшая буря живо сбила с них спесь.

Заремба побрел обратно на берег и вскоре вернулся с остатками команды. Небогатая часть скудной поклажи, наспех снятой с затопленной галеры, была свалена в общую кучу, возле живописной груды валунов. Атлант бегло осмотрел нехитрый скарб и ничего не сказал. Свежая вода подействовала на людей благотворно, и моряки слегка оживились. Послышались грубоватые шутки и бодрый смех, указывающий на то, что усталые люди после пережитого постепенно приходят в себя.

Маленькая коричневая ящерка, обеспокоенная учиненным шумом, подняла вытянутую узкую голову из травы и тут же, углядев толпу подозрительных существ, стремительно юркнула под один из больших камней, покрытых зеленоватой коркой пушистого мха.

— Вот, глазастая,— устало проговорил один из моряков.— И не подойдешь...

— Ишь чего хотел,— беззлобно ругнулся кто-то.— От тебя же, Гримлин, за целую версту столетним пойлом несет. Ты же пропитан им насквозь, от самой макушки до кончика стоптанных подошв. Чего же тут удивляться-то...

Окружающий лес подхватил это высказывание одобрительным шелестом листвы.

— Да ты хоть с подветренной стороны подбирайся, хоть по ветру, а все одно любая птиха за лигу почует,— добавил щуплый моряк, голые по локоть руки которого украшала синяя замысловатая татуировка.

Мужчины добродушно засмеялись. Гримлин с усмешкой оглядел своих дружков, скорчил важную рожу и довольно ядовито возразил:

— Настоящему бывалому мужчине крепкий настой хорошего вина с травами никогда еще не повредил...

— Ну-ка, ну-ка, поясни нам свою мысль,— загудели мужчины.

Гримлин скорчил значительную мину и довольно связно изложил свой взгляд на вещи:

— Чего там, ребята, запах.— Он похлопал себя по грязной, изношенной до дыр куртке.— Запашок мне не помеха. Мне же не с бабой мягкой на постели биться, на белых простынях. Мне ведь с врагом подлым на топорах сражаться. А уж он-то ко мне вряд ли принюхиваться будет...

— Конечно,— задумчиво протянул кто-то.— Что он дурак, что ли, принюхиваться к тебе, враг-то твой. От твоего же душистого запаха, дружище Гримлин, не то что враг какой, любая скотина в одночасье помрет...

Моряки оглушительно заржали. Гримлин сурово насупился и твердо заключил:

— Лучше провонять на всю округу дерьмом, Плывун, чем сдохнуть раньше времени...

На это справедливое высказывание никто ничего не возразил.

После короткого обсуждения лагерь решили разбить неподалеку, в тихой лощине.

Кулл отрядил нескольких человек на охоту, и те вернулись довольно скоро, сгибаясь под тяжелой тушей убитого ими кабана.

Остаток дня провели в тесном кругу, согреваясь теплом разожженного костра. Холодный ветер, качая верхушками деревьев, внимал негромкому говору людей. Отсветы кровавого пламени ложились на их лица. Моряки вяло обсуждали случившееся событие, по-житейски довольствуясь тем, что остались целы и невредимы. И хотя буря унесла их товарищей, еще неизвестно, кому из них повезло больше, тем, чьи тела сейчас покоились на морском дне, или тем, кто продолжает вести тяжелую борьбу за существование. Жизнь, с ее бесконечными, суровыми буднями, наполненными опасностями, приучила людей не заглядывать далеко вперед. А раз уж так сложилось, то к чему думать о близкой смерти, если она все равно рано или поздно придет и возьмет свое — не сегодня, так завтра. И кто знает, может, покой морского дна гораздо лучше того, что уготовано кому-то капризной фортуной...

— Не нравится мне это место,— говорил один из моряков.— Чувствую, беда будет.

— А тебе, Пекун, в любом месте что-нибудь да не так,— ругнулся его сосед справа — здоровенный кражистый тураниец, чью обнаженную грудь покрывали боевые шрамы, а часть лица была изуродована ужасным ожогом.— Каркаешь только, как ворона над душой.

— «Темный остров» это,— не слушая его, продолжал Пекун.— Я о нем в Дуур-Жаде много наслышан, в таверне старого Одрика,

что возле гавани. Один старик сказывал, что каждый, кто его увидит, долго не проживет...

— Чего же это он не проживет? — полюбопытствовал тураниец, сделав из фляги с вином приличный глоток. — Кто ему с этим затейливым делом помешает?

Пекун покачал головой и, тяжело вздохнув, сообщил:

— Про то старик не сказывал.

Люди приумолкли, теснее прижимаясь к костру, только треск горящих сучьев да ветер в листве нарушали тревожную тишину.

— Да ты, Пекун, и так зажился, — неожиданно хохотнул кто-то из бродяг.

Крепкий седовласый зарфхаанец ткнул приятеля локтем в бок и весело подхватил:

— Так что не пугайся особенно, Пекун, когда ненароком помрешь со страху...

Моряки радостно заржали.

Атлант, глядел на их веселые красные рожи, и желал только одного — поскорее убраться отсюда как можно подальше. К тем местам, где слышен щедрый звон золотых монет, а не угрюмый плач ветра, где звучат желанные голоса прекрасных женщин, и нет причин для беспокойства.

В отдалении шумел разгневанный прибой. Грохочущие волны раз за разом атаковали пологий берег, стремясь во что бы то ни стало, раз и навсегда, залить его морской водой. Однако здесь, в маленькой ложине, где удобно расположился отряд атланта, было относительно тихо и спокойно. Жаркое пламя костра быстро обогрело усталых путешественников, и, насытившись жареным мясом, они безмятежно уснули.

Только двое часовых, сменяемые каждые два часа, бдительно сторожили их покой. Ночь прошла спокойно.

На следующее утро сквозь завесу хмурых облаков наконец-то показалось солнце, рассеяв удручающий сумрак последних суток. Перекусив на скорую руку остатками вчерашнего ужина, отдохнувшие за ночь люди быстро собрались в путь.

— Хороший денек будет,— широко зевая, сказал кто-то.

— Поглядим еще,— ворчливо буркнул Пекун, зябко поеживаясь.

— А ты поменьше сомневайся,— спокойно сказал Гримлин, осторожно пробуя мозолистым пальцем остроту своего топора.— Глядишь, валу-зиец, и жить веселее станет...

— На что мне такая жизнь,— поморщился Пекун.— Когда ни от нее, ни от тебя — не продохнуть...

Пока мужчины беззлобно переругивались, солнце взошло уже довольно высоко. Лес постепенно оживал, щедро перекликаясь разнообразными таинственными голосами. Распределив поклажу поровну, моряки без лишних разговоров углубились в дебри таинственного острова.

Кулл, не желая оставаться в слепом неведении, хотел исследовать незнакомую землю как можно быстрее. Поскольку неизвестность порой плохо сказывается на здоровье тех, кто безоглядно полагается на благосклонность судьбы и надеется больше на слепую удачу, чем на толковый и здравый расчет.

— Валка! — Северянин сурово покачал головой. Пускай, кто угодно бездумно верит небесам, если ему недорога собственная шкура, но только не он.

Всякий, кому довелось знать Кулла, не смог бы упрекнуть его в праздном легкомыслии. Атлант обычно действовал осторожно и осмотрительно. Чутье варвара подсказывало ему, что вчерашняя буря возникла неспроста. Только полный дурак отнесся бы к такой буре без должного внимания: ведь каким бы ураганным ни был шторм, но он все же не может возникнуть на пустом месте, обыкновенно ему предшествуют хоть какие-то признаки, указывающие на то, что пора убирать паруса и задраивать люки. Одно обстоятельство особенно крепко засело в голове северянина: ничто не предвещало беды до тех пор, пока впередсмотрящий обрадованно не заорал, что видит землю на горизонте. Почти тотчас небо потемнело, и без всякой видимой причины наступила тьма, будто солнце сорвалось с привычного места и ни с того ни с сего вдруг кануло в бездну. Спусти короткое мгновение жестокий шквал ветра обрушился на корабль, заваливая его на левый борт. Яростно вспыхнула молния, вслед за ней прогремел чудовищный гром, и в тот момент атланту показалось, что весь мир сошел с ума. Боевая галера с ужасающим креном легла набок, почти касаясь мачтами черной воды. Но в следующую секунду вздыбившийся океан как невесомую пушинку бросил ее навстречу небесному своду...

Кулл встряхнул гривой волос, отбрасывая тяжелые мысли. Что проку в пустых размышле-

ниях, из которых нельзя извлечь никакой пользы? Тем более, если у тебя лишь одни смутные предположения.

Немногие из тех, кто остался в живых после кораблекрушения, так же терялись в догадках, сокрушаясь по поводу прошедшей бури. Но в сложившихся обстоятельствах люди предпочитали во всем повиноваться своему капитану, надеясь на его удачу, невероятную силу и способность выходить из любой передряги с выгодой для себя.

Искатели приключений двигались в полном молчании. Небольшой отряд разношерстно одетых людей, среди которых были валузийцы, стигийцы, туранцы и прочие представители разноплеменных рас и сословий, осторожно продвигался вперед. Моряки шли вдоль берега ручья, поросшего речной осокой. Его извилистое русло изобретательно петляло по лесу, уводя людей все дальше и дальше от морской воды. Охотники за удачей вытянулись длинной цепочкой, и никто не бросал лишних слов. Тревога не покидала лица людей.

Вокруг множеством несмолкающих звуков шумел густой лес. Тяжелый воздух был обильно насыщен влажными испарениями болотистых водоемов, запахами дикого зверья и стойким ароматом душистой зелени. Разнообразие густой растительности, вначале радующее глаз пестротой красок, вскоре воспринималось только как утомительная помеха продвижению. Впрочем, изредка попадались большие поляны с высокой густой травой, на которых росли странные низкорослые деревья, украшенные пышными кронами вишнево-красной листвы. В од-

ном заболоченном месте отряд наткнулся на звериный водопой. Чавкающий берег ручья укрывали несколько дочиста обглоданных скелетов и грязный череп какого-то огромного животного. Из его правой глазницы торчал полуогнившийся обрубок сломанного копья. Заремба с натугой вытащил оружие и задумчиво взвесил его на ладонях. Моряки молчали, с опаской озираясь по сторонам.

— Похоже, мы здесь не одни,— тихо молвил Гримлин.

— А ты что, рассчитывал на одинокий отдых в заповедном лесу? — хмыкнул Пливун, почесывая оголенные по локоть руки.

Гримлин хмуро с ног до головы оглядел весельчака и довольно зло огрызнулся:

— Когда будешь удирать отсюда, как шелудивый пес в поисках подходящей норы, не забудь напомнить мне эту шутку...

— Да уж,— мрачно изрек тураниец,— не хотел бы я быть дичью у здешних охотников...

Моряки нерешительно затоптались на месте. Кулл посмотрел на их лица и беззвучно двинулся вперед. За ним шагнул Заремба и все остальные. Через некоторое время люди вышли на одну из широких прогалин. В центре нее был разбит небольшой лагерь. Озираясь по сторонам, готовые к любой неожиданности, путники осторожно приблизились к нему и остановились, взирая на мрачную картину.

Вокруг давным-давно погасшего костра, от которого осталось большое черное пятно и несколько обугленных сучьев, в разнообразных позах, завернувшись в меховые плащи, лежали восемь мужчин. Все они были мертвы. Тут же

валялась их поклажа — пустые бурдюки для воды, бесполезные сабли и щиты. По истлевшим, некогда дорогим костюмам и пятнам ржавчины, покрывающим роскошное оружие, можно было судить, что эти несчастные валяются здесь очень давно. Толстый, серый слой какого-то странного и непонятного вещества покрывал их одежду и лица. Седовласый зарфхаанец концом длинной пики слегка прикоснулся к одному из тел, и оно с сухим треском рассыпалось в прах.

Несколько томительных минут слышен был только шум ветра в кронах деревьев. Внезапно поднялась целая какофония омерзительных звуков. Казалось, тысячи огромных птиц заголосили разом, издеваясь над путниками сумасшедшим смехом. Люди резко вскинули оружие, испуганно озираясь по сторонам. Нервы у всех были напряжены до предела.

Один из моряков не выдержал и, подняв с земли суковатую палку, с силой метнул ее в заросли леса. В ответ захлопали сотни крыльев, и над верхушками деревьев взметнулся еще более яростный гомон птиц.

Отряд затаил дыхание. Ибо зрелище мертвых серых тел, высушенных неумолимым течением времени, не вселяло в моряков бодрости, навевая тоскливые мысли о бренности всего живого. Но оглушительный гвалт, неожиданно-негаданно поднятый пернатыми обитателями леса, способен был свести с ума кого угодно.

Атлант повелел удвоить внимание, но его спутники и без того были настороже. Оставалось только гадать, что за странная напасть приключилась с этим лагерем и почему около

десятка мужчин, навечно уснувших у костра, не съедены дикими зверьми.

Кулл неприязненно поморщился при мысли, что с ними могло случиться нечто подобное.

Морские бродяги, минуя загадочную лесную стоянку, направились дальше. Отряд прошел немногим более мили, и совершенно неожиданно заросли кончились.

Северянин стоял на живописной опушке. Отсюда хорошо просматривалась широкая равнина с темной цепью горного кряжа над горизонтом, чьи высокие неприступные вершины, утопающие в синеве небес, были покрыты снежными шапками ледников. Над грязной макушкой одной из гор курился черный столб дыма. Моряки, сбившись в плотную группу, настороженно оглядывали открывшееся пространство.

Заремба вскинул саблю и указал ею в западном направлении.

— Глядите,— крикнул он.

Посреди равнины, утыканной странными уродливыми статуями, изображающими какого-то кошмарного бога, высились остатки грандиозного каменного дворца. Его полуразрушенные, высокие стены были облицованы глазурованными плитами, ослепительно блестевшими в солнечных лучах. Остатки некогда величественной колоннады поддерживали сооружение со всех сторон. Прямо ко входу в это циклопическое строение поднималась гигантская лестница, сложенная из тысячи широких ступеней. По обеим ее сторонам стояли высокие сторожевые башни, подножия которых были в изоби-

лии усеяны костями и черепами людей и животных.

— Не нравится мне все это,— пробормотал Пекун.

Моряки недовольно заворчали, суеверно относясь ко всякому, кто способен накликать беду.

— Заткнитесь, ребята,— сердито сказал им туранец.— Замолчите, пока я сам не заткнул ваши глотки.

Атлант оперся сапогом на поваленный ствол дерева и долгим изучающим взглядом посмотрел на равнину.

В самом деле, чем-то зловещим веяло от этого места, но ничего явно опасного не происходило. Положив ладонь на рукоять топора, Кулл решительным шагом направился в сторону дворцовых развалин. За ним последовали его люди. Но не прошли они и половины расстояния, отделяющего их от таинственного сооружения, как земля, по которой они шли, вздыбилась и, словно по волшебству, прямо из нее появился многочисленный отряд звероподобных людей, которые с ужасающими криками набросились на растерявшихся моряков.

Застигнутые врасплох люди ожесточенно защищались, однако у нападающих было численное превосходство. Первым как подкошенный упал Пекун, не успев издать ни единого звука — длинная, черная стрела с белоснежным бархатистым оперением вошла в его левый глаз. Туранец, увешанный бесчисленными телами врагов, свалился, хрипя проклятия, пока чья-то тяжелая сабля не перерезала ему горло. Немного в стороне, окруженные сборищем раз-

малеванных недругов, неистово бились Плывун и Гримлин. Они подбадривали друг друга яростными боевыми криками, но не прошло и минуты, как двух старых приятелей буквально изрубили на куски. Люди падали один за другим, оглашая равнину предсмертными стонами. Кровавая бойня продолжалась недолго. Морякам не оставили шансов, их безжалостно убили одного за другим. Только возле большой каменной статуи уродливого божка, воткнутой в землю скособоченным столбом, все еще кипел жаркий бой. Волна нападающих дикарей раз за разом откатывалась от громадного разъяренного воина, чье мрачное, искаженное битвой лицо не предвещало им ничего хорошего. Его широкую спину надежно защищал не менее сильный воин, кожа которого отливала удивительным черным блеском. Бисеринки пота, смешиваясь с алой кровью, бесшумно падали на землю, отсчитывая быстротечные секунды жизни. Прикрывшись щитами, атлант, и чернокожий шкипер яростно отбивались от наседающей толпы дикарей. Кулл рубил направо и налево. Его тяжелый топор, свистя над головами неприятелей, очерчивал вокруг атланта небольшую часть свободного пространства, достаточную для приличного взмаха топора. Заремба, благодаря природной гибкости, ни в чем не уступал северянину, ловко расправляясь со своими дико горланищими противниками. Множество трупов в самых невероятных позах валялось вокруг. Тем же из врагов, кому посчастливилось немногим больше своих мертвых собратьев, медленно отползали в сторону, освобождая место для новых покойников. Смерть

пожинала свою жатву, охотно принимая к себе души тех, кто торопился в ее холодные объятия.

Первая волна нападающих мало-помалу иссякла. Не желая больше понапрасну терять своих сородичей, дикари поспешно отступили. В тесном кругу, окруженные со всех сторон враждебными взглядами, остались стоять два огромных воина, их разодранная в клочья одежда была щедро забрызгана кровью. Тяжелое дыхание противников с хрипом вырывалось из полусотни глоток. Раздался резкий гортанный выкрик, и воздух почернел от плотных охотничьих сетей, сотканных из толстых грубых веревок, обильно пропитанных какой-то пахучей клейкой дрянью. Пара гигантов не успела ничего предпринять, их буквально забросали этим нехитрым, но эффективным оружием, полностью обездвижив.

Все было кончено, битва стихла. Низкорослые, мохнатые победители торжествующими криками огласили равнину. А уже через мгновение на Кулла и Зарембу навалилась целая куча озлобленных существ, желающих поквитаться за убитых товарищей. Атлант поджал колени к груди и скрючился от боли, стараясь прикрыть наиболее уязвимые места. Шкипера лупили особенно зверски, видимо за удивительную черную кожу и белозубый оскал, но он стойко сносил тяжкий град ударов и жуткий мордобой. Вволю натешившись над беззащитными пленниками, их крепко-накрепко опутали веревками и, надавав подбадривающих пинков, резко поставили на ноги. Ссора из-за оружия, вспыхнувшая при дележе добычи, была быстро улажена наиболее сильными пред-

ставителями своего народа. При этом чужеземцам вновь крепко досталось: их и на этот раз не забыли щедро попинать ногами по ребрам и наградить злобными зуботычинами. В какой-то момент атланту удалось извернуться и от всей души въехать сапогом в лицо одного из обидчиков. Заремба тоже не остался в стороне, и его кучерявая голова протаранила живот наиболее старательного молодца. Тут уже началась настоящая свалка, и каждый дикарь норовил опустить свой кулак на головы строптивых пленников. Если бы не резкий окрик предводителя, возможно, двух здоровяков забили бы до смерти.

Главарь что-то повелительно вскричал, и пришельцев оставили в покое. Оба воина медленно поднялись с колен и, шатаясь из стороны в сторону, распрямили спины. Несмотря на кровавые подтеки и обильные синяки, они выглядели над толпой дикарей, как два здоровых колоса среди пожухлых сорняков. Тяжелые липкие сети, чьи многочисленные концы находились в руках победителей, надежно удерживали их на месте. Звероподобные люди о чем-то коротко посоветовались, оживленно размахивая руками. Их покрытые густой шерстью тела и разукрашенные боевыми рисунками лица выглядели отвратительно. Часть туземцев подобрала убитых и раненых соплеменников и ушла в сторону леса. Оставшиеся, гудя пчелиным роем, окружили пленников. Самый рослый из них выкрикнул что-то гортанное и указал Куллу в сторону дворца.

— Капитан, эта скотина хочет, чтобы мы двигались к той позолоченной лачуге,— хрипло сказал шкипер.

— Неужели? — свирепо огрызнулся северянин.— А я-то думал, что нас сейчас обнимут как желанных родственников после долгой разлуки!..

На разбитой скуле Зарембы расцвел багровый синяк. Кулл выглядел не лучше. Но оба израненных воина были полны решимости при первой возможности вцепиться в горло врага.

Под бдительным присмотром пленников повели к руинам дворца. Позади остались окровавленные останки убитых моряков. В высоком небе, прямо над ними уже медленно кружили стервятники, казавшиеся с земли черными точками.

Когда двух связанных воинов подвели к подножию высоких каменных стен, можно было увидеть, что возле ворот этого загадочного сооружения стоит высокий и худой как жердь человек в черной мантии. Весь его облик говорил о том, что он является здесь не только жрецом, но и очень важной особой. Множество амулетов и каких-то странных маленьких позолоченных табличек с затейливыми письменами украшало его одежду. Голова была увенчана золотой диадемой, из-под которой выбивались пряди седых волос. Жестокое выражение лица этого человека не предвещало ничего хорошего.

Как только пленники очутились возле него, почтенный старец ткнул костлявым пальцем в широкую грудь Кулла и заговорил с ним на шемском наречии. Впрочем, слова звучали не-

сколько странно, благодаря гортанным звукам и необычному акценту:

— Вы умрете! — Голос звучал непреклонно.— Ваши жизни будут отданы Великому Чангу.

При звуках этого имени звероподобные люди вскинули вверх оружие и торжествующе заголосили. Когда дикари успокоились и стало тихо, Кулл невозмутимо произнес:

— Рано или поздно, жрец, мы все умрем.

Ответ прозвучал как удар кинжала.

— Вы — рано!

— Не слишком ли ты много болтаешь, старик? — взревел Кулл, удерживаемый сплетением многочисленных веревок. Дикари изо всех сил пригибали его к земле. Несколько из них бросились к атланту, стараясь утихомирить его ударами тяжелых дубинок.

— Смотри сам не подохни раньше времени,— свирепо прорычал атлант, сплевывая кровь наземь.

Старец не шелохнулся. Его хладнокровие и железная выдержка способны были вызывать подлинное уважение. Жрец спокойно посмотрел на северянина и бесстрастно пояснил:

— Такова воля Единственного и Непогрешимого Бога, повелевающего нашими жизнями...

Дикари вновь радостно загалдели, обратившись размалеванными рожами в сторону храма. Взирая на расшумевшийся народец, Заремба, не скрывая откровенной насмешки, сказал:

— Э, старик, нам ничего неизвестно про вашего дорогого Чанга. Но сдается мне, что кое-кому из вас не помешало бы научиться самому распоряжаться собственной судьбой, чем сле-

довать чужим повелениям. Или, может быть, у вас для этого не хватает ума и сил? Тогда мы могли бы одолжить вам немного и того и другого...

Физиономия жреца помрачнела.

— Что ты можешь знать о наших силах, пришелец? О нашей жизни, традициях и обычаях?..

— Нам нет дела до ваших обычаев,— сохраняя насмешливый тон, ответил Заремба,— Мы лишь потерпели кораблекрушение вблизи вашего острова и ничем вам не угрожали...

— Вы, возможно, и нет,— недовольно ответил жрец.— Но бесчисленные враги тянут свои жадные руки к нашему священному и свободному острову, и нам ничего не остается, как защищаться, чтобы спасти себя от их посягательств.

— Откуда ты знаешь, враги мы или нет? — спокойно произнес Заремба.— На нас что, печать поставлена, отличающая простых людей от тех, кто угрожает вашему благополучию?

Желтое, высохшее лицо старика исказилось хищной гримасой. Он пронизательно взглянул на Кулла, молчаливо наблюдавшего за их коротким, но важным разговором. Взгляды северянина и старца встретились. После многозначительной паузы жрец произнес, медленно цедя слова сквозь остатки зубов:

— Да, ты прав, чужеземец, кто может знать на самом деле, враги вы или нет? Но душа этого человека,— он вновь ткнул пальцем в грудь Кулла,— полна необузданными желаниями, и он способен натворить немало бед.— Старый жрец нахмурился.— Я не ведаю, кто вы и каково ва-

ше предназначение в этом мире. Но я знаю одно, тот, кто способен повелевать судьбами мира, прольет немало крови. А там, где кровь и власть,— там и вражда. Разве не так?

Холодные, колющие глаза жреца насмешливо сощурились. Разговор был исчерпан. Пленников, под охраной внушительной толпы, отвели в полуподвальное, сырое помещение, без устали указывая им дорогу наконечниками копий. Пока чужаков приковывали железными цепями к стене, Кулл встретился глазами с большой серой крысой. Ее голодные собратья острыми хищными глазами посматривали на свою будущую пищу, чьи подавляющие размеры обещали им долгое пиршество. Один из дикарей перехватил взгляд северянина и радостно засмеялся, кивнув своим приятелям на стайку омерзительных грызунов и атланта. Орава дикарей оживленно затараторила между собой, весело и жизнерадостно скалясь друг другу.

Кулл равнодушно отвернулся от них, хотя внутри у него все клокотало от ненависти.

Гулко захлопнулись двери. Короткое эхо беззвучно разбилось о сырые стены, и наступила полная тьма, как будто каменный мешок, в который засунули пленников, находился на дне самого глубокого колодца. Казалось, в мире не осталось ничего, кроме густого липкого мрака и невеселых мыслей. Атлант несколько раз попытался освободиться от крепких оков, напрягая все свои недюжие силы, однако тяжелые звенья цепей только скрипели, лязгали, но не поддавались. Мускулы на его руках вздувались огромными буграми, готовые вот-вот лопнуть от непомерного напряжения, но нет — все было

тщетно, местные кузнецы неплохо владели своим ремеслом и отлично знали рудное дело. Вконец обессилев, северянин вытянулся на холодном полу. Почти тотчас по нему довольно шустро пробежала здоровенная крыса, Кулл молниеносно ухватил ее за шкурку и с силой отбросил в сторону. Ударившись о стену, мерзкое животное издохло, не издав ни звука. В крошечной темноте активно запищали, не оставив мертвую тушку грызуна без внимания.

Время шло незаметно. Никто к ним не приходил, не появлялся, не приносил никакой еды и тем более свежей воды. Воины время от времени подбадривали друг друга какой-нибудь грубоватой шуткой, понимая, однако, что дела их плохи. Крысы нагнали и донимали их все больше и больше, настойчиво подбираясь к лакомой добыче.

Прошло немногим более трех суток, по крайней мере, так подсказывал Куллу его подведенный от голода желудок. Неожиданно возле запертых дверей, ведущих в их тюремную клетку, зазвенело оружие, послышался чей-то предсмертный вскрик, затем тяжелый засов упал, и в помещение ворвалось несколько звероподобных людей. В руках у них ярко горели факелы, и Кулл, щуря глаза от света, не сразу разобрался, кто перед ними стоит.

— О, если я не ошибаюсь, то нас сейчас освободят,— насмешливо, произнес Заремба. И хотя чернокожий шкипер по-прежнему сохранил богатое чувство юмора, время, проведенное им в холодном каменном каземате, не прошло для него бесследно. Он выглядел не лучшим образом, да и голос звучал уже не столь иронично.

— Вы пойдете с нами,— коротко повелел один из звероподобных людей, не обращая никакого внимания на тон чернокожего шкипера.— Нам нужно торопиться, пока не появилась охрана.

По местным меркам говоривший был очень высок, но все же он не доставал Куллу до плеча. Атлант обратил внимание, что узор на его лице во многом отличается от того, что он видел несколько дней назад на лицах тех дикарей, что так безжалостно перебили его отряд.

Пленников быстро избавили от тяжелых цепей. Кулл с удовольствием потер освобожденные руки и, поднявшись во весь свой гигантский рост, с хрустом распрямил широкие плечи.

Заремба мягко поднялся на ноги и шутливо заметил, что если на этом священном и свободном острове так быстро заковывают и расковывают пленников, то со свободой здесь все обстоит не так уж и плохо. Низкорослый предводитель ничего не ответил и сделал знак следовать за ним. Маленький отряд без лишних слов отправился в путь.

Они долго шли по узким и длинным коридорам, то довольно глубоко опускающимся в глубь острова, то поднимающимся куда-то к самой поверхности земли. Атлант окончательно сбился со счета — так много поворотов и лестниц им пришлось миновать. Наконец, чужеземцев привели в светлое просторное помещение. После мрачного подземелья могло бы показаться, что они очутились в раю. Их спасители, не проронив более ни звука, удалились.

Кулл не спеша осмотрелся. Они находились в просторной комнате со сводчатым потолком, пол и стены которой были украшены шкурами убитых животных. Две мягкие кушетки располагались возле небольшого бассейна с чистой водой. Вблизи окна возвышался тяжелый книжный шкаф, рядом с которым в полном беспорядке были разбросаны книги. Цилиндрические светильники из меди, под разными углами выступающие из стен, наполняли помещение мягким рассеянным светом. В дальнем углу, за полупрозрачной занавеской, на маленьком изящном столике, атлант разглядел несколько глиняных статуэток, изображающих каких-то странных птиц с длинными клювами.

— Неплохое жилье,— заметил чернокожий шкипер, с любопытством озираясь по сторонам.

— И очень гостеприимные хозяева,— мрачно добавил атлант, усаживаясь на одну из кушеток, покрытую дорогим ковром. Хрупкое резное сиденье жалобно скрипнуло, готовое вот-вот развалиться на части от такой тяжести, но тем не менее все же выдержало вес Кулла, и он с удовольствием вытянулся на ней. Заремба равнодушно пнул изношенным сапогом пару солидных фолиантов и устало опустил на свободное сиденье.

Не успели они расположиться поудобнее, как большие, украшенные сложным орнаментом двери, ведущие в соседнюю комнату, со скрипом распахнулись, и на пороге возникло еще одно звероподобное создание. Узкие плечи и впалая грудь свидетельствовали о его физической немощи. Черты сморщенного лица скрывал невероятно красочный рисунок. Впрочем,

для двух громадных чужаков он уже не блистал новизной.

— Вы можете войти,— тихим бесцветным голосом произнес этот странный обитатель двorca, указывая на открытые двери.

В следующей комнате, куда они были приглашены, на небольшом возвышении сидела ослепительной красоты женщина. Вокруг нее стояли многочисленные слуги и грозная охрана. Ее яркая красота сразу же привлекала внимание. Четкие линии тонкого благородного лица, белокурые волосы и пышное одеяние резко выделялись на фоне окружавших ее существ, некоторые из которых больше походили на ужасных монстров, чем на разумных людей.

— Я рада приветствовать вас,— мягко сказала она, когда Кулла и Зарембу усадили на мягкие подушки.

Атлант и его приятель спокойно ожидали дальнейших действий, поскольку болезненные синяки и обильные кровоподтеки не вызывали особого желания находить общий язык с теми, от кого неизвестно чего можно ожидать. Несмотря на трое суток, проведенных в сыром подземелье, оба бывалых воина держались молодцами. Кто другой, возможно, давно свалился бы с ног от усталости, но только не они. Ни здоровенный варвар с севера, ни чернокожий громила с юга не подавали никаких признаков не только слабости, но и плохого настроения.

Вначале им вернули оружие. Каким образом оно появилось здесь — оставалось загадкой.

— Какая разница, хладнокровно подумал Кулл, кто с кем, когда и против кого воюет на этой проклятой земле. Но если дикари, убившие

его людей и захватившие их добрые клинки, связаны с этой красавицей, тем хуже для нее. Если же нет, то пути местных интриг и здешних темных связей их не касаются. Поэтому Кулл и Заремба не задавали лишних вопросов, ибо привычная тяжесть топора на поясе вселяла некоторую надежду на то, что им доверяют и ожидают от них того же.

Две разодетые рабыни осторожно поставили перед ними низенький столик с обильными яствами. Парочка широкоплечих гигантов успела подметить, что обе недурны собой. Заремба даже как-то внутренне подтянулся, перекинувшись взглядом с одной из девиц. Внушительная фигура Кулла также не была обделена вниманием.

Пока они жадно угощались, запивая предложенную пищу прохладным вином, красавица не произнесла ни одного слова. Но ее беспокойные пальчики, теребившие край дорогого платка, подсказывали наблюдательному человеку, что она с нетерпением ожидает конца их трапезы.

Наконец с едой было покончено. Хозяйка хлопнула в ладоши, и столик немедленно унесли. При этом Заремба ухватил небольшую чашу с миндальными орешками и поставил ее перед собой. Его глаза красноречиво говорили, что первому, кто пожелает отнять у него сладости, он без всякого сожаления отрубит не только руки, но и голову. От свиты, окружающей молодую женщину, отошел человек в белом одеянии. Его бесхитростное лицо выглядело открытым и честным, вызывая искреннее чувство симпатии и расположения. Он уселся напротив двух сы-

тых воинов и без всяких предисловий рассказал им о том, что было причиной их кораблекрушения.

— Вам надлежит знать,— голос обладал мягким звучным тоном,— что остров, на котором вы очутились, со всех сторон окружен древним волшебством. Невидимые границы этого волшебства опоясывают берега острова широкой полосой свирепых штормов. Должно быть, вам сопутствуют боги, ибо редко кому удавалось преодолеть стихию, оберегающую эту землю от тех, кто хотел бы высадиться здесь.

Кулл молча переглянулся с Зарембой.

Рассказчик как ни в чем не бывало продолжал:

— Ваш корабль попал в сети таинственных сил, охраняющих этот остров от чужаков, и только поэтому вы очутились тут. Только один верховный жрец Макуда владеет секретами этих магических сил. В подземельях его храма находятся древние механизмы, возможно, именно они помогают ему поддерживать чары колдовства вокруг острова. Доступ к этим механизмам имеют только особо приближенные жрецы, и еще никому не удалось проникнуть в их тайну. Все, что есть на этом острове, подвластно повелениям черных последователей Макуды. Растения и животные, земля и вода, люди и их имущество, дворец на равнине, к которому вас привели,— все является собственностью жрецов Великого Чанга. Все находится в их власти...

На мгновение в комнате повисла тишина. Все словно ожидали немедленного проявления той власти, о которой только что говорили. Но

ничего неожиданного не произошло. Речь рассказчика неспешно потекла дальше.

— Те, кто противится деяниям жрецов,— умирают таинственной смертью. Их неподвижные тела, покрытые серым налетом, сохраняются долгое время, служа суровым предостережением каждому, кто осмелится противостоять Макуде. При взгляде на этих несчастных у любого нормального человека пропадает всякое желание вставать на пути Божественного Чанга.

Атлант вспомнил мертвецов в лесу, и его глаза загорелись холодным огнем.

Тем временем монотонный голос рассказчика сообщал своим слушателям новые подробности из местной истории.

— Множество веков жрецы храма Великого Чанга держат в повиновении наш народ. Каждый появляющийся на свет младенец проходит через обряд посвящения. Этому ритуалу подвержены все жители острова, за исключением касты жрецов.

Рассказчик перевел дыхание, собрался с силами, и негромкие, но печальные слова зазвучали снова:

— Ребенка кладут перед статуей Божественного Чанга, на мгновение человеческое дитя охватывает золотистое сияние, после чего младенца возвращают матери. Так продолжается уже не одну сотню лет, и постепенно люди стали замечать, что из поколения в поколение, все те, кто прошел через этот ужасный ритуал, выраждаются, превращаясь в опасных зверей. С каждым годом эти изменения становятся все отвратительней и ужасней. Немногие из тех,

кто еще сохранил человеческий облик, пытаются противостоять черным жрецам. Однако на стороне Макуды много сторонников. К сожалению, его темные догмы находят живой отклик в душах слабых и невежественных людей — все они слепо и преданно поклоняются Великому Чангу. Мы хотим, чтобы вы помогли нам избавиться от касты жрецов и их жестоких обрядов...

Заремба, на манер купцов с далекого Востока, насмешливо поцокал языком:

— О, добрый человек, наверное, вместо неприятных поклонений Макуде у вас в запасе имеются свои обряды, и они, конечно же, пойдут вашему народу только на пользу-

Рассказчик не обладал чувством юмора, и лицо его искренне омрачилось. После недолгого молчания Кулл спокойно поинтересовался:

— Но чем же мы можем вам помочь?

Человек напротив него взглянул прямо ему в глаза.

— Вы первые люди за последние пятьдесят лет, кто прибыл сюда. У вас есть мужество и желание жить.

Кулл усмехнулся.

— А куда же вы подевали свое мужество и свои желания?

Его собеседник тяжело вздохнул, с болью посмотрел на атланта и наконец ответил:

— Наши желания, свобода и жизнь находятся в руках Макуды. И не сомневайтесь, чужеземцы, теперь вы так же подвластны жрецам Великого Чанга, как и мы...

— Неужели? — ухмыльнулся Заремба, оскалившись белыми зубами.

— Такова воля Единственного и Непогрешимого Бога...

Чернокожий шкипер подкинул миндальный орешек, ловко поймал его открытым ртом и с иронией заметил:

— Ну, да, конечно, разве можно забыть такую простую истину, ведь нам об этом уже не раз говорили...

Рассказчик непонимающе уставился на него. Заремба хотел было пояснить свою мысль, но осекся под суровым взглядом атланта.

— Хотите вы того или нет,— наконец произнес рассказчик после короткой паузы,— но теперь всем нам предстоит либо сражаться вместе, либо умереть.

Внезапно где-то за дверьми возник нарастающий шум. В комнату вбежал запыхавшийся охранник.

— Моя госпожа! — крикнул он с порога.— Стражники Макуды приближаются к твоим покоям!

Все вскочили на ноги. Красавица что-то медленно приказала своим людям. Часть из них бросилась ко входу. Тяжелое громоздкое кресло, с которого поднялась молодая женщина, со скрипом отодвинули в сторону. Рабы откинули мягкий ковер, под которым обнаружилась тяжелая каменная плита. Когда ее приподняли, глазам предстал темный вход в подземелье.

— Скорее вниз,— прокричал чей-то встревоженный голос.

Кулл нерешительно затоптался на месте, но умоляющий взгляд красавицы заставил его подчиниться. Не медля больше ни секунды, он прыгнул вниз. За ним, черной гибкой тенью,

последовал Заремба и еще несколько человек. После этого каменная плита над их головами вернулась на место, и стало тихо, как в могиле. Сверху не доносилось ни звука.

Один из щуплых островитян, прыгнувший вслед за Куллоу, зажег промасленный факел, и в свете колеблющегося пламени обнаружилось, что они находятся в длинном каменном склепе, один конец которого скрывается во мраке коридора.

Какое-то время беглецы настороженно прислушивались, пытаясь различить, что происходит в комнате над ними.

— Похоже, у вашего Макуды везде есть глаза и уши,— высказался чернокожий шкипер, намекая на их торопливое бегство из покоев красавицы.

Глаза одного из звероподобных людей холодно блеснули, и он сухо заметил:

— Предатели есть повсюду...

Они прождали довольно долго, но каменная плита над ними так и не сдвинулась с места. Время томительно тянулось. Сырой недвижимый воздух и абсолютная тишина вокруг действовали угнетающе. Но люди терпеливо выжидали, когда тревога наверху уляжется и их вытащат из подземелья.

— Сдается мне, что о нас позабыли,— сказал Заремба и витиевато выругался.

Ему никто не ответил.

Наконец атлант не выдержал и резко поднялся. Вслед за ним вскочил на ноги шкипер.

— Чего мы ждем? — решительно сказал Кулл.— Нужно выбираться отсюда.

— Этот коридор никем не исследован,— ответил ему чей-то голос.— Никто не знает, куда он ведет.

— Мы уходим,— твердо произнес северянин.

Звероподобные обитатели острова о чем-то тихо посоветовались, один из них зажег новый факел и подал его атланту. Еще несколько факелов были щедро брошены к его ногам.

Заремба негромко засмеялся. Услужливая компания полулюдей молча посмотрела на него, не понимая причину веселья, но больше никто из них так и не проронил ни одного слова.

Когда неразговорчивый народец остался далеко позади, неунывающий шкипер метко заметил, что у верховного жреца Макуды есть все основания слегка недолюбливать своих подданных.

Кулл, напряженно вглядываясь в темноту, только мрачно ухмыльнулся.

Факел слабо рассеивал мрак подземелья. Каменные плиты пола, по которому они шли, были покрыты толстым слоем пыли, шероховатые стены легко осыпались, если к ним прикасались рукой.

Причудливое сплетение коридоров, глубоко вырытых в земле, вскоре превратилось в один сплошной запутанный клубок. Проплутав довольно длительное время и окончательно заблудившись, люди остановились на очередной развилке. Вправо и влево шли два узких темных коридора. Заремба, державший факел, поочередно посветил в каждый из проходов и нерешительно предложил двигаться направо. Неожиданно позади них со скрипом опустилась массивная чугунная решетка, скрытая до этого

в потолке. Кулл попытался ее приподнять, но понял, что это ему не по силам. Подбросив монету, друзья решили идти по левому проходу.

Кругом стояла давящая тишина. Кроме шороха шагов, треска факела и тяжелого дыхания двух суровых громил, идущих по темному коридору, не было слышно ни звука. Внезапно пол под их ногами провалился, и в грохоте осыпающихся камней они обрушились куда-то вниз.

Им повезло, поскольку высота была небольшой. Тот, кто устроил эту западню, рассчитал все верно, не учтя только неумолимого течения времени: ловушка сработала лишь наполовину, ибо ряд копий, на который должны были наткнуться предполагаемые жертвы, давно превратился в истлевшее дерево, только с виду выглядявшее грозным оружием.

Чертыхаясь и сплевывая песок, набившийся в рот, Кулл, а вслед за ним и шкипер быстро поднялись. Заремба, потирая ушибленный бок, сердито выругался. Немного в стороне валялся факел, каким-то чудом не погасший в этом скоротечном падении. Атлант подобрал его, раздул пламя, и когда огонь достаточно разгорелся, поднял его над головой.

Воины очутились в широком коридоре с низким потолком. Пламя слегка колыхалось под воздействием слабого ветра, дующего по проходу. Держась одной из стен, друзья двинулись в ту сторону, откуда дул ветер.

Спустя какое-то время они вышли в огромный зал. Стены этого зала слегка светились. От-

бросив за ненадобностью бесполезный факел, Кулл внимательно осмотрелся.

Длинный ряд тяжелых каменных статуй, вплотную примыкающих друг к другу, заполнял одну половину помещения. Оставшаяся половина была свободна, но весь ее земляной пол покрывали глубокие ямы. По всей видимости, ямы предназначались под другие статуи, которые, по каким-то неведомым причинам, так и не были установлены. Кроме того, посреди зала стояло несколько больших и глубоких чанов, наполненных черной, маслянистой жидкостью. Крепкие деревянные подпорки надежно поддерживали их в устойчивом положении.

Ни Куллу, ни Зарембе не надо было объяснять свойства этой едкой и вонючей смеси. Оба бывалых воина хорошо знали ее действие и не раз наблюдали, как с помощью нее воспламеняли не только сырую древесину, но и целые дома.

— Пожалуй, этой огненной водицей,— задумчиво сказал Заремба,— можно затопить все западное побережье, если не больше...

— Не знаю как побережье, но кое-кому не мешало бы пройти через очищающий огонь, дабы избавиться от скверны,— сурово согласился атлант.

Пройдя через зал, они оказались перед закрытыми дверьми. Кулл надавил на одну из массивных створок, и тяжелая дверь, обитая железом, со скрипом отъехала в сторону. За ней обнаружилась винтовая лестница, ведущая куда-то вниз. Оттуда доносились чьи-то разгневанные голоса. Судя по громкой ругани, там находились стражники, ссорившиеся из-за ка-

кой-то мелочи. Голоса звучали невнятно и грубо. Пара молниеносных ударов быстро утихомирила сварливых спорщиков.

Кулл сделал предупреждающий знак рукой, и некоторое время оба воина настороженно прислушивались, однако все было спокойно. Переведя дух, они двинулись дальше. Редкие светильники, спрятанные в специальных нишах, освещали их путь. Довольно быстро подземный тоннель привел друзей в обширную пещеру, искусно вырубленную в скале. Вся она была целиком заставлена множеством больших чанов, только узенькая дорожка, петляющая между ними, вела в неизвестность. В содержимом этих глубоких и грязных емкостей сомневаться не приходилось — все та же черная маслянистая жидкость доверху наполняла котлы.

По наклонному полу следующего тоннеля воины проследовали вперед и через четверть часа оказались на балконе еще одного гигантского зала. Ритмичные музыкальные звуки и глухие барабанные удары, идущие снизу, свидетельствовали о том, что в помещении происходит что-то важное. Северянин неслышно приблизился к ограждению и, свесившись через перила, заглянул вниз.

Картина, представшая его глазам, вселяла благоговейный трепет. В центре зала находилась грандиозная статуя какого-то божества, вырубленная из огромного куска камня. Жуткая голова каменного идола свидетельствовала о том, что чудовище полно беспощадной решимости убивать все живое. Короткие мускулистые ноги с огромными когтями-кинжалами были поджаты для стремительного прыжка. Ка-

залось, что демон в любой момент готов сорваться с пьедестала и броситься вперед, в необузданном стремлении сокрушить все на своем пути. Его верхние конечности, вытянутые книзу, с большими кистями и короткими узловатыми пальцами, отдаленно напоминающие руки, были искусно представлены в виде алтаря. Помимо статуи, по всему периметру зала стояли странные предметы огромных размеров. Все они издавали тихое гудение. Возможно, именно они были теми древними механизмами, о которых говорил рассказчик. Множество длинных и узких желобов, по которым текла черная жидкость, были вплотную подведены к ним. Противоположные концы желобов исчезали прямо в стенах зала. По-видимому, огромные сооружения каким-то образом нуждались в масляной смеси. Впрочем, Куллу это было безразлично. Десятки светильников, пламя которых было защищено мутными полупрозрачными колпаками, озаряли обширное помещение алым сиянием. Музыкальный ритм шел непонятно откуда. Кроме темной фигуры неизвестного человека, в зале никого больше не было. Его широкое черное одеяние скрывало от глаз часть жертвенного алтаря, на котором покоилось чье-то тело. Наконец, прошептав нараспев какие-то слова, человек отошел в сторону. В его руках находился длинный золотой жезл, напоминающий копьё.

Атлант заскрежетал зубами.

На алтаре находилась обнаженная девушка, только узкая набедренная повязка прикрывала ее наготу. Руки молодой женщины были скованы железными цепями. Роскошные белокурые

волосы несчастной безвольно разметались по камню. Кулл узнал в ней давешнюю красавицу. Медный тесак с широким лезвием и бурыми пятнами засохшей крови лежал в ее изголовье.

— Ты предала меня,— сказал человек в черных одеждах.— Несмотря на то что я относился к тебе со всей терпеливостью. Я предоставил тебе безграничную свободу. Ты была равной мне и могла бы занять достойное место рядом со мною, но твои поступки говорят о том, что ты никогда не будешь жрицей Божественного Чанга.

Девушка ничего не отвечала, с невыразимым страхом взирая на своего жестокого мучителя.

— Те двое, что были освобождены по твоему приказанию, Мидана, очень скоро будут найдены и отданы в жертву тому, кто повелевает нашими жизнями.

Голос был тихим и невыразительным, но в нем таилась холодная жестокая нотка, не предвещавшая ничего хорошего всякому, кто рискнет встать на пути этого человека.

— Но вначале Великий Чанг примет твою жертву, женщина.

На миг в зале повисла мертвенная тишина.

— Тем самым,— заключил человек в черном,— ты искупишь свою вину перед ним...

Девушка вновь промолчала, не в силах выскazać ни слова. Ее широко открытые глаза заморожено следили за действиями того, в чьей власти она сейчас находилась.

Явно наслаждаясь ужасом, который испытывала девушка, жрец медленно потянулся за медным тесаком и спокойно нараспев продолжал:

— Все, что находится в пределах этого острова, подчиняется силам жрецов Великого Чанга...

Дальнейших слов Кулл не стал дожидаться, стремительно прыгнув вниз. И хотя высота была большой, опыт и сноровка двух бывалых воинов не подвели Ни атланта, ни ринувшегося вслед за ним шкипера. Две мускулистые фигуры, казалось возникшие из ниоткуда, ошеломили последователя Божественного Чанга. Он замер, рассматривая тех, кто помешал его кровавому обряду.

Сделав знак Зарембе заняться жрецом, атлант бросился на помощь девушке. Несколько сильных ударов топором, и проржавевшие железные цепи, державшие Мидану, были разбиты.

Тем временем шкипер ринулся на черного колдуна. Макуда оказался не робкого десятка. Он ловко воспользовался торопливостью Зарембы и, отступив в сторону, чуть было не пронзил шкипера золотым жезлом, который держал в руках.

— Будьте вы прокляты,— тяжело дыша, прохрипел жрец.

Его черное одеяние взметнулось, словно два темных крыла. Послышалось певучее заклинание, после чего по залу прокатился легкий тревожный шорох, затем раздался тяжелый вздох, и каменная фигура идола как будто нехотя шевельнулась на своем месте. Однако охваченные поединком люди не обратили на это никакого внимания.

Разгневанный своим неудачным выпадом, Заремба бросился на Макуду, словно разъярен-

ный тигр. Увлеченный заклинаниями, темный приспешник Чанга ничего не видел и не слышал, занятый только своими отвратительными действиями. Короткий взмах топора, и бездыханный некромант как подкошенный рухнул на землю.

Некоторое время тело мертвеца оставалось на месте, затем возник негромкий треск, словно горела сухая солома, и скорчившаяся фигура жреца бесследно исчезла, оставив после себя только черный плащ и жалкую пару стоптанных сандалий.

В просторном гулком зале повисла напряженная звенящая тишина, полная неведомой зловещей угрозы. Мрачное изваяние демона угрюмо и неподвижно взирало на жалких людей, в недобрый час дерзнувших проникнуть в подземные чертоги.

Кулл внимательно осмотрелся. Только сейчас он разглядел невысокий бронзовый постамент, инкрустированный драгоценными камнями и позолотой. Он находился немного поодаль, в тени грандиозной статуи, поэтому сверху его было не видно. Вся поверхность постамента была испещрена кабалистическими знаками, истертыми временем и частыми прикосновениями множества рук до состояния полного обветшания. Сооружение озарялось мертвенным призрачным ореолом. Вокруг него особенно тесно стояли странные предметы причудливой формы — все они издавали низкое, неприятное гудение, явственно различимое при приближении к ним. Толстенные гибкие трубы тянулись от них к постаменту, обволакивая его отвратительным змеиным клубком. Многовековой слой

пыли говорил о том, что с незапамятных времен тут не было ни одного человека.

Подойдя чуть ли не вплотную к постаменту, атлант застыл в полной неподвижности, словно его вдруг неожиданно околдовали. Дикий северянин, с непритворным удивлением взирал на увиденное чудо.

На постаменте, под прозрачным светящимся куполом, в окружении голубой воды, лежал остров. Казалось, что за гранью невидимой черты остров пребывает в состоянии какого-то неувыдающего и прекрасного сна. Кружевная рябь тончайших, изумрудных волн неровными кольцами сжимала его со всех сторон. Застывший под магической занавесью, заключенный под купол мир, тихо плыл в неизвестность своей судьбы. Могучий воин внимательно присмотрелся и сразу же узнал очертания знакомого побережья. На узкой песчаной косе можно было без особого труда различить останки боевой галеры. Ближе к центру на широкой равнине стоял полуразрушенный храм. У самых гор расположился большой город. По его узким извилистым улицам бродили люди. Всю оставшуюся площадь земли занимал густой темный лес.

Заремба оглушительно кашлянул. Невидимая пыль, висевшая в воздухе, мешала свободно дышать. Звук резко оборвал тишину, но, отзвучав, он как будто канул в бездонную пропасть, наполненную гулкой непроницаемой мглой, и давящая тишина вновь навалилась на плечи.

Кулл затаил дыхание, чувствуя каждым напряженным мускулом, что атмосфера в пещере буквально пропитана древним и злобным колдовством.

— Это мой остров, родина моих предков,— тихо произнесла Милана, и вспыхнувшее на миг сияние озарило ее с ног до головы. Девушка с какой-то неподдельной щемящей нежностью посмотрела на лежащую перед ней землю и с грустью прибавила: — Мы называем его «Островом, закрытым от глаз небес».

— Не слишком радостное название,— проворчал Заремба, подавая черный плащ жреца обнаженной девушке. Женщина с брезгливостью оттолкнула предложенное одеяние, предпочитая остаться в одной набедренной повязке, чем надеть на себя одежду ненавистного некроманта.

Прозрачный купол над островом мерно излучал тревожный холодный свет. Мидана указала на него рукой и негромко сказала:

— Этот волшебный купол отделяет нас от внешнего мира. Как снять наложенное заклятие мне неизвестно. Только один Макуда владел знанием древнего колдовства.

— Против темных сил магии простой человек бессилен,— спокойно заметил Заремба.— Сдается мне, что нам здесь больше делать нечего...

Люди замолчали. Все было сказано и понято без лишних слов. Обстановка в зале накалилась от непомерного напряжения, готовая в любой момент разорваться неожиданной и неотвратимой опасностью. Грозная тишина давила на плечи, заставляя людей пригибаться к земле и с тревогой озиаться по сторонам. Можно было уходить, но северянин почему-то медлил, взвешивая на руке тяжелую сталь холодного оружия.

Наконец он решительно повернулся к постаменту с расположенным на нем островом, отгороженным от всего остального мира прозрачной волшебной сферой. Суровое лицо Кулла не сулило ничего доброго. Мрачно ухмыльнувшись, он твердо изрек:

— Против доброго топора не может устоять ни одно волшебство в мире.

Не раздумывая более ни секунды, атлант взмахнул смертоносной сталью и одним сильным ударом обрушил ее на светящийся купол. Забуренное полотно добротного воинского топора, отполированное тысячами схваток, соприкоснулось с древней магией. Нестерпимо вспыхнувший огонь ослепил глаза, раздался чудовищный удар, от которого, должно быть, содрогнулось все живое в округе. В следующую секунду почва под ногами яростно вздыбилась, зал перекосило от грохота падающих с потолка камней. В мгновение ока стены придвинулись вплотную к постаменту, нависли над ним в бесконечном стремлении накрыть его сокрушительным каменным валом, но через мгновение были отброшены неведомой силой назад. Свиstopляска и дикий танец освобожденных стихий продолжался недолго. Людей разбросало в разные стороны, как жалкую гроздь орехов. Постепенно оглушительный шум и адский грохот ожесточенных камнепадов утихли.

— Добрый топор против древней магии,-- сплевывая песок изо рта и тяжело дыша, промышчал очухавшийся Заремба.— Надо будет запомнить... Может, где пригодится, когда другого выхода не будет...

Люди медленно приходили в себя от пережитого. Кулл, слегка пошатываясь, подошел к женщине и помог ей подняться. Взглянув на постамент, северянин обнаружил, что он пуст: ни острова, ни сверкающего купола над ним больше не было. Да и сам постамент выглядел как обыкновенный оплавленный кусок большего гранитного камня, от его былой красоты и магической силы не осталось и следа. Обломки покореженных предметов, придавленных тяжестью обрушившихся камней, более не гудели. Их исковерканные останки в изобилии усеивали пол гигантской пещеры, превращенной в святилище древнего божества, чье колоссальное величие было так варварски разбито и повергнуто в прах. Тонкая струйка черной жидкости медленно вытягивалась из-под обломков.

Внезапно Милана пронзительно закричала, указывая на колоссальную статую идола.

— Вы убили Макуду,— прошелестел по залу грозный голос каменного исполина. Гулкое эхо этого голоса, отразившись от стен, ширилось и нарастало, пока не перешло в жуткий рев. Одна из гигантских лап демона с хрустом приподнялась. Исчадие ада как будто разминалось, пробуя двигаться после длительной спячки. Его окаменевшая фигура постепенно видоизменялась — камень принимал вид живой плоти.

Кулл содрогнулся, когда смертоносное дыхание чудовища коснулось его лица. Понимая, что с демоном им не справиться, атлант торопливо огляделся в поисках выхода.

Чернокожий шкипер живо указал на лестницу, ведущую наверх. Северянин подхватил ис-

пуганную девушку на руки, и они бросились к ступенькам, высеченным прямо в скале.

Очутившись на верхней площадке, беглецы оказались в том самом коридоре, по которому Кулл и его приятель пришли сюда. Не мешкая они побежали дальше.

Позади яростно ревел оживший каменный идол. Его безумный гнев сотрясал почву под ногами.

Атлант оглянулся назад и, прежде чем скрыться за поворотом, успел разглядеть кошмарный образ демона, одним гигантским скачком запрыгнувшего на балкон. Увидев смотревшего на него Кулла, Божественный Чанг злобно взревел, после чего жуткими ударами своих огромных лап принялся крушить стены коридора, по которому двигались беглецы.

Воплощенное зло в образе разгневанного чудовища, проснувшееся после многовековой спячки и заточенное глубоко в недрах острова, стремилось выбраться наружу как можно скорее. И хотя проход для его огромной туши был слишком узок, его неимоверная сила и громадные лапы недвусмысленно указывали на то, что много времени ему для этого не понадобится.

Пробегая по комнате с котлами, в которых находилась черная маслянистая жидкость, Кулл остановился и опустил девушку на землю. Ничего ни понимая, красавица испуганно посмотрела на него.

— Заремба,— обратился атлант к шкиперу,— видишь подпорки?

Тот живо сообразил что к чему, и оба воина торопливо бросились к чанам. Один за другим опрокидывались огромные чаши с горючей

смесью, бурлящий поток черной жидкости, пенящейся рекой, ринулся в проход, прямо туда, где находилось чудовищное создание. Жидкости было так много, что ее нарастающий поток грозил затопить все помещение.

Через некоторое время глубоко в недрах под-земелья, гам, где бушевало адское создание, раздался сильнейший взрыв, потрясший остров до самого основания. Вслед за ним по запутанным коридорам лабиринта пронесся оглушительный рев охваченного пламенем демона. Земля сильно задрожала, со стен и потолка вновь посыпались песок и камни.

— Нужно уходить, — прокричал Заремба.

Кулл выбил еще несколько подпорок и замер, прислушиваясь к шуму вокруг.

В коридоре, где находился демон, все громче гудело пламя. Не теряя времени, беглецы бросилась прочь. Мидана указывала им дорогу. Грохот обваливающихся коридоров, сотрясение почвы под ногами, висевшая в воздухе пыль и жуткие вопли Божественного Чанга сопровождали их путь.

Один проход сменялся другим. За ними следовали коридоры и целая вязь темных пещер. Троица мчалась со всех ног мимо комнат и зал, заполненных странными предметами, удивительными картинами и фантастической утварью.

Мужчины и женщина неслись, словно сквозь призрачный сон, безумолку сотрясаемый яростным ревом Божественного Чанга. Казалось, само время навсегда остановилось для них и этому кошмару не будет конца и края.

Как и когда они выбежали наружу, никто из них не успел заметить.

Оглядевшись по сторонам, Кулл сразу же узнал знакомое место. Лестница, ведущая вниз, и ряд высоких сторожевых башен, с черепами возле их подножий, свидетельствовали о том, что им удалось вырваться из подземелий дворца жрецов Великого Чанга.

Быстро сгущались сумерки. Близилась ночь. Множество ярких звезд выступили на небосводе.

Звезды разгорались щедро и ярко, словно россыпь драгоценных камней, бездумно разбросанных в вышине. После подземных лабиринтов дворца эта картина показалась атланту просто великолепной.

Земля вновь содрогнулась. Одна из стен дворца, глазуванная золотыми плитами, с ужасным грохотом обвалилась внутрь здания, оставшиеся стены какое-то время еще держались, но затем и они рухнули вниз, подняв напоследок огромную тучу пыли.

Внезапно гул и грохот оборвался. Было слышно только тяжелое дыхание людей, чудом вырвавшихся из западни. Откуда-то из недр земли дошел последний затихающий рев демона, и все стихло.

Легкий порыв ветерка принес ночную прохладу. На небосклон медленно всходила Луна. С высоты тысячи ступеней остров лежал как на ладони. В серебристой лунной дорожке убегающей далеко в океан, Кулл разглядел парус одинокого корабля.

— Вы разрушили чары вокруг острова, убив Макуду! — воскликнула Мидана, указывая тон-

кой изящной рукой на далекую точку приближающегося судна.— Вы убили Божественного Чанга!

Огромный диск Луны бледным таинственным светом освещал весь остров.

Заремба опустил на разбитую ступеньку храма, хитро ухмыльнулся и жизнерадостно заметил:

— Сдается мне, капитан, что даже боги смертны и порой очень неплохо горят в огне.

Кулл, поправив топор на поясе, присел рядом с Зарембой, оглянулся на девушку, с восхищением взиравшую на них, и мрачно заключил:

— При чем здесь боги, друг, просто у Божественного Чанга не было выбора...

КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ

В полночь небеса над Пурпурным городом внезапно разверзлись, разорванные ослепительной вспышкой молнии, вслед за которой тяжело зарокотал гром, разбудивший мирных горожан. Разом вспыхнули несколько лачуг, языки жадного пламени живо перекинулись на соседние дома, но огонь быстро потушили потоки воды, хлынувшей с черного небосвода.

Всполошились домашние животные. Лошади с громким ржанием вставали на дыбы, пытаясь разбить тесные деревянные стойла, испуганные свиньи метались, опрокидывая грязные кормушки, сторожевые собаки дико и жутко выли, поджимая хвосты от страха.

Вершины гор Зальгары, вздымавшиеся темной грядой над линией горизонта, неожиданно озарились багровыми отблесками гигантского пожара, словно тысячи алых демонов спустились на застывшую от ужаса землю. Холодный неистовый ливень вперемешку с крупным градом и свирепый ураганный ветер разом обрушились на столицу Валузии. Но буйства стихии хватило ненадолго, и она быстро утихомири-

лась. Сначала небо сделалось темно-синим, потом покрылось странными оранжевыми пятнами, окрасилось в глубокие кровавые тона и снова погрузилось во тьму. Слабый отзвук затихающего грома донесся издалека, и над городом повисла тревожная тишина.

Суматоха, возникшая в просторных покоях дворца, едва лишь началась буря, мало-помалу улеглась, и челядь вместе с придворными понемногу успокоилась и вернулась в свои опочивальни. Ночная стража, побряцав оружием, покричав в гулких коридорах и подняв на ноги всех, кого только можно было поднять, возвратилась на места.

Начальник дворцовой стражи отворил дверь одной из комнат и тихо вошел внутрь. Узорчатая ковровая дорожка, скрадывавшая шаги, привела его к низкому изящному столику, за которым безмятежно расположился Брул. Коренастый смуглолицый пикт с удовольствием потягивал прохладное вино, закусывая его сочными фруктами из высокой резной вазы, являя собой образец твердой и непоколебимой уверенности в том, что, какой бы ужасной ни казалась буря, она непременно пройдет, а хороший ужин еще никому не повредил.

— Садись, Кумар,— спокойно сказал Брул, указывая вошедшему на мягкие подушки подле себя.

— Но...

— Знаю, знаю,— взмахом руки прервал его пикт.— Все в полном порядке, ничего особенного не произошло.

— Не совсем так...

Как и все горцы Зальгары, Кумар не отличался красноречием, предпочитая действовать.

— Что значит — не совсем? — подскочил Брул. Услышанная новость заставила его мгновенно протрезветь. Опытный вояка подобрался, как лев, готовый к прыжку. От расслабленности не осталось и следа.— Объясни...

— Мои люди обнаружили подозрительного человека в заброшенной башне.

— Как он там оказался? — смерив начальника стражи недобрый взглядом, поинтересовался Копьебой.

— Этого никто не знает,— хмуро ответил воин.— Но могу поклясться, что лично проверил все посты. Ни одна мышь не могла проскользнуть в покои дворца.

— Тащи его ко мне,— немедленно потребовал Брул.

— Это невозможно,— развел руками горец.

— Почему?

— К нему не подступиться.— Кумар замялся, не зная, как объяснить то, что видел.— Его окружает какая-то непонятная сила, которая не позволяет подойти к нему вплотную. Двое моих воинов попытались это сделать, и сейчас их руки покрыты страшными ожогами.

Не задавая лишних вопросов, Брул резко поднялся.

— Веди,— коротко приказал он.

Сжимая в руке тяжелое копьё с широким наконечником, пикт вслед за начальником дворцовой стражи прошествовал во двор. Охранники приветствовали обоих, но те даже не взглянули на них. Они поднялись на крепост-

ную стену и направились к старой заброшенной башне.

Когда-то это высокое неприступное сооружение использовали как тюрьму для привилегированных особ королевской крови. Но времена последней великой Валузийской династии уже давно канули во тьму времен, и если от них что осталось, так только эта некогда грозная постройка, да и она пришла в полную негодность.

Поднявшись по мокрым, скользким ступеням полуразрушенной лестницы, вьющейся вокруг башни узкой дорожкой, Брул оказался на верхней площадке. Из открытых дверей, которые вели внутрь древней цитадели, на разбитые ступени падал рассеянный свет факелов, едва разгоняя ночную мглу. Изнутри доносился беспокойный говор стражников.

— А я говорю вам,—долетел до слуха пикта чей-то грубый хрипловатый голос,— что молния ударила именно сюда.

— Тебе не показалось, Ранга?

— Мне давно уже ничего не кажется,— сердито ответил тот, кого называли Рангой.

— Сослепу, наверное,— лениво пошутил один из вояк, будто не слышал ответа.

Внутри завозились, негромко звякнул металл, кто-то тяжело ухнул и, ругаясь, повалился на пол.

— Тихо вы, Кумар идет,— предостерег чей-то голос.

Пикт улыбнулся и переступил через порог мрачноватой сырой комнаты. При его появлении несколько воинов подняли факелы повы-

ше. На лице одного из них красовался свежий синяк. Брул неспешно огляделся.

На холодном каменном полу, раскинув руки, неподвижно лежал человек в невообразимо пестрых одеяниях. Одежда, покрытая пятнами грязи, свидетельствовала о том, что ее хозяин проделал немалый путь, прежде чем оказался здесь. Высокий тюрбан, украшенный драгоценными камнями, откатился далеко в сторону, обнажив густую шевелюру незнакомца. Темные глаза были широко открыты и смотрели в потолок, как будто пытались разглядеть там нечто недоступное простому смертному. Тут же, подле него, выпав, наверное, из карманов, в живописном беспорядке валялось множество глиняных фигурок людей и животных, среди которых попадались узкие деревянные дощечки с непонятными знаками и полупрозрачные разноцветные шарики из странно блестящего стекла. Тело чужака окружало еле заметное свечение, которое медленно меркло, пока не исчезло совсем, и лицо незнакомца сразу же осунулось и постарело. Один из стражников поднял камешек и бросил его в лежащего.

— Похоже, теперь к нему можно подойти, — с опаской сказал он.

Кумар достал меч и осторожно коснулся лезвием одежды чужака. Ничего не произошло.

Где-то далеко завывала собака, потом еще одна, и обе долго перекликались на все лады.

Дабы привести незнакомца в чувство, Брул приставил наконечник копья к его горлу и слегка надавил. Непрошенный гость немедленно закашлялся, глаза его постепенно приняли ос-

мысленное выражение, и он спокойно перевел взгляд на пикта.

— Кто ты? — спросил Брул, не отводя, впрочем, копья.

— Я не желаю тебе зла, добрый человек, — произнес незнакомец слова старинного приветствия, которого Брул не слышал уже очень давно. — Мое имя Видам Гулли, я прибыл к королю Валузии с очень важной миссией.

*К -К -К

Утром, когда солнце высушило ласковыми, теплыми лучами крыши Пурпурного города и на вершинах гор засияли ослепительно белые шапки ледников, в Зале Приемов устроили встречу таинственного визитера.

Без особого любопытства Кулл следил за странно одетым иноземцем, похожим скорее на процветающего купца, чем на странствующего лекаря, кем он не без гордости представился. За тронем, по левую руку от короля Валузии, стояли главный советник Ту, раб Кутулос, который мог заткнуть за пояс любого ученого Семи Империй, еще несколько человек, и Брул в их числе. Пикт несколько раз предупредил Кулла, чтобы тот не слишком доверял подозрительному гостю, явившемуся ко двору Валузийского Повелителя непонятным и странным образом. На взгляд Копье-боя, пришелец вел себя чересчур раскованно и преувеличенно любезно, как будто все вокруг было подчинено его воле. В холодных темных глазах чужака пикту чудилась насмешка. К тому же его сладкая неторопливая речь звучала как-то слишком усыпляюще.

По правую руку от короля расположились посланник пиктов Ка-Ну и начальник дворцовой стражи Кумар, чьи расторопные люди первыми обнаружили незнакомца. Алые Стражи, замершие у входа с луками наготове, внимательно следили за каждым движением иноземца.

— Я проделал долгий путь, чтобы увидеть тебя, король,— сказал Видам Гулли и низко поклонился,— ибо я прослышал о том, что ты великий воин и нет тебе равных по силе и мужеству, что ты не боишься сразиться с опасным врагом и не склоняешь голову даже перед порождениями Темных Сил!

Кулл поморщился, словно от зубной боли. От ласковых слов его начинало мутить. Он прервал витиеватую речь взмахом могучей руки:

— Зачем же я тебе понадобился, чужеземец?

— Есть тысячи видов наслаждений, король,— вкрадчиво начал Видам Гулли,— и тысячи видов боли. И нет такого человека, который бы не хотел испытать первое и избежать второго. Мы стремимся обладать вещами, которые нам нравятся и кажутся достойными, и отворачиваемся от страданий, не желая утруждать себя созерцанием человеческих мучений, отвратительных язв и смертельных ран. Но больше всего на свете мы боимся скуки...

— Говори по существу,— не скрывая своего недовольства, прервал его король.

Гулли замолчал, уставившись на крупный перстень, надетый на указательный палец правой руки. Драгоценный камень, вставленный в витую оправу, загадочно пылал изнутри.

— У нас нет времени выслушивать разную болтовню,— негромко проворчал Ту, который не сомневался, что дерзкий лекарь хочет что-то выпросить у Кулла, заморочив ему голову глупыми рассуждениями о чувственных наслаждениях.

— Скука,— невозмутимо продолжил Гулли,— одна из величайших болезней мира. Многим людям она, конечно, не грозит, поскольку все их время уходит на то, чтобы добыть самое необходимое. Но стоит только человеку достичь достатка и благополучия, как скука тут же является к нему на порог...

— Что ты имеешь в виду, пришелец? — громко спросил король, которому мудреная болтовня чужака начала надоедать.

— Позволь я расскажу тебе мою историю, король, не скрывая от тебя ничего.

Кулл терпеливо кивнул.

— С самого раннего детства меня окружало множество интересных вещей,— начал свой рассказ Видам Гулли.— Я был старшим и любимым сыном в семье знаменитого лекаря. Моего отца, Саммина Мудрого, рады были видеть при дворах могущественнейших владык мира, которые одним движением пальца посылали на смерть десятки тысяч бесстрашных воинов.— Он еле заметно усмехнулся.— Но какими бы могущественными ни были владыки, приходится признать, что и они всего лишь только люди и так же, как и простые смертные, порой страдают от недугов...

Брул сжал древко копья и сурово нахмурился.

— Как я уже говорил,— спокойно продолжил гость,— мой отец был именитым лекарем. Пользуя знатных и высокородных людей своими чудодейственными снадобьями, он достиг невероятного богатства и славы. Никто из его пациентов никогда не отказывал моему отцу ни в громких почестях, ни в щедрых наградах, ибо каждый из них, будучи в добром здравии и рассудке, не желал бы навлечь его немилость. Ведь дурные болезни и хворь приходят незваными, и лишь искусный лекарь способен избавиться от них...

Зал настороженно молчал, внимая словам таинственного гостя. Видам Гулли кашлянул.

— Нет сомнения,— сказал он, слегка повышая голос,— что никто из знатных вельмож не хотел лишиться расположения моего отца. Глядя на своего родителя снизу вверх, и я сам порою чувствовал, как земля уплывает у меня из-под ног, особенно когда в раннем возрасте был вынужден скрывать от него некоторые свои невинные шалости. Отец, желая, чтобы я развивал свои духовные силы, держал меня очень строго. Он мечтал, чтобы я продолжил наше семейное дело. Его отеческая опека превратила мое детство в годы беспрестанных занятий. В ходе мучительных ритуалов, голодания и умерщвления плоти под надзором не менее немумолимого, чем отец, наставника я научился читать мысли, передвигать предметы одной силой своего духа и даже видеть то, что лежало по другую сторону глухой каменной стены.

При этих словах главный советник так выразительно поморщился, что стало ясно: он уверен, что гость — шарлатан.

— Шли годы,— рассказывал между тем Видам Гулли, обращаясь только к Куллу.— Однажды в наш дом постучался странный человек. Он представился посланцем одного очень знатного лица из далекой страны, который искал острых ощущений и страдал из-за того, что его собственные чувства притупились. Этот человек приглашал моего отца занять место придворного, который исполнял бы все его прихоти, создавая все более новые и новые эликсиры удовольствий. Отец прогнал посланника. Это было началом конца нашего благополучия. В ту же ночь мой отец бесследно исчез. Правитель города, в котором мы жили, немедленно разослал гонцов во все соседние государства, чтобы сообщить миру об исчезновении величайшего лекаря, и повелел немедленно начать поиски. Но прошел год, а об отце не было никаких известий. Тогда я обратился к могущественному оракулу, отдав ему в качестве оплаты большую часть нашего имущества. Мудрец провел несколько ночей в гипнотическом трансе, а затем поведал мне, что мой отец находится в плену очень могущественного вельможи и что от него требуют невозможного. Но где искать этого человека, оракул не знал...

Так прошел еще один год. Наконец нежданно-негаданно пришло известие о том, что моего отца видели в Турании у богатого человека по имени Бенгали, который исповедует Культ Вечного Наслаждения. Я тут же с небольшим отрядом верных мне людей отправился в путь.

Множество дней мы были в дороге, минуя удивительные страны и шумные города, преж-

де чем оказались перед домом или, скорее, роскошным дворцом Бенгали. Войдя по широкой парадной лестнице внутрь, я был поражен творящимися там беззакониями, ибо хозяин дома непрерывно, дни и ночи, предавался немислимым оргиям.

Экзотические танцоры и странные существа, лишь отдаленно похожие на людей, наполняли низкие просторные помещения. Боль, страх, отчаяние, любовь и ненависть сплетались в единый клубок извращенных удовольствий. Густые запахи редчайших благовоний смешивались с запахом пота возбужденных тел. Повсюду звучала чувственная музыка, извлекаемая из диковинных инструментов. Бенгали же равнодушно взирал на разыгрывавшиеся перед ним страсти, изредка приказывая казнить того, в ком видел хоть малейшие признаки своей болезни — безысходной скуки.

Этот беспутный человек поведал мне, что именно он похитил моего отца и держит его в заточении. Он также сказал, что освободит его, но только при одном условии: если я найду для него и для всех его приближенных такое наслаждение, которое им никогда не наскучит, и они будут вкушать вечное блаженство, пока существует мир.

Я принял его предложение, ибо не только желал спасти отца, но и заинтересовался поставленной передо мной задачей как ученый. В самом деле, подумал я, почему бы и не попробовать избавить людей от скуки, которая время от времени терзает каждого из нас.

Я долго собирал снадобья, девять видов волшебных грибов, восемь видов целебных кам-

ней, способствующих здоровью и укрепляющих кровь. Я отправлялся за снадобьями к вершинам гор, поднимался на девять высоких хребтов, под нависшими кручами искал целебные камни, а в скалистых расщелинах — красные волшебные грибы. Я составил порошок из пяти камней, поднимающий дух и уносящий его в запредельные сферы. Я сумел изготовить эликсир любви и долголетия, что увеличивает человеческие возможности, дает силу отбросить земную шелуху и, пронзив небеса, устремиться ввысь, туда, где нет ни горя, ни бедности, ни смерти, ни болезней, туда, где небожители наслаждаются объятиями небывалых красавиц и вкушают плоды из садов радости, благоухающих неземными ароматами.

Я также отправлялся в морские путешествия, чтобы ценой невероятных усилий добыть нефритовый гриб, похожий на животное с хвостом и светящийся в темноте, гриб, который способен отнять у человека даже самое большое его зло — разум.

Но пресыщенному вельможе всего этого было мало. Ибо, как известно, новые возможности порождают новые желания, а бороться со своими желаниями он был не в силах. Тогда я обратился к древней магии. В библиотеке своего отца, насчитывающей десять тысяч свитков, я обнаружил легенду о том, что в некоем потаенном месте, скрытом не только от простых людей, но и от большинства магов, существует волшебный камень, исполняющий любые прихоти своего владельца, но добыть его может только могучий воин. И я принялся его

искать. Это оказалось очень непросто. Наконец в бездне времен я нашел того, кто мне нужен...

Видам Гулли умолк и словно позабыл, где находится. Его глаза были пусты, а лицо неподвижно, как восковая маска. Весь зал, затаив дыхание, ждал продолжения удивительного рассказа.

— Теперь мои поиски завершились,— тихо произнес Видам Гулли.— Ты избран из многих, Кулл. Тебе выпал редкий жребий увидеть то, чего не может увидеть никто, прикоснуться к тому, чего тысячи лет не трогали человеческие руки.

Советник Ту насторожился, а Видам Гулли, пока он раздумывал, достал какие-то вещицы и разложил их перед собой. Выбрав одну из длинных деревянных дощечек, он нараспев прочел несколько слов на незнакомом языке, а затем негромко сказал:

— Нам пора отправляться, Кулл.

Неожиданно сделав резкое движение, он бросил в короля яркий шарик, в то же мгновение взорвавшийся тысячами разноцветных лепестков. Опомнившись, люди Кулла попытались закрыть владыку своими телами, но рядом с ним возникла гигантская птица. Раздался громкий клекот, от взмахов крыльев поднялся сильный ветер, чудовищное создание схватило короля, вместе с ним вылетело в широкое окно и скрылось в беспредельных просторах неба.

Видам Гулли бесследно исчез.

* К К К

Птица крепко деражала Кулла в громадных когтях. Мерные взмахи крыльев стремительно уносили ее вперед. Вначале атланту показалось, что его грудная клетка не выдержит могучих объятий, но, едва он перестал сопротивляться, чудовище ослабило хватку.

Кулл впервые смотрел на землю с высоты птичьего полета и постепенно узнавал знакомые места. Они летели в сторону Атлантиды — древней родины Кулла. В разрывах проплывающих внизу облаков мелькали леса, поля, деревни, реки, города, затем до самого горизонта раскинулась широкая водная поверхность. Гладь моря едва заметно рябила от волн. Кое-где виднелись темно-зеленые проплешины небольших островов и совсем крошечные белые пятна парусов на мачтах кораблей.

Большая птица редко взмахивала крыльями, ей было достаточно потоков ветра, с которыми она прекрасно умела управляться. Миновав Острова Пиктов, самый большой из которых едва заметной темной полоской проплыл вдаль, они оказались над пустынным открытым морем. Зеркало воды стало ровным и чистым, без единого пятнышка. Атлант знал, что где-то впереди находятся Острова Заката, но они лежали на самом краю света, а за ними простиралась никому не ведомое пространство мрака и пустоты. Правда, оставалась надежда, что птица повернет к Верулии, но чем дальше она летела, тем эта надежда становилась слабее.

Постепенно начало темнеть. Сумерки медленно завладели безбрежными просторами океана, и казалось, что солнце медленно тонет в пучине, как напорвшийся на рифы корабль.

Яркая луна неспешно взошла на небосвод, озарив мертвенным сиянием вздымавшийся из воды остров.

Неожиданно мир накренился, и птица камнем рухнула вниз. Далекая земля дико закружилась, серебристый диск луны внезапно засверкал под когтями чудовища. От стремительного падения в бездну у Кулла перехватило дыхание. Проклиная Видама Гулли и всех его темных предков вплоть до десятого колена, король Валузии крепко сжал зубы и, воззвав к светлым богам, отдал себя на их волю.

Над островом в вихревых потоках воздуха кружилась мелкая черная пыль, которая тут же забила Кулла глаза и нос. Атлант зажмурился и задержал дыхание, но вездесущая пыль упрямо лезла в ноздри. Птица сделала широкий круг над побережьем и, раскинув крылья, мягко опустилась на землю. Кулл, которого она выпустила из когтей, едва успел откатиться в сторону.

— Хвала Валке,— выдохнул он, поднимаясь на ноги.

Птица огляделась по сторонам и на миг встретилась с ним глазами. Кулл уже напряг мышцы, готовясь к схватке, но огромное пернатое создание лишь скользнуло по нему равнодушным взглядом и, громко захлопав крыльями, снова взмыло в воздух.

Отброшенный поднятым ветром, атлант опрокинулся на спину и перевернулся на бок. Прямо перед его лицом торчала тлеющая лошадиная голова. В воздухе стоял резкий запах горелой плоти.

Кулл, отплеываясь и ругаясь, поднялся на ноги и внимательно посмотрел вокруг. Далеко

на востоке возвышалась гора, вершина которой словно была срезана ножом великана. Над срезом мерцал призрачный кровавый свет. Со всех сторон, куда ни кинь взгляд, раскинулась выжженная жестоким пламенем равнина, покрытая ямами и буграми. Повсюду торчали засыпанные черной пылью корни и ветви деревьев, иногда из-под слоя пепла проступали обгоревшие трупы животных.

Надеясь найти устье реки или хотя бы ручеек, чтобы утолить жажду, Кулл спустился к берегу и пошел вдоль него. Волны, накатывавшие на берег с тихим шуршанием, время от времени достигали сапог Кулла, испачканных грязью и пеплом. Вода была теплой. На ее темной взбаламученной поверхности покачивались тысячи дохлых рыб и медуз. Ветер далеко разносил запахи гари и мертвечины. На мелководье лежали трупы огромных морских животных. Чайки, серые от пепла, сидели на их вздутых боках и клевали обваренное мясо. Они даже не дрались между собой: еды было в избытке. Птицам редко выпадала такая удача.

Кулл несколько раз перепрыгивал через ручьи жидкого огня, которые медленными узловатыми потоками ползли с черной горы. Там, где они впадали в море, вода бурлила, а над ней клубился туман. Казалось, в колеблющемся мареве ворочаются огромные тени из кошмарных снов.

Берег постепенно поднимался. Атлант неожиданно заметил прямо у себя под ногами искоженную тропу, едва припорошенную пеплом, и легко взбежал по ней наверх. Приободренный тем, что поблизости могут быть люди, он не-

сколько оживился, но вскоре картина, открывшаяся ему, развеяла мечты короля. Внизу, под холмом, и вправду располагалось человеческое жилье, но оно, к сожалению, так же, как и лес, было почти полностью уничтожено огнем. От домов остались только жалкие развалины, и над ними вились темные облака густой пыли.

Ни на миг не забывая об осторожности, Кулл начал спускаться, раздумывая, где тут мог бы находиться колодец. Пройдя сквозь стену удушьящей гари, атлант отдышался и посмотрел по сторонам. Справа, в низине, стоял дом, обнесенный каменной стеной.

На первый взгляд дом казался целым и невредимым, но как следует рассмотреть его было трудно: мешал плотный дым. Подойдя поближе, король увидел угрюмый каменный дом-крепость, рядом с которым примостилась круглая башня с остроконечной крышей. Окна, смотревшие на море, зияли провалами, как пустые глазницы черепа. Высокая стена выглядела неприступной.

Кулл еще приблизился. Было по-прежнему тихо, но вдруг тишину нарушил такой странный для этого мертвого царства звук — журчание ручейка. Атлант прислушался. Да, никаких сомнений — звук шел из-за стены!

В каменной кладке была сделана огромная дверь из твердой древесины, но она оказалась заперта. Кулл обошел строение, внимательно разглядывая его, и чем дальше шел, тем больше убеждался: в доме кто-то есть. Недолго думая, он ловко перемахнул через стену и замер, но его, похоже, никто не заметил.

Внутри оказалось на удивление светло, как будто светился сам воздух. Чистый, прозрачный ручей бежал в траве прямо возле ног атланта. Он появлялся из родничка, который бил из-под круглого замшелого камня, и исчезал среди густых зарослей стелющегося по земле кустарника с белыми цветами. Король глубоко вдохнул, но аромата цветов не почувствовал. В воздухе по-прежнему витал стойкий запах недавнего пожара.

На берегу ручья, как-то неестественно подогнув ноги под брюхо, лежало странное, похожее на лошадь животное с длинным рогом на голове. Если бы бока бедняги время от времени не вздымались в такт тяжелому дыханию, его можно было бы принять за серый валун замысловатой формы, случайно оказавшийся в этом саду. Вокруг него порхали крошечные существа, такие яркие, что вполне могли бы состязаться с драгоценными камнями или редкостными южными бабочками, которых привозили в Валузию бродячие фокусники. Животное заметило Кулла, приподнялось на передние ноги, уперлось копытами в землю и вдруг сказала:

— Если испытываешь жажду, пришелец, можешь пить смело. Вода не отравлена.

Атлант помолчал, от изумления потеряв дар речи.

За спиной короля Валузии раздался знакомый голос:

— Мне очень жаль...

Кулл быстро обернулся и увидел человека в пестрых одеяниях. Видам Гулли! Атлант помрачнел, и даже сумасшедший, взглянув на него, приготовился бы к худшему.

— Мне очень жаль, что я потревожил тебя, король,— спокойно продолжил Видам Гулли,— но когда ты узнаешь, почему я это сделал, надеюсь, сменишь гнев на милость.

— Не знаю, зачем я тебе понадобился, темный человек,— тихо ответил атлант,— но я не служу колдунам.

— Я, скорее, чародей,— мягко улыбнулся тот и вдруг оказался чуть левее, так что Кулл, потянувшийся было к его горлу, уже не мог достать колдуна.

Атлант мгновенно понял, что справиться с Видамом Гулли будет не так-то легко, но тем не менее заметил:

— Неужели ты думаешь, колдун, что твое волшебство оградит тебя от моего гнева, или ты рассчитываешь, что мною можно пользоваться, как вещью?

Видам Гулли хитро улыбнулся:

— Ты же понимаешь, король, что, убив меня, никогда не вернешься ни в свое королевство, ни к себе на родину, ибо этот остров лежит не только вне корабельных путей, но и вне времени. Ты навсегда останешься здесь и никого более не встретишь.

Ни один мускул не дрогнул на лице Кулла.

— Ничего, я мог бы и подождать, колдун,— спокойно сказал атлант.— Если я таким чудесным образом прибыл сюда, то почему бы не произойти и другому чуду...

Вместо ответа чародей щелкнул пальцами. Из дома тотчас вышла обнаженная рабыня, которая катила тележку, доверху наполненную диковинными фруктами и сосудами причудливой формы.

— Угощайся,— широким жестом гостеприимного хозяина предложил Видам Гулли.

Кулл, справедливо рассудив, что, раз он для чего-то нужен волшебнику, тот вряд ли соберется его травить, протянул руку, взял самый большой кувшин и сделал из него порядочный глоток прохладного вина. Затем, утолив жажду, выбрал один из круглых красных плодов и вонзил в него зубы.

— Совсем недавно,— сказал Видам Гулли,— здесь была удивительная страна, утопавшая в прекрасных благоуханных садах. Повсюду простирались тенистые леса, кругом кипела жизнь, росли цветы, зеленела сочная трава. Птицы с желтыми, бирюзовыми и радужными перьями свободно летали в высоком небе. Чистый прозрачный воздух был наполнен волшебным туманом. В синей вышине проплывали огромные пушистые облака, большие, словно горы.

Но однажды в самом сердце острова, там, где находился процветающий богатый город, в котором все дома были из мрамора, за один день выросла плюющаяся огнем гора и уничтожила все: леса, деревни, людей и животных. Из горы много дней подряд выползало пылающее чудовище, вытягивая страшные щупальца во всех направлениях. Гора изрыгала огонь и черный пепел, пока он не засыпал все вокруг, не оставив ни клочка чистой зелени, ни капли пресной воды...

Кулл, не говоря ни слова, показал на сад и на источник во дворе дома.

— Ах, это...— усмехнулся Гулли.— Иллюзия. Смотри.

Он дунул в сторону сада, и зеленые листочки мгновенно рассыпались в пыль. Затем он кивнул похожему на лошадь животному, лежавшему около ручейка, оно быстро поднялось на ноги, слегка покачнувшись, и ударило передними копытами в камень, из-под которого бил родничок. Раздался легкий хрустальный звон, и вместо ручейка возникла неглубокая овальная чаша, сделанная из отливающего перламутром материала.

— Вода, правда, настоящая,— спокойно добавил Видам Гулли.

Через мгновение животное опять ударило копытами по камню, чародей подул в сторону кустарника, и все стало по-прежнему.

— Это сделал я,— пояснил чародей.

— Зачем? — спросил Кулл.

— Все очень просто, король.— Тем же широким жестом, каким предлагал яства, колдун показал на гору: — Этот вулкан изрыгал пламя, чтобы открыть путь к подземной сокровищнице, где спрятан камень желаний. Если ты сумеешь добыть этот камень и принесешь его мне в целости и сохранности, на острове снова возродится жизнь, словно и не приходила на эту землю беда.

Кулл помрачнел. Он не любил, когда ему ставили жесткие условия.

— У тебя черная душа, колдун,— сказал он.— Воистину ты достоин смерти.

— Только не сейчас, король,— спокойно отозвался чародей.— Мне не хотелось бы умереть на пороге своей мечты.

Откуда-то издалека ветер донес ужасный вой. Прислушиваясь к нему, Кулл мрачно заключил:

— Хорошо, колдун, я добуду камень, чего бы мне это ни стоило, но помни: твое время скоро придет.

— Что такое время? — пожал плечами Видам Гулли.— Впереди у меня целая вечность наслаждения...

— Значит, ты солгал мне тогда, во дворце? Ты заботился только о себе?

Маг покачал головой:

— Нет, король, в моих словах не было лжи. Просто случилось так, что я, пока искал волшебный эликсир наслаждения, понял: люди не достойны столь великого дара. Посуди сам, разве могут они загадать общее желание, если каждый не в силах разобраться со своими потаенными страстями? Нет, они скорее перебьют друг друга, чем согласятся пожертвовать личным во имя общего.

Кулл подумал, что, может быть, колдун отчасти прав. По крайней мере, со своими придворными советниками ему всегда было сложно договориться, и все самые важные вопросы король решал самостоятельно. Впрочем, так и должно быть, когда речь идет о судьбе государства...

— Ты отправишься немедленно, о Великий Король.— В словах мага прозвучала явная насмешка.— Этот вулкан нелегко удерживать в повиновении,— хладнокровно пояснил он.— С каждым мгновением мне все труднее справляться с его разрушительной силой.

— Надеюсь, рано или поздно она сломает тебе хребет, колдун,— мрачно ухмыльнулся Кулл.

— Лучше подумай о подземелье, король,— с безмятежной наглостью продолжал Видам Гулли.— Там множество скрытых ловушек, избежать которые тебе поможет мой путеводный колокольчик. Он будет предупреждать тебя об опасности и указывать нужное направление.

В воздухе рассыпался мелодичный звон, похожий на смех юной девушки.

— И еще,— сказал чародей,— я не знаю, что тебя ждет в сокровищнице, поскольку вот уже тысячу лет никому из смертных не удавалось вернуться из нее. Но тебя избрали боги, а это значит, у тебя есть надежда. Разумеется, к самой сокровищнице я тебя не смогу доставить, пока действует древняя магия. Но сократить путь помогу...

Начертив на земле круг, колдун вписал в него какие-то непонятные знаки и, закрыв глаза, пробормотал несколько слов на незнакомом атланту языке. Знаки таинственно засветились, а земля внутри круга вдруг стала зыбкой, словно поверхность озера.

— Встань сюда и приготовься,— властно потребовал Гулли.

Кулл стиснул зубы и, сохраняя железную выдержку, вошел в круг. По его телу пробежала легкая судорога, и он почувствовал, как все вокруг начало медленно таять в белесой мгле. Вскоре очертания предметов окончательно расплылись, потонув в призрачном тумане. В следующее мгновение перед глазами короля бесшумно взорвался огненный шар, ослепив его. На миг атланту показалось, что земля вдруг

вырвалась у него из-под ног, он вытянул вперед руки, ища хоть какую-нибудь опору, и его ладони наткнулись на шершавую стену, которая неожиданно притянула атланта к себе.

*К -К -К

Зрение быстро вернулось. Король Валузии лежал на краю огромной воронки, куда беспре-
станно осыпался гравий. Желтый дым завола-
кивал дно кратера, по которому змеились пуль-
сирующие паутины света, иногда расцветая
фонтанами жидкого пламени. На самом дне
черной ямы возвышалась высоченная белая
башня, похожая на гигантский бивень слона.
Башню окружали чудовищные острые пики.
Вздымавшиеся на невообразимую высоту, они
были покрыты застывшими потоками лавы.
Безжалостная жара мешала дышать.

Вдруг послышался серебряный звон колдов-
ского колокольчика. Атлант посмотрел по сто-
ронам: совсем недалеко торчала из земли руко-
ять меча. По узорчатому рисунку на широком
клинке король узнал оружие — это был его соб-
ственный меч.

— Хвала Валке, что колдун не забыл о такой
малости!

Повесив меч на пояс, Кулл заскользил на
спине вниз ко дну кратера, нисколько не со-
мневаясь в том, что, раз Видам Гулли вспомнил
об оружии, он не позволит ему заживо сгореть
на этой чудовищной сковородке. Стало еще
жарче, воздух поплыл перед глазами, и атланту
показалось, что его легкие постепенно напол-
няются расплавленным металлом, и вдруг ма-

ленький снежный смерч, возникший из пустоты, выбросил короля на ледяную дорожку, ведущую прямо к подножию башни.

Лед под ним сразу же начал трещать и плавиться, клубясь лиловым туманом. Кулл понял, что медлить нельзя, и помчался по белой дорожке, легко отталкиваясь от нее ногами.

Перед входом в башню находилась небольшая площадка из огромного отполированного алмаза, гладкая и скользкая. Она заканчивалась гигантской дверью из неизвестного материала, по которой то и дело пробегала едва заметная рябь.

Атлант осторожно приблизился к двери и ударил по ней рукоятью меча. В ответ раздался тонкий звон, и Кулл почувствовал, что его голову будто сжимают чудовищные тиски, которые с каждым мгновением давили все сильнее, пока перед глазами атланта не поплыли круги. Он пошатнулся, теряя сознание от невыносимой боли, но в это мгновение, заглушая кошмарный звон, снова прозвучал волшебный колокольчик. И дверь пропала.

Кулл оказался в начале длинного, уходившего в непроглядную тьму зала, по обеим сторонам которого возвышались ряды колонн самых причудливых форм. Часть из них была сделана в виде человекообразных фигур, как женских, так и мужских, а другая напоминала поднявшихся на дыбы свирепых зверей. Взгляды всех изваяний были устремлены на чужака.

Не успел Кулл сделать и несколько шагов, как из-за колонн совершенно бесшумно появилась стая шестилапых белых обезьян, которые бросились на атланта. Вожак стремительно вы-

скочил из-под ноги каменного истукана, но острое клинка, сверкнув, как молния, легко раздробило ему череп. Вторая тварь успела с громким клацаньем сомкнуть челюсти на плаще Кулла, но тут же лишилась головы — удар тяжелой рукоятью мгновенно вышиб мозг обезьяны.

Атлант вытащил из-за пояса нож и метнул в следующую образину, которая уже приготовилась к прыжку. Нож легко прошел сквозь короткую шею, и тварь забилась в агонии.

Остальные обезьяны, явно не желая разделить участь сородичей, жутко взвыли и умчались в темные боковые проходы.

Кулл мрачно усмехнулся, вытер меч о шкуру одного из поверженных врагов, выдернул нож из его шеи, и тут в третий раз прозвенел колокольчик.

Атланту почудилось, что каменные истуканы зашевелились, а воздух начал скручиваться в воронку, что-то загрохотало, послышался свист. Теперь колонны и правда задвигались. Каменная женщина рядом с Куллом приподняла ногу и с хрустом раздавила труп шестилапой обезьяны. Кровь брызнула на одежду атланта, он метнулся назад, чтобы не стать следующей жертвой, однако с противоположной стороны ему навстречу шагнуло каменное чудовище, похожее одновременно на медведя и на кабана. Клыкастая морда повернулась к королю, и на мгновение их взгляды встретились. Маленькие желтые глазки смотрели на того, кто посмел нарушить тысячелетний покой, с лютой злобой и ненавистью.

Тем временем возникший в воздухе вихрь, вытягивавший в себя мелкие камешки с пола,

медленно раскручивался в сторону Кулла. Полумедведь-полукабан сделал второй тяжелый шаг и с грохотом опустил каменную лапу с длинными когтями на то место, где мгновение назад стоял жалкий человечек, дерзнувший оказаться у него на пути. Издав громоподобный рык, чудовище быстро повернулось к ускользающей жертве. Остальные демоны медленно окружали короля. Одно из исчадий Тьмы протянуло к нему огромную руку, намереваясь смести его с лица земли одним махом, однако атланта уже подхватил налетевший ветер, как будто тот был не тяжелее камешка.

Кулл летел в вихре, который нес его сквозь анфиладу залов, сменявших друг друга с поразительной быстротой и похожих как две капли воды. Атлант даже подумал: этот полет не более чем наваждение, на самом деле он никуда не движется, а пребывает в кошмарном сне. Но потом залы стали различаться, меняясь прямо на глазах, колонны становились все более и более строгими, пока в конце концов не превратились просто в гладкие цилиндры.

Вихрь нырнул в очередную арку, где была кромешная тьма, и прекратился, мягко опустив Кулла на пол. Постояв немного, он шагнул вперед, тьма осталась за спиной, а то, что атлант увидел, заставило его замереть от изумления.

Он стоял на уступе под самым потолком пещеры, уходившей в невидимую даль. С потолка свисали тысячи и тысячи разноцветных игл толщиной с человеческую руку, а где-то между ними пылали огненные шары, которые бросали призрачный свет на скрытое тенями дно пропасти.

Там, внизу, Кулл разглядел блуждающие огни и тут же услышал вопли неведомых созданий, которым, казалось, было не на что надеяться. Они словно умирали и вновь рождались каждое мгновение, снова и снова, и этому не было конца. Атлант вздрогнул от ужаса и отвращения.

От уступа вниз вела еле различимая тропинка вдоль почти отвесной стены, и Кулл направился по ней, шагая размеренно и быстро. Тропка иногда почти совсем исчезала, сужаясь до размера его ступни, мелкие камни то и дело срывались в пропасть, но атлант не останавливался, не прижимался к стене и не смотрел вниз, будто совсем рядом вовсе и не зияла пропасть. Ему уже начало казаться, что спуску не будет конца, как тот неожиданно завершился и плавно сошел на нет, а тропа превратилась в широкую дорогу.

Перед Куллом насколько хватал глаз простиралась равнина с невысокими скалами. Между остроконечными пиками постоянно двигалось и ворочалось Нечто, скрытое тенью, в темных низинах кружились огни, со всех сторон неслись душераздирающие крики.

*К -К -К

Атлант не стал долго задерживаться на одном месте, тем более что стена за его спиной вдруг затряслась и сверху посыпались мелкие камни. Опустился густой туман, в котором невозможно было что-либо разглядеть, кроме блуждающих огней, и Кулл пошел туда, где их было больше всего.

Невидимые звери окружили его, он слышал совсем близко их дыхание. Они пока не напали, но Кулл на всякий случай положил ладонь на рукоять меча.

На миг ему почудилось, что далеко впереди блеснуло озеро, но туман сразу же стал еще плотнее, и Кулл потерял направление. Под ногами захрустела острая высохшая трава, начали попадаться голые кусты и невысокие деревья.

Неожиданно впереди снова блеснула вода. Сомнений не оставалось — впереди лежало озеро, но подступы к нему загораживали мертвые заросли.

Сухие ветви переплетались так плотно, что пройти через них, казалось, было невозможно. Однако Кулл прорубил себе путь мечом. Блуждающих огней становилось все больше и больше, а вот вопли за спиной почему-то утихли.

Заросли внезапно кончились, и атлант увидел перед собой широкое озеро, в середине которого поднимались развалины древнего города, тянувшегося не вширь, а ввысь. Огромные башни с бегущими вокруг них спиральными лестницами устремлялись под самый потолок пещеры, почти срастаясь с разноцветными иглами, высокие арки вставали там и тут, между башнями провисали веревочные мосты, увитые гнилыми водорослями.

И никакого движения. Город был давно мертв.

За спиной Кулла треснуло дерево. Он резко обернулся: из проделанной им просеки выбежали несколько сине-рыжих тварей, одна из которых, гулко рыкнув, оскалила усеянную желты-

ми зубами пасть и бросилась на человека. Раздвоенный, как у змеи, язык трепетал, разбрызгивая слюну, острые рога и торчавшие во все стороны шипы делали зверюгу похожей на порождение самой Тьмы. Ее собратья без промедления устремились вслед за ней, оглашая округу жутким воем.

Король поднял меч, намереваясь продать свою жизнь как можно дороже.

Первая нападавшая bestия прыгнула на Кулла с ощеренной пастью и громко щелкнула челюстями, но атлант оказался проворнее: он молниеносно прыгнул, выставил стальной клинок вверх и резким движением вспорол мохнатое туловище от горла до паха. Взыв от боли, демоническое создание рухнуло на песок. Его уродливые сородичи тут же накинулись на него, как стая голодных псов на добычу, и в один миг разорвали в клочья.

Насытившись, одна из тварей метнулась к Куллу, но он был начеку и, вовремя заметив угрозу, одним ударом разрубил монстра пополам. Другие демоны не рискнули продолжить атаку. Злобно рыча, они расступились перед атлантом, пропуская его к берегу.

У самой воды Кулл увидел несколько причаленных лодок — маленьких рыбацких челноков, похожих, скорее, на кормушки для свиней. Однако выбирать не приходилось. Он с трудом втиснулся в лодку, взял в руки весла — просто две доски — и поплыл к острову.

Зловещий город высился над темными холодными водами, словно созданный не руками неизвестных строителей, а волей отчаянного безумца, ибо только сумасшедший мог бы обитать

в этих мрачных зданиях: узких башнях и домах, ни одна из стен которых не была строго отвесной.

Атлант причалил к длинному каменному выступу и забрался на него. Справа возвышался портал, ведущий в огромное здание. Вход был открыт: двери валялись рядом, разбитые и покореженные. Внутрь вела темная лесенка с маленькими ступеньками, уходящими вверх. Кулл взошел по ней, оказался на городской улице, мощенной крупными серыми булыжниками, и пошел вперед, настороженно озираясь.

Окна зданий были слепыми, большинство дверей — запертыми, на каждом пороге лежал толстый слой пыли. Тихие извилистые улицы пересекало множество арок, щербатые стены сооружений с гирляндами балконов уходили высоко вверх. Некоторые из балконов нависали так низко над мостовой, что почти опирались на нее. Время от времени попадались арки, сделанные из меди, серебра и даже из чистого золота. В одном месте атлант увидел колоннаду, поддерживавшую грандиозный храм, стены которого были искусно отделаны драгоценными камнями.

Улица, повернув налево, выходила на широкую круглую площадь, посредине которой стояло каменное изваяние, вырубленное из целого куска гранита. Кулл подошел поближе и остановился напротив. Изваяние было примерно с него ростом. Коленопреклоненная женщина с уродливо выступавшим затылком двумя руками держала перед собой большую черную чашу, в которой лежал удивительный камень, излучавший темно-голубой свет.

Кулла окружили смутные тени и начали еле слышно нашептывать ему что-то на странном древнем языке. Он попытался увидеть хотя бы одну из них, но едва он поворачивался в ее сторону, как она исчезала. Вдруг то ли ему почудилось, то ли действительно зазвучала тихая, печальная музыка.

Атлант вытянул руку, осторожно прикоснулся к камню, и на какой-то неуловимо краткий миг ему показалось, что изваяние чуть шевельнулось. На ощупь камень оказался гладким и теплым, словно живое существо. Кулл аккуратно вынул его из чаши, тени резко отпрянули, и музыка внезапно оборвалась.

Из камня исходило свечение. Кулл всмотрелся и увидел в темной глубине расплывчатую фигурку. Сначала она казалась почти бесформенной, но постепенно ее очертания становились все более и более ясными, стали видны руки, ноги, затем проступило уродливое лицо изваяния, перед которым стоял атлант. Он оторвал взгляд от камня и посмотрел на скульптуру.

Каменная женщина медленно подняла голову и равнодушно взглянула на короля. По щеке идола пробежала кровавая слеза, руки изваяния дрогнули, чаша выпала и разбилась. И тут же мостовая зашевелилась, закачавшиеся булыжники стали скользкими, со всех сторон слышался угрожающий шум, словно под ногами проснулось целое море, над черепичными крышами возникло слабое марево. В окнах домов стало разгораться холодное яростное свечение, как будто весь город сурово смотрел на при-

шельца, который дерзнул взять то, что ему не принадлежало.

Лицо статуи оживо. Холодный блеск гранита вдруг превратился в блеск жирной кожи, в пустых глазах проявились черные зрачки. Уши женщины вытянулись и заострились, рот открылся, каменные колени дрогнули, чуть раздвинулись, и она медленно встала, вдруг оказавшись выше Кулла. Он с ужасом увидел желтые клыки и багровый трепещущий язык. Надбровные дуги идола стали выпуклыми, лоб сузился, а подбородок расширился. Горло ожившей статуи затрепетало, и из него вырвалось глухое, злобное рычание. Теперь существо, стоявшее перед Куллом, уже нельзя было назвать женщиной. Оно скорее походило на огромную львицу, которая встала на задние лапы.

Король Валузии посмотрел в горящие ненавистью глаза чудовища и невольно шагнул назад. Монстр протянул к нему лапы, Кулл, не раздумывая, ударил мечом по длинным узловатым пальцам с изогнутыми острыми когтями, но клинок только со звоном высек сноп искр. Оживший гранит все-таки остался камнем.

Понимая, что со статуей ему не справиться, Кулл оглянулся в поисках выхода и увидел лестницу, которая висала вокруг высокой башни, соединенной наверху с другими башнями целой системой висячих мостов. По ней, пожалуй, можно попробовать бежать.

Тем временем чудовище резво спрыгнуло с постамента. Пока Кулл озибался, каменная тварь подняла лапу, намереваясь одним ударом разделаться с непрошеным гостем. В последнее мгновение атлант попытался смягчить выпад,

но ему это плохо удалось. Гранитная лапа легко подбросила его в воздух, и он едва сумел перевернуться, чтобы встать на ноги.

Статуя, словно догадываясь о намерениях Кулла, преграждала ему путь к лестнице. Он сделал обманное движение, резко метнулся под ноги монстру и, несколько раз перекувырнувшись, оказался у него за спиной. Чудовище было тяжелым и неповоротливым, и потому, когда каменная нога с грохотом опустилась на мостовую, атланта там уже не было. Он мчался к лестнице.

Башня была сложена из небольших, тщательно обработанных камней, покрытых тонкими рисунками. Куллу было некогда рассматривать их, но краем глаза он невольно замечал некоторые смутно знакомые образы, словно в рисунках содержалась не то задача, не то ответ на нее. Что-то, о чем Кулл знал, но никак не мог вспомнить.

Добравшись до середины башни, атлант взглянул вниз. Статуя стала заметно ниже, и у нее появилась вторая пара рук. Он обомлел: чудовище могло изменяться, приспосабливаясь для боя.

На верхней площадке Кулл обнаружил тяжелый каменный шар, который покоился на маленькой конусообразной подставке. Атлант уперся в пол ногами, навалился на камень плечом, напрягся, с радостью почувствовал, что тот поддается его усилиям, издал боевой клич и изо всех сил толкнул шар. Огромный камень, слетев с подставки, медленно покатился по лестнице навстречу поднимавшемуся чудовищу.

Кулл проследил за ним взглядом: шар встретился с четырехрукой статуей, подмял ее под себя и смел чудовище, расколовшись при этом на тысячи кусочков. У подножия лестницы образовалась большая куча каменных обломков.

Но она продолжала шевелиться!

Атлант будто одеревенел от ужаса, не в силах оторвать взгляд от кошмарного зрелища. Каменная куча рассыпалась, вытянувшись в длинную-длинную гряду, которая вдруг заворочалась с боку на бок, и камешки стали сливаться в одно целое, превращаясь в гигантскую змею. Тело монстра начало разделяться на части, покрываясь броней, из которой торчали острые шипы. Снизу у каждой части вырастали по две ноги. Жуткое создание, опираясь на «хвост», поднялось на высоту, равную башне, и разинуло пасть, усеянную мелкими острыми зубами. Два огненных глаза стремились испепелить чужака, который осмелился похитить камень. Самые верхние лапы чудовища были сложены на груди, словно оно молилось, зато остальные передние конечности завершались крючьями, ножами и пилами. От одного их вида у любого нормального человека помутился бы разум и отнялись руки и ноги. Но Кулл стоял твердо, неотрывно следя за перевоплощениями демона, отмечая каждое его движение, в любой миг готовый ответить ударом на удар.

Он не сомневался в своей участи, но сдаваться не привык. Пусть на несколько мгновений, но он продлит свою жизнь. И если отдаст ее, то недешево.

Гигантская пила с торчавшими в разные стороны зубьями пронеслась над головой ат-

ланта. Он почувствовал дуновение смерти, холодное, как ветер с вершин Зальгарских гор, но все-таки успел отпрыгнуть в сторону, прежде чем еще одна пила высекла из камня сноп искр. Он отступил к висячему мосту, который уходил вниз, к крыше соседнего здания, и побежал по нему, стараясь выиграть время. Демон, шаркая многочисленными ногами, стал огибать башню. Мост раскачивался под Куллом, и он едва удерживался на ногах.

Очередной удар монстра пришелся по веревке, на которой держался мост, но атлант успел ухватиться за поручни, перелетел улицу вместе с оборвавшимся мостом, рухнул на балкон и мощным ударом плеча вышиб дверь, ведущую внутрь. Комната, в которую он попал, ничуть не походила на человеческое жилье. Голые стены, испещренные все теми же странными рисунками, что и на башне, пол, доходивший только до середины... Кулл спрыгнул вниз и увидел открытый проем: монстр уже добрался до дома и ломал стену. Увернувшись от падающей балки, атлант выбежал на следующую улицу.

Он надеялся, что сумеет добраться до лестницы, ведущей к озеру. Только тогда он обретет надежду на спасение.

В одном месте он заметил боковую улочку, настолько узкую, что чудовище не смогло бы пройти по ней, и свернул на нее. Сзади тут же послышался страшный грохот. Демон шел по пятам, ломая стены домов. Трещины бежали впереди, обгоняя человека, свиваясь в замысловатые узоры. То и дело уворачиваясь от падающих камней, Кулл выскочил на широкую

улицу — ту самую, по которой он шел к площади. Ее легко было запомнить: здесь стояла тяжелая золотая арка.

Монстр вылетел из разрушенной улочки, со всего размаху врезался в колонну, поддерживавшую арку, она раскололась, и из нее во все стороны, сверкая, брызнули драгоценные камни. Падая, арка снесла длинный балкон, и все это обрушилось на уродливую голову порождения Тьмы. Но оно лишь помотало головой, стряхивая обломки, и прыгнуло к Куллу, отрастив в прыжке огромные бивни. Атлант едва успел отскочить к стене, и демон вонзил бивни в мостовую, превратив булыжники в мелкое крошево.

И вдруг Кулл понял, что происходит. Рисунки на башне! Он видел их на обломках стены в разрушенном городе на краю пустыни Ханана. Его раб Кутулос рассказал тогда ему легенду, связанную с ними. Эти рисунки использовали древние маги, чтобы создавать чудовищ. Монстров порождает страх специально выбранных жертв, которых заставляли смотреть на то, чего они боялись. И теперь такой жертвой стал атлант!

Не что иное, как его непрерывные мысли о чудовище, давали тому жизнь, а страх лишь увеличивал его силу. Он сам вызвал демона из камня, а затем щедро питал его собственными иллюзиями. Чудовище не могло погибнуть, пока его видели и думали о нем!

И тогда Кулл отвернулся.

* * *

За спиной атланта творился кошмар. Чудовище выло и рычало, со страшным скрежетом царапая камень, вскрикивало, словно дитя, которому причиняют боль, бормотало, как умирающий старик, и снова выло и рычало— то злобно, то жалостливо. Леденящий кровь ужас нашептывал Кулла: «Обернись!» — но холодный рассудок и железная воля не давали ему сделать это.

И звуки начали затихать, пока наконец не наступила тишина.

Кулл вытащил камень и заглянул в его темную глубину. Камень был пуст! Чудовище бесследно исчезло.

Безмолвие мертвого города вдруг взорвалось оглушительным грохотом, и в одно мгновение все словно ожило. Вздрыбились древняя мостовая, камни взлетели вверх, за ними устремились мелкие осколки, будто по улицам во весь опор проскакал невидимый исполинский конь. А потом настал черед огромных тяжелых глыб из фундаментов и больших кусков черепицы, а то и целых крыш, сметенных с домов прокатившимся поверху ураганом.

Кулла приподняло и швырнуло вперед, на лестницу, ведущую напрямик к озеру. Он покатился вниз, умоляя богов не разрушать хотя бы ступеньки. Оказавшись за городской стеной, на каменном языке, что нависал над водой, которая бурлила от падающих обломков, он увидел, что его утлое суденышко все еще держится на плаву, и с разбегу нырнул. На то место, где он только что стоял, рухнула глыба, вдребезги разбив мостик причала.

Остров, на котором совсем недавно возвышался безмолвный город, древняя сокровищница желаний, расплзался, как кучка пепла под проливным дождем. Не осталось уже ни одного целого здания, ни одной целой башни — город превратился в каменное крошево, которое, подрагивая, словно умирающий гигант, все больше и больше погружалось в озеро.

Кулл вынырнул рядом с рыбацкой лодкой и перевернул ее вверх дном, чтобы, прикрываясь ею, плыть к берегу. Днище лодки спасало, по крайней мере, от мелких камней, которые то и дело сыпались с неба и запросто могли расшибить голову.

Постепенно каменный дождь прекратился. Атлант выбрался из-под лодки и посмотрел назад. От острова не осталось и следа, а там, где он был, лишь иногда взвивались огромные фонтаны, почти достигающие потолка пещеры. Когда Кулл вышел на берег, воцарилась полная тишина.

к к к

В воздухе рассыпался мелодичный звон, подобный смеху юной девушки. Кулл оглянулся. Прямо на земле, в нескольких шагах от него, неожиданно возник круг, точно такой же, как тот, через который он попал к кратеру. Атлант шагнул внутрь волшебного круга и закрыл глаза, чтобы вновь не ослепнуть.

Чародей ждал его на берегу ручья. Солнце окрашивало горизонт в мрачные багровые тона. В провалах окон каменного дома-крепости

клубился кровавый туман. Вершина круглой башни сверкала, как изумруд.

За спиной колдуна стоял резной столик с разными магическими предметами — вроде тех, что были у него в Зале Приемов: глиняными фигурками людей и животных и деревянными дощечками с непонятными знаками. Сверху лежало нестерпимо сверкавшее круглое зеркало в оправе из драгоценных камней.

— Я принес камень,— сказал Кулл.— Выполнишь ли ты свое обещание?

— Ты сделал то, что должен был сделать, а я не бросаю своих слов на ветер,— ответил Видам Гулли и показал вглубь острова, туда, где раньше высилась огнедышащая гора.

Теперь там находился прекрасный город, в котором все дома были из мрамора. На крышах многих домов благоухали сады, тонувшие в нежном сиянии закатного солнца.

Не осталось и следа от огненного чудовища, которое прежде обнимало остров страшными щупальцами. Исчезла и черная пыль. В прохладном воздухе у самой земли клубились сгустки тумана, в небе проплывали пушистые облака, большие, словно горы. Повсюду буйно разрослась зелень. Птицы с желтыми, бирюзовыми и радужными перьями порхали в небесах. Цвели деревья и травы. Десятки тысяч насекомых гудели в лесу, создавая неповторимую музыку щедрой природы.

Атлант протянул свою добычу магу. Видам Гулли принял камень бережно, будто живое существо, и уставился в его темную глубину. В глазах чародея загорелся алчный огонь.

Неожиданно воздух начал едва заметно дрожать, затем сильнее и сильнее, и вдруг зазвучала музыка, громкая, торжественная и в то же время грозная и мрачная, словно под нее собирались шествовать все силы Тьмы. Над камнем желаний возник сияющий конус, в котором двигалось Нечто, постепенно приобретая все более и более отчетливые очертания.

Руки Видама Гулли задрожали: он был сильно напуган.

Легкая рябь, которой был подернут конус, исчезла, и атлант увидел зависшего над камнем человека. Он был обнажен, и тело его оказалось совершенным.

Человек из камня открыл глаза, в которых пылал демонический огонь, и уставился на съезжившегося от страха колдуна, даже мельком не взглянув на Кулла.

— Приветствую тебя, жаждущий наслаждения, от которого никогда не устанешь и которое не кончится, пока существует мир! — прогремел его голос.

Стало так тихо, что Кулл слышал биение собственного сердца. Таинственное создание снова обратилось к магу:

— Человек, твой истинный возраст превышает не одну сотню лет. А я не выполняю просьбы тех, кто скрывает свой настоящий облик.

Вокруг чародея за клубился туман. Атлант пытался рассмотреть, что происходит с Видамом Гулли, но так и не смог.

— Нет,— произнес грозный голос.— Сейчас ты явишь мне свое подлинное лицо, и тогда я навсегда стану твоим рабом, исполню твоё за-

ветное желание, и ты забудешь о тоске, отринешь все человеческое, ибо оно дарует печаль.

Колдун в ужасе отшатнулся, опрокинув резной столик. Зеркало треснуло с печальным звоном, и Видам Гулли стал удивительно быстро стареть. Из крепкого здорового мужчины среднего возраста он в несколько мгновений превратился в сгорбленного старца. Его кожа уподобилась коже мумии, пролежавшей в гробнице не одну тысячу лет, на лице застыла гримаса ненависти. Сухие потрескавшиеся губы кривились в усмешке горького разочарования, кривые узловатые пальцы больше походили на птичьи лапы.

— Люди отчаянно борются со своим возрастом,— продолжал человек из камня,— но противостоять неумолимому течению времени не дано смертным. Сейчас ты можешь потребовать у меня все, что пожелаешь, ибо я готов служить тебе.

Но Видам Гулли, похоже, утратил способность говорить. Он только беззвучно открывал и закрывал беззубый рот, не в силах вымолвить ни слова. Камень выпал из ослабевших рук древнего старца и покатился к ручью.

— Ну что ж...

Фигура человека расплылась, и на ее месте тут же стала образовываться другая, но в ней уже не было ничего человеческого. Постепенно над головой чародея возникла черная туча, которая постоянно колыхалась, то и дело отбрасывая не то сгустки, не то щупальца цвета застывшей крови.

— Ты обрешь наслаждение, от которого никогда не устанешь, и будешь вкушать его

всегда, до скончания времен,— слышался голос.— Имя ему — забвение!

Маг бросил на Кулла взгляд, в котором не было ничего, кроме смертельного ужаса. В следующее мгновение одно из щупалец дотянулось до Видама Гулли, раздался легкий треск, блеснула короткая молния, и колдун исчез во вспышке пламени. Вслед за ним в прозрачном воздухе медленно растворилась фигура неведомого существа. Потом на глазах у неподвижно стоявшего атланта рассыпались в прах башня, каменный дом и стена, его окружавшая. Еще через неуловимо краткий миг опали на землю зеленые листочки с деревьев, пожухли и превратились в желтый песок. На месте ручейка возникла неглубокая овальная чаша, сделанная из отливающего перламутром материала, но и она продержалась совсем недолго. На земле остался только камень, сверкавший множеством ледяных граней. Кулл наклонился и поднял его. Камень источал невыразимый холод.

Взбираясь на вершину холма, атлант подумал, что чародей был, пожалуй, прав. Люди недостойны столь великого дара, да и вряд ли кто-нибудь осмелился бы воспользоваться им. Опасная штука, если не знать, как с ней обращаться. Очень опасная...

Небеса раскололи тяжелые раскаты грома. Из белоснежных кучевых облаков с громким клекотом вылетела гигантская птица.

— Валка и Хотат,— задумчиво произнес Кулл.— Если душу человека заменит мертвый камень, этот мир погибнет.— Атлант покачал головой.— Нет, люди сами должны осуществ-

лять свои желания. Вот только дай им боги мудрости...

Он прикрыл глаза и поднял руку. Камень на его открытой ладони востепенулся и полетел над морем, поднимаясь все выше и выше, пока не исчез в бескрайней синеве неба, теперь уже навсегда.

БЕГСТВО ИЗ АТЛАНТИДЫ

Солнце садилось. Его последние алые лучи заливали землю и лежали кровавыми коронами на покрытых снегом вершинах. Три человека, вдыхая запахи, принесенные ветром из далеких лесов, полюбовались угасанием дня, а потом обратились к более насущным нуждам. Один из них, готовивший оленину на маленьком костре, потрогал дымящееся кушанье и облизнул палец с видом знатока.

— Готово. Кулл, Хор-Нак, можно есть!

Говоривший был молод, почти мальчик, высокий, широкоплечий паренек с узкой талией, двигавшийся с изяществом леопарда. Из его товарищей один был постарше, властный, крепко сложенный волосатый мужчина со свирепым лицом. Другой казался близнецом говорившего, не считая того, что он был немного крупнее - выше, крепче в груди и шире в плечах. Даже больше, чем первый юнец, он производил впечатление стремительности, скрытой в длинных гладких мышцах.

— Хорошо, сказал он. — Я голоден.

— А когда ты не бываешь голоден, Кулл? — пошутил первый.

— Когда я сражаюсь, — ответил Кулл серьезно.

Второй бросил на своего друга быстрый взгляд, словно пытаясь проникнуть в его мысли.

— Ну а тогда ты жаждешь крови, — вмешался старший. — Ам-Ра, кончай трепотню и подавай нам поесть.

Опускалась ночь, замерцали звезды. Над погруженной в сумерки горной страной проносился слабый ветер. Где-то вдали внезапно заревел тигр. Хор-Нак инстинктивно потянулся к лежащему рядом с ним копыю с кремневым наконечником. Кулл повернул голову, и странный блеск появился в его холодных серых глазах.

— Полосатые братья вышли на охоту, сказал он.

— Они поклоняются восходящей луне. — Ам-Ра показал на восток, где уже появилось красноватое сияние.

— Почему? — спросил Кулл. — При луне они видны и их добыче, и их врагам.

— Когда-то, много сотен лет тому назад, — сказал Хор-Нак, — царь-тигр, преследуемый охотниками, воззвал к женщине на луне, и она скинула ему вниз лозу, по которой он взобрался к ней на луну и провел там много лет в безопасности. С тех пор весь полосатый народ поклоняется луне.

— Я в это не верю, сказал Кулл резко. — Почему полосатый народ должен почитать луну за то, что та помогла одному из них, сдохшему уже давным-давно? Множество тигров взбира-

лось на Обрыв Смерти, спасаясь от охотников, но они не поклоняются этому обрыву. Да и как они могут знать о том, что случилось так давно?

Хор-Нак нахмурился.

— Не слишком-то приличествует тебе, Кулл, вышучивать твоих старейшин или насмехаться над легендами усыновившего тебя народа. Эта повесть должна быть правдивый, потому что она передавалась из поколения в поколение, дольше людской памяти. То, что всегда было, то и должно быть вовеки.

— Ив это я не верю, вторично возразил Кулл. — Эти горы были всегда, но когда-нибудь они рассыплются в песок и исчезнут. Когда-нибудь море покроет эти горы...

— Хватит святотатствовать! — вскричал Хор-Нак сердито. — Кулл, мы близкие друзья, и я терплю все это, потому что ты еще молод. Но одно ты должен зарубить себе на носу — уважай традиции. Ты смеешься над обычаями и путями нашего народа, ты, кого этот народ спас в дебрях, кому он дал дом и племя.

— Я был безволосой обезьяной, бродящей по лесам, — честно признал Кулл, не стыдясь. — Я не умел говорить на языке людей, и моими единственными друзьями были тигры и волки. Я не знаю, кем были люди моего народа, чья кровь течет в моих жилах.

— Это все не имеет значения, — прервал его Хор-Нак. — Хотя ты и похож на человека из племени изгнанников, живших в Долине Тигров, которые погибли во время Великого Наводнения, это ничего не значит. Ты проявил себя доблестным воином и великим охотником...

— Где ты найдешь равного ему в метании копья или в борьбе? — прервал его Ам-Ра с загоревшимися глазами.

— Истинная правда, — сказал Хор-Нак. — Он делает честь племени Приморских гор, но, не смотря на все это, он должен придерживать свой язык и научиться относиться с почтением к святыням прошлого и настоящего.

— Я не насмехаюсь, — сказал Кулл спокойно. — Но я знаю, что многое из того, о чем говорят жрецы, — это ложь, потому что я бегал с тиграми и знаю диких зверей лучше, чем эти жрецы. Животные — это не боги и не дьяволы, они подобны людям, только без похоти и жадности человека.

— Опять святотатство! — воскликнул Хор-Нак сердито. — Человек — это величайшее творение Валки!

Ам-Ра вмешался, пытаясь изменить тему беседы.

— Утром я слышал бой береговых барабанов. На море идет война. Валузия сражается с лемурийскими пиратами.

— Проклятье тем и другим! — проворчал Хор-Нак.

Глаза Кулла снова заблестели.

— Валузия! Земля чар! Когда-нибудь я увижу великий Город Чудес!

— И скверным будет этот день, буркнул Хор-Нак. — Тебя закуют в цепи, и тебе будет суждена пытка и смерть. Ни один человек из нашего народа не видит Великого Города иначе, как попав в рабство.

— Проклятие ему, — пробормотал Ам-Ра.

— Проклятие и кровавая судьба! — воскликнул Хор-Нак, грозя кулаком востоку. — За каждую каплю пролитой атлантами крови, за каждого раба, надрывающегося на их проклятых галерах, да постигнет черное проклятие Валузию и все Семь Империй!

Ам-Ра воодушевленно вскочил на ноги и повторил часть проклятия. Кулл отрезал себе еще один ломоть жареного мяса.

— Я дрался с валузийцами, сказал он. — И они храбро сражались, но убивать их было легко. И они вовсе не выглядели свирепыми.

— Ты дрался со слабаками из стражи северного берега, — проворчал Хор-Нак, — или же с командами выброшенных на берег купеческих судов. Подожди, пока ты не встанешь лицом к лицу с налетающими Черными Отрядами или с самим Великим Воинством, как стоял я. Хай! Вот тогда ты и напьешься крови! Я грабил валузийские берега с Гандаро, Носителем Копья, когда я был младше тебя, Кулл. О, огнем и мечем мы прорвались далеко вглубь империи. Пятьсот человек нас было, из всех прибрежных племен Атлантиды. А вернулось из нас только четверо! У деревни Ястребов, которую мы разграбили и сожгли, передовые из Черных Отрядов раздавили нас. Хай! Там копья напились и мечи утолили жажду! Убивали мы и убивали нас, но когда гром битвы затих, четверо из нас бежали с поля боя, и все - жестоко израненные.

— Аскаланте рассказывал мне, — продолжал Кулл о своем, — что стены вокруг Хрустального Города в десять раз выше высокого мужчины, что блеск золота и серебра слепит глаза, а женщины, гуляющие по улицам или глазающие из

окон, одеты в странные гладкие одежды, блестящие и шуршащие.

— Уж Аскаланте-то должен знать, — мрачно сказал Хор-Нак, — раз он был у них рабом так долго, что забыл свое доброе атлантское имя и вынужден с тех пор обходиться валузийской кличкой, которую они ему дали.

— Он убежал от них, — заметил Ам-Ра.

— Да, но на каждого раба, вырывающегося из темниц Семи Империй, приходится семеро гниющих в темницах и умирающих каждый день, ибо не подобает атланту влачить рабскую жизнь.

— Мы враждовали с Семью Империями с испокон веков, — пробормотал задумчиво Ам-Ра.

— И будем враждовать, пока мир не рухнет! — с диким довольством сказал Хор-Нак. — Ибо Атлантида, благодарение Валке, враг всем людям.

Ам-Ра поднялся и взял копье, готовясь встать на страже. Остальные двое прилегли на траву и почти мгновенно заснули.

Что снилось Хор-Наку? Возможно, битва или громовой топот буйвола, а быть может - девушка из пещер. Что же до Кулла...

Сквозь туманы его сна пробились издали золотые голоса труб. Облака лучистого сияния плыли над ним, и вот величественное зрелище открылось его спящей душе. Неисчислимое скопление людей без края и конца, их оглушительные крики, сливающиеся в громовой рев, в котором угадывались слова незнакомой речи. Послышалось слабое бряцание стальных доспехов - отряды огромного воинства появились

справа и слева. Туман поредел, и из него отчетливо выступило лицо, увенчанное царской короной, с профилем ястреба, бесстрастное, неподвижное, с глазами, напоминавшими цветом холодные серые волны северного моря. И тогда вновь прогремели голоса: «Славься царь! Славься царь! Славься, царь Кулл!»

Кулл вздрогнул и очнулся. Луна озаряла дальние горы, ветерок шелестел в высокой траве. Рядом храпел Хор-Нак, а Ам-Ра стоял на страже - нагая бронзовая статуя на фоне звезд. Взгляд Кулла скользнул по его собственному скудному одеянию - леопардовой шкуре, обернутой вокруг бедер. Голый варвар-дикарь... Глаза его заблестели. Царь Кулл!

Он снова погрузился в сон.

Поднявшись наутро, они направились к пещерной стоянке своего племени. Солнце стояло еще невысоко, когда их взорам открылась широкая голубая река и показались знакомые темные зевы пещер.

— Глядите, — резко выкрикнул Ам-Ра. — Они кого-то жгут!

Перед пещерами возвышался крепкий столб, к которому была привязана молодая девушка. В глазах людей, столпившихся вокруг, не было ни следа жалости.

— Самрита, — сказал Хор-Нак с окаменевшим лицом. — Она вышла за лемурийского пирата, это распутница.

— Да! — буркнула женщина с жестокими глазами. — Моя родная дочь стала позором Атлантида:. Больше она мне не дочь! Дружок ее помер, а Самриту выбросило на берег, когда их корабль был разбит нашим.

Кулл с сочувствием разглядывал девушку. Он не мог понять, почему все эти люди, ее собственная плоть и кровь, так ополчились на нее просто потому, что она полюбила врага их народа. Во взорах, обращенных к ней, Кулл уловил лишь одни взгляд участия. Странные голубые глаза Амры были полны печали и сочувствия.

Трудно сказать, какие чувства отражались на неподвижном лице Кулла, но взгляд обреченной девушки не отрывался от его взора. В ее глазах не было страха, лишь напряженный зов. Взгляд Кулла упал на поленья у ее ног. Скоро жрец, выкрикивающий сейчас проклятия рядом с ней, подожжет эти поленья факелом, дымившимся сейчас в его левой руке. Кулл видел, что девушка была прикована к столбу тяжелой деревянной цепью, своеобразным, типично атлантским изделием. Он не смог бы разорвать эту цепь, даже если бы пробился сквозь преграждавшую ему путь толпу. Глаза девушки умоляли его. Взглянув еще раз на поленья, он прикоснулся к длинному кремневому кинжалу за поясом. Она поняла, кивнула, в глазах ее вспыхнула искорка надежды.

Кулл ударил так же неожиданно и внезапно, как кобра. Он выхватил нож из-за пояса и метнул его. Нож вошел прямо под сердце, убив девушку мгновенно. Люди застыли, словно зачарованные. Кулл повернулся, метнулся в сторону и вскарабкался по двадцатифутовому отвесному обрыву, точно кошка. Кто-то из ошарашенной толпы схватил лук и прицелился. Кулл перевалился через край обрыва, лучник прищурился - и тут Ам-Ра, словно нечаянно, подтолкнул

нул его, и стрела ушла далеко в сторону. И Кулл исчез.

Он слышал крики у себя за спиной. Его соплеменники, воспламененные жаждой крови, дико ринулись за ним, чтобы догнать и убить за нарушение их странного и кровавого кодекса чести. Но никто в Атлантиде не мог бы обогнать Кулла из племени Приморских гор.

Кулл спасается от своих соплеменников лишь с тем, чтобы попасть в плен к лемурийцам. Следующие два года он проводит рабом на галере, пока ему не удастся бежать. Он пробирается в Валузию, где становится отверженным в горах, а затем его хватают и бросают в темницу. Удача улыбается ему, и он становится сначала гладиатором на арене, затем солдатом воинства и, наконец, военачальником. Тогда, опираясь на наемников и некоторых недовольных аристократов, он захватывает трон. Кулл убивает деспотичного царя Борну и срывает корону с его окровавленной головы. Сон становится явью. Атлант Кулл восседает на троне древней Валузии.

ПРОКЛЯТИЕ ЗОЛОТОГО ЧЕРЕПА

Ротас из Лемурии умирал. Кровь перестала течь из глубокой раны под сердцем, но пульс продолжал еще слабо биться.

Колдун лежал на мраморном полу. Вокруг него поднимались гранитные колонны. Серебряный идол рубиновыми глазами пристально взирал на него — на Ротаса, лежащего у его ног. Основания колонн покрывали резные изображения странных чудовищ. Над храмом тихо перешептывались деревья, окружавшие строение. Они оплели его своими ветвями и дрожали, шелестели под порывами ветра. Время от времени огромные черные розы роняли темные лепестки, словно скорбя по Ротасу.

Ротас умирал. Но на последнем дыхании он произнес проклятия своим убийцам. Он проклял неверного короля, который предал его, — вождя варваров Кулла из Атлантиды, который нанес ему смертельный удар.

Служитель безымянных богов, Ротас умирал в заброшенном храме на вершине одной из самых высоких гор Лемурии. Глаза Ротаса тлели, словно угли ужасного холодного пламени. Перед

ним лежало одно из самых живописных ущелий. Тут произошло множество событий: были и шумные приветствия поклонников, и рев серебряных труб... потом интриги, яростная атака захватчиков... и смерть.

Ротас проклял короля Лемурии — короля, которого сам же учил бесстрашию и древним тайнам. Дурак, он открыл своему ученику источники своих сил и рассказал про свои слабости. И ученик узнал о страхах колдуна, а потом попросил помощи у его врагов-завоевателей.

Как странно, что он, Ротас Лунного Камня, владелец Царского Локона, колдун и чародей, задыхается на мраморном полу, став жертвой самой материальной из всех угроз - меча в мускулистой руке.

Ротас проклял собственное бессилие. Он чувствовал, как затухает его разум, но успел проклясть людей всех миров. Он проклял батасов и гелдоров, Ра, Ка и валков.

Он проклял людей — всех живущих и умерших, все поколения неродившихся на миллион поколений вперед. Тех, кого ныне называли враммами и джаггтаногоами, ками и килкасо. Он наложил проклятие на поклонников Черных Богов, на следы Одинокой Змеи, когти Повелителя Обезьян и стальные переплеты Шама Гораса.

Умиравший колдун проклинал добродетель и доблесть, произносил имена богов, забытых даже священниками Лемурии. Он взывал к темным теням чудовищ из страшных миров, что вращаются вокруг черных солнц по ту сторону звезд.

Ротас ощущал, как за спиной у него собираются тени. Он заговорил быстрее. Кольцо смерти вокруг него сжималось, и он уже чувствовал тигриные клыки дьяволов, поджидающих его душу. Он слышал, как трутся друг о друга их тела, видел их горящие глаза. За спинами их парили белые тени тех, кто умер на алтарях в страшных мучениях под его ножом. Они плавали в воздухе, похожие в лунном свете на сгустки мглы. Их огромные глаза уставились на Ротаса с печалью, обвиняя его...

Колдун боялся, и страх вырывался из его уст громким богохульством, перерастая во что-то еще более ужасное. Охваченный дикой яростью, Ротас изогнулся так, чтобы кости его и после смерти могли принести ужас и гибель сынам человеческим. Но, уже произнося последние свои слова, он знал: долгие годы сплетутся в столетия, и его кости станут пылью, прежде чем люди придут на его могилу. От страха Ротас стал еще быстрее терять силы. И тогда он сотворил последнее заклинание, произнес замораживающую кровь формулу, назвал еще одно ужасное имя.

Он почувствовал движение стихий, ощутил, как кости его становятся твердыми и хрупкими. Не чувствуя холода, переступил он Порог. Шепот ветвей затих, и росинки искорками смеха заблестели на драгоценных камнях глаз идола.

Годы слагались в столетия. Столетия — в эпохи.

Записанные на пластины из изумрудов и рубинов эпические поэмы о Ротасе были ужасны.

Опрокинулись троны и навсегда умолкли серебряные трубы вечного лета.

Ревущие нефритовые океаны поглотили земли и все горы Лемурии, даже наивеличайшие скрылись под водой.

. . .

Человек оттолкнул в сторону лиану и посмотрел вперед. Окладистая борода скрывала его лицо. Под ногами хлюпала грязь, над головой навис зеленый свод тропических джунглей.

Но глаза человека были широко открыты от удивления. Он смотрел на разбитые колонны, на крошево мраморного пола. Напоминая змей, зеленые лианы оплели колонны, раскинув свою сеть среди руин. Станный идол, давно упав с разбитого пьедестала, лежал на полу, уставившись в небо красными немигающими глазами. Человек разглядел глаза идола, и его затрясло. Он снова, не веря своим глазам, взглянул на древнее божество и пожал плечами.

Он вошел в часовню, осмотрел основания колонн с вырезанными на них чудовищами, удивляющими своей невероятностью и неописуемым видом. Над руинами храма царил тяжелый запах орхидей.

«Этот маленький, заросший джунглями болотистый остров некогда был вершиной величайшей горы», - подумал человек и удивился тому, зачем неведомый ему народ возвел этот храм. Но человек пока еще не видел ужасную вещь, лежавшую перед идолом. Человек подумал об известности, которое принесет ему его

открытие, о шумных приветствиях известных университетов и всесильных научных обществ.

А потом он согнулся над скелетом на мраморном полу. У того были нечеловечески длинные кости пальцев, любопытная форма ног, глубокие глазные впадины, наросты на костях, необычный, куполообразный череп.

Что могло так искривить человеческие кости, придать такую форму черепу? Человек наклонился, разглядывая скелет. Округлые глазные впадины, суставы на плоских костях, к которым некогда крепились мускулы. Человек размышлял, разглядывая скелет.

Перед ним лежала не искусная подделка какого-то умельца. Эти кости некогда покрывала плоть. Загадочное существо когда-то жило, двигалось, говорило. Мысли человека словно неслись по кругу. Неожиданно ему показалось, что кости сделаны из золота.

Орхидеи медленно качнули бутонами в тени деревьев. Храм устилали лиловые тени. Человек, склонившийся над скелетом, размышлял и удивлялся. Откуда ему было знать о страшных мирах колдовства, обладающих достаточной силой для того, чтобы придать ненависти бессмертие, породить зло, которое крепче камня и на которое не оказывает никакого влияния бег времени?

Человек положил руку на золотой череп. Предсмертный крик разорвал тишину джунглей. Человек словно споткнулся, пронзительно закричал, пошатнувшись отступил, а потом навзничь упал на лианы, устлавшие пол храма.

Орхидеи склонились над ним, скорбя о его смерти. Человек ослеп. Он хватал цветы рука-

ми, рвал их нежные лепестки. А потом он умер. Снова в джунглях наступила тишина, и гадюка медленно выползла из-под золотого черепа.

РАССКАЗ ПИКТА

Трое мужчин сидели за столом, увлеченные игрой. Через открытое окно доносился шепот легкого ветерка. Пахло розами, вином и буйно растущей зеленью.

Трое мужчин сидели за столом: один из них был царем, другой — принцем, наследником древнего именитого рода, третий — вождем воинственного варварского народа.

— Я выиграл! — радостно промолвил Кулл, царь Валузии, передвинув одну из фигурок слоновой кости. — Бью своим колдуном твоего воина, Брул.

Пикт кивнул. Он не отличался, подобно царю, гигантским ростом, но был хорошо сложен, поджар и жилист. Если Кулл был тигром, то Брул — леопардом. Смуглый как все пикты, он имел начисто лишенное мимики привлекательное лицо, крепкую шею, тяжелые квадратные плечи, мощную грудную клетку, обвитые жгутами мускулов руки и ноги — черты, характерные для всех представителей его народа. Но в одном Брул отличался от своих соплеменников, — если их глаза обычно бывали мерцающе карими или иссиня черными, то его очи полыхали

глубокой синевой. Видно, когда то в пиктскую кровь влилась струя крови кельтов или дикарей Севера, что жили разрозненными группами в ледяных пещерах близ Полярного Круга.

— Да, Кулл, колдуна одолеть нелегко, — согласился пикт. — Как в этой игре, так и в настоящей битве. Помню, я однажды едва не лишился жизни, выясняя, кто сильнее — пиктский колдун моего народа или я. На его стороне были чары, в моих руках — отлично выкованный клинок...

Брул сделал паузу, чтобы выпить красного вина из кубка, стоящего у его локтя.

— Поведай нам эту историю, Брул, — настойчиво попросил третий игрок, Ронаро, отпрыск великого дома Атл Воланте — изящный молодой человек с гордо поднятой головой, лицом интеллектуала и пронизательными темными глазами; настоящий патриций, принадлежащий к элите просвещенной аристократии, которым могла бы гордиться любая нация. Двое других его товарищей были в этом смысле полной ему противоположностью. Он родился во дворце, они — один в плетеной хижине, другой в пещере. Родословная Ронаро насчитывала две тысячи лет и многие поколения герцогов, принцев, поэтов, государственных мужей и, наконец, царей. Брул мог смутно припомнить несколько ближайших предков, среди которых были вожди с выбритыми головами, свирепые воины в боевой раскраске и уборах из перьев, шаманов в масках из бизоньих черепов и ожерелий из фаланг пальцев, одного двух островных царьков, правивших мелкими деревеньками, да парочку легендарных героев, считаю-

щихся полубогами за подвиги или массовые убийства. Кулл и вовсе не знал даже собственных родителей.

Но все трое держали себя как равные, и равенство это было превыше знатности и происхождения, — равенство аристократии Рода Человеческого. Люди эти были истинными патрициями, каждый в своем роде. Предки Ронаро были правителями, Брула — бритоголовыми бойцами, Кулла — могли быть и рабами, и вождями. Но в каждом из троих мужчин содержался тот загадочный элемент, который выделяет личность из толпы.

— Ну что ж, — глаза Брула заволокло пеленой воспоминаний. — Случилось это в пору моей юности... Да да... Тогда я впервые отправился в военный поход, хотя и до того мне уже случалось убивать людей — в ссорах, на рыбалке и на пирушках, где собиралось все племя. Но я еще не украсил себя шрамами, отличающими членов клана воинов. — Он указал на обнаженную грудь, и слушатели увидели три небольших горизонтальных линии — татуировку, еле различимую на бронзовой от загара коже пикта.

Ронаро смотрел на рассказчика во все глаза. Ах, эти варвары, они с их первобытной энергией и буйным темпераментом завораживали юного принца. Годы, проведенные в Валузии в качестве одного из сильнейших союзников империи внешне изменили пикта, покрыв его легким налетом культуры. Но под этим внешним лоском продолжала бурлить неприрученная, слепая черная дикость древности. Куда значительнее подобные изменения затронули Кулла,

— некогда воина из Атлантиды, ныне царя Валузии.

— Так вот, Кулл, и ты, Ронаро, — продолжал пикт. — Мы, жители Островов, люди одного народа и одной крови, но разных племен, каждое с характерными только для него одного традициями и обычаями. Своим верховным правителем мы признавали Найела с Татели. Власть его была необременительной. Он не вмешивался во внутренние дела племен и родов, и даже не взимал, как это делают валузийцы, подати и налоги ни с кого, кроме кланов, живущих на острове Татель — Нарги, Дано и клана Китобоев. За это он помогал им, если они начинали войну с другими племенами. Но ни мой клан Борни, ни другие не платили Найелу дань. Он не вмешивался, когда племена принимались воевать друг с другом — до тех пор, пока они не задевали интересы тех, с кого он взимал налоги. Отгремела очередная война, и он становился третейским судьей и его решения считались окончательными — сколько вернуть захваченных женщин, сколько прислать лодок с платой за разрушения и пролитую кровь и все такое. А когда лемурийцы, кельты или иной заморский народ, а то и просто банды безродных грабителей нападали на Острова, он собирал кланы вместе и отправлял их в бой, заставив забыть о распрях и сражаться плечом к плечу... Но Найел был не прочь усилить и расширить свою власть и знал, что во главе своего, очень сильного, клана и при поддержке союзной Валузии он мог бы покорить одно за другим все островные племена. Но знал он и то, что при этом он лишился бы мира и покоя до той

поры, пока остается в живых хоть один из Бор-
ни, Сунгара или из Волков Убийц....¹

¹ Рассказ неокончен. Рукопись найдена Гленом Лор-
дом в архивах Роберта Говарда.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЛИНА ТИГРОВ

У. Гордон
Долина Тигров
7

Дэн Ферринг
ВОИНЫ ВЕЧНОСТИ
159

ВАЛУЗИЙСКИЕ БОИ
Д. Коннел
Валузийские бои
218

К. Смит
Выбор богов
291

К. Смит
Камень желаний
343

Р. Говард
Бегство из Атлантиды
387

Р. Говард
Проклятие золотого черепа
396

Р. Говард
Рассказ пикта
402

Литературно-художественное издание

КУЛ И ВОИНЫ ВЕЧНОСТИ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художники *Кирилл Рожков,*
Владислав Асадуллин
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Анны Новиковой*
Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.09.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7000 экз. Заказ 1296.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодисва, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzar@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы
о новой серии

«САГА О КУЛЛЕ»

по адресу:
197046 Санкт-Петербург,
а/я 771

или по электронной почте:
sevzap@info.pro.spb.su

Северо-Запад®

РЫЖАЯ СОНЯ

Через пятьсот лет после правления Конана
Ахвилонского, орды варваров предадут
Хайборию огню и мечу.
В этот жестокий мир приходит воительница,
неустранимая гирканка Рыжая Соня,
встреча с которой ждет Вас в новом сериале
героической фэнтези издательства
«Северо-Запад»

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН СНОВ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ БОГ

«Северо-Запад»®

ЧИТАЙТЕ
дилогию
«ПОЛУНОЧНАЯ
ГРОЗА»

том 49
«Конан и подземный огонь»
том 50
«Конан и мятеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборнию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

•Северо-Запад®

fantasy

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ISBN 5-87365-049-7

9 785873 650491